

A detailed illustration of a medieval town square. The scene is filled with timber-framed buildings, a central fountain with a stone basin, and several chickens pecking at the ground. The sky is bright blue with many birds flying. The overall atmosphere is peaceful and historical.

Олег Мир

Стражник

У меня простая мечта: стать стражником. Служить городу, защищать людей, выполнять честную и уважаемую работу. Казалось бы, ничего сложного, но не тут-то было... на пути к мечте встанут Проклятые и Одарённые, что выбрали полем боя Вечный город. Верховные аны с их интригами, и портовый банды плюющие на закон. Будет сложно, но я не оставлю мечту.

Часть первая Глава 1

Сержант

Глава 1

Маршал Элимен Борнорал разъезжал перед строем на бледно-белом коне, с нелепым пятном на задней крупе, в дорогом серебристом доспехе. Если умудриться его продать, то половина моей провинции спокойно сможет перезимовать, не зная голода. Героическое лицо расплыено, густые брови сведены к переносице, а пышные усы словно жили своей жизнью, когда маршал особо эмоционально взывал к нашему патриотизму. Седые волосы аккуратными локонами валились на плечи. То, что это главнокомандующий, нам сказал сержант. До этого выше лейтенанта мы не встречали, разве что один раз капитана издали видели, когда он проскакал мимо тренировочного лагеря. Маршал долго распинался, крича про честь, долг и совесть, но нам было плевать. Нас, зелёных новобранцев, только вчера пригнали в город, а до этого собрали из дальних поселений. Месяц в учебке и вот мы уже на войне.

— Долго он еще? — спросил Кол, вроде как шепотом, но сержант, стоящий в десятке шагов от нас, зло цыкнул.

Верзила Кол ничего не умел делать тихо: ни пить, ни драть, ни говорить, ни тем более шептать. Натура у него такая, требующая внимания к себе, даже когда это не надо. Познакомились мы с ним в первый день в учебке, а дружба наша завязалась уже к вечеру того же дня, как водится, с драки. Точно и не вспомню, что послужило причиной ссоры: койка, ненужное слово или просьба заткнуться. Это неважно. Важно другое — мы подрались, и я сумел свести драку вничью при помощи табуретки и удачи. По-честному кулаками мне в жизни его не победить. Попробуй, выруби парня за два метра ростом, с развитой мускулатурой и гранитной челюстью. Громила, не то, что я — абсолютно средний парень. Зайду в ярмарочную толпу и не найдешь, сольюсь с массой. Уже сидя в карцере и обтирая кровь, он мне и предложил дружбу. Мол, такой удачливый парнишка, как я, под боком пригодится.

— Спишь, что ли? — недопустимо громко буркнул он.

— Да не знаю я, — едва слышно ответил я, косясь в сторону сержанта.

Маршал умолк, восстанавливая дыхание, затем встал на стременах и, воздев отлично сделанный клинок в безоблачное небо, проорал:

— За Империю!

Первыми заорали сержанты, мы же с незначительным опозданием подержали их клич. Герой множества битв как полевых, так и застольных, наш энтузиазм порадовал. Он улыбнулся, как сказали бы в моих краях, по-отечески. Конь лихо встал на дыбы и, гарцуя по едва высохшей брусчатке, прошел сквозь наши ряды.

Собственно говоря, выстроили нас поперек улицы, шириной метров пять (как раз мой десяток поместился), вымощенной булыжниками не самого хорошего качества — то тут, то там торчали камни. Но это куда лучше, чем грязь, что властвовала в эту пору в других городах Империи. Середина весны, но солнце уже припекает, по крайней мере, в броне жарко, а если судить по вони вспотевших тел вокруг, не мне одному.

Одели нас, к слову, хорошо: кольчуга с коротким рукавом, остроконечный шлем с бармицами, добротные штаны и короткие сапоги — все черного цвета. В руках тяжелый

пехотный щит и короткий меч. Красота. Видел я войска на окраинах империи, кроме шлемов и щитов ничего толкового не имели. За нашими спинами переминались парни с дротиками, далее второй десяток щитоносцев — эти парни для замены павших. Опытные братья уже полгода солдатскую ляжку тянут. Тьфу ты, привязались же слова с учебки. Сержант кроме как «братья» к друг другу обращаться не разрешал, а оговоришься или не приведи боже ослушаешься, так весь десяток упор лежа и отжиматься. Но это, так сказать, личная инициатива сержантов. На деле же нас учили бою. Если в подробностях, то как держать строй и бить мечом. Ничего сверхсложного, просто удар клинком вперед, большего нам и не надо. Иначе, как говорил сержант, еще зарежем друг дружку, или того хуже — строй порушим.

Дальше всех возле дома какого-то очень уважаемого господина стояли ветераны. Псы войны и горе-вдов. К ним, кстати, маршал и присоединился. Еще были лучники, но мало. Этих парней расставили по крышам домов, второй-третий этаж, высота приличная.

Метров через тридцать улица резко виляла вбок, оттуда мы и ждали врагов. Надеюсь, они окажутся настолько же зелены и наивны, как и мы. Тогда хоть шансы равны. А еще хотелось бы объяснений, за что мы тут сражаемся. Понятно, что за Империю и родимый край, но вот более детальные подробности не помешали бы.

— Ты это видишь? — снова пробасил Кол.

— Что? — не знаю, кто как, а я, чуть прикрыв глаза, наслаждался весенним солнышком.

Глупость, ну и пусть. После промозглого и сырого учебного лагеря, тепла хотелось больше браги. Надо бы врага бояться или злобу нагонять, а я по древней сельской традиции солнышком наслаждаюсь.

Верзила качнулся рукой вперед, показывая кончиком меча на конец улицы. И что? Туман? Стоп, какой еще туман? Не может быть тумана, сейчас хоть и утро, но не настолько раннее, чтобы он вот так стелился, даже еще и полз в нашу сторону.

— Колдовство, — выдал я однозначный ответ.

— Грант, ты у меня в нарядах загниешь, если сейчас же не заткнешься, — прошипел мне в ухо сержант, отчего сразу захотелось совершить какой-нибудь подвиг, чтобы загладить вину и вымолить прощение.

Если когда-нибудь кто-нибудь спросит мое мнение, то я вот что скажу, после пары кружек пива естественно: для боя солдат должен вдохновлять не пафосный маршал или полковник, а сержант, и желательно из нашего десятка. Он бы уже точно объяснил простыми и понятными словами, как и за что мы должны умирать.

Туман тем временем набирал скорость, облизывая вычищенные стены домов и заполняя собой неровную каменную мостовую. Бойцы вокруг напряглись, получив приказ «щит». Тяжело топая, сержант встал в центре нашего строя, зло посопел над ухом побледневшего Кормина Долговязого. Стукнул его по плечу, требуя освободить место. Парень не поверил своему счастью, засуетился и чуть было не выронил щит. За что получил от командира злобный возглас и пинок по зад.

Наш бравый наставник занял место в общем строю. Народ приободрился и еще сильнее уверовал в победу, ибо верить в поражение — это чистое самоубийство. Сержант производил впечатление бывалого воина, который видел все, а если не видел, то уже слышал точно. С первого дня и по сей момент он был суров, собран и решителен.

Сердце отстучало два десятка раз, прежде чем белая пакость коснулась моих сапог, поднялась чуть выше щиколотки и замерла. В горле сразу встал ком, а в ногах появилась

слабость, хоть не в паху, и на том спасибо. Но, задери меня пьяная шляха, я не видел врага и даже не слышал. По каменной улице, зажатой между домов, тихо не подобрёшься. Я чуть расслабил руку с мечом, а то еще мгновение и пальцы поломаю.

В метре от меня из воздуха появилось растерянное лицо юноши в желтом шлеме с маленьким гребнем. Наши взгляды встретились, и он в ужасе открыл рот, дернулся назад и пропал.

— Какого хера?! — громогласно выругался Кол, тем самым отдав команду к началу сражения.

Вражеские солдаты вывалились из воздуха, ударили по щитам. Я пригнул голову и ткнул наугад. Меч скользнул по чему-то жесткому, уходя влево. Еще удар и вот он уже врезался во что-то мягкое. Я ожидал услышать противный жмякающий звук, но шум битвы все поглощал, площадь тонула в солдатском оре и звоне стали. Я ударил еще раз, но в пустоту, потом еще и снова не нашел цели. Стоило мне поднять взгляд над щитом в поисках врага, как что-то сильно ударило в шлем, голову мотнуло назад, в глазах на секунду потемнело. Когда ко мне вернулась четкость зрения, здоровенный крюк, привязанный за веревку, вцепился в край моего щита. Рывок, щит нагнулся, выдёргивая меня из строя, кто-то схватил меня за ремешок и втянул обратно. Крюк, звеня по камням, ушел в пустоту.

Я развернулся, не знаю даже зачем, то ли поблагодарить, то ли найти взглядом сержанта, дабы он объяснил, что и как делать. Но увидел парнишку с дротиком в руке и раскрытыми в ужасе глазами.

— Чего вылупился, бросай! — проорал я, так что в горле заболело.

Он выполнил команду, не мешкая. Деревянный снаряд улетел вперед и пропал в метре от нас. Парень растерянно замер, глядя на меня в ожидании дальнейших приказов. Но меня опередил сержант, проорав очередную команду. Ряд дротиков дружно влетели в невидимый занавес. Не знаю, наносим ли какой-то урон врагам, но бросать парни не переставали. И крюки оттуда больше не вылетали. Очнулись лучники, десяток стрел так же скрылись за барьером, стрельба в никуда казалась глупейшим занятием.

Сзади раздался крик полный страха, я оглянулся. Солдат из третьей шеренги взмыл в воздух, чуть завис над домами, дергая ногами, и с ускорением плюхнулся перед нами, оставляя на брусчатке бурое пятно и кучу перемолотого тряпья. Сзади и с боков послышались рвотные звуки. Каким чудом мой скудный завтрак остался на месте — не понятно. Новый крик и уже парень с дротиком оказался в воздухе. Шлепок. И снова крик. Нас убивали, словно нерасторопная молодуха выпалывала сорняки, дергая тот тут, то там.

— В атаку, ублюдочное племя! — проревел сержант, встал в боевую позицию и сделал шаг к барьеру.

Месяц муштры, но и его хватило, мы последовали за ним. И наставник поступил верно. Еще пару человек зашибло бы об мостовую, и мы разбежались, как бесштаные пацаны при виде сорвавшегося волкодава.

Пару шагов и мы ровной шеренгой вошли в неизвестность. Пробить невидимый заслон, сравни пролomu первого весеннего льда в бадье, немного сопротивления, холод и облегчение. Занесло нас совершенно в другой участок города, надеюсь, того же самого. Одноэтажные дома с выломанными дверьми и разломанными окнами, под ногами грязь, но не это удивило больше всего. А вражеское войско, вернее, его раздробленность, рваный ряд бойцов с круглыми щитами; десяток гарпунщиков, неспешно сматывающих веревки под стон раненых, коих оттаскивали незанятые бойцы. Общая атмосфера вражеской армии больше все

подходила под слово. Не ждали.

Не уверен, что я расслышал приказ, просто атаковал в общем порыве. Быстрый рывок, и вот я ударил первого врага, как учили — коротко и быстро. Клинок встретился с щитом противника, снова выпал, снова дерево приняло острый металл. Неприятель с яростным криком ударил мечом сверху. Я пригнулся, приподнимая щит. Воин отпрянул, и крюк, вылетевший из-за его спины, удачно зацепился за край щита. Я попытался скинуть зацеп, но не успел — меня выдернули, и в этот раз не оказалось растерянного парнишки, чтобы вернуть меня назад в строй. Дабы не распластаться в грязи, пришлось выдернуть руку из лямок щита. Моя верная защита отлетела в сторону, а я голый остался один на один с толпой злобных воинов, жаждущих крови.

Лихорадочно шагнул назад, в попытке увернуться от копья, возникшего откуда-то сбоку. Поскользнулся, упал задницей в грязь. Мир сузился лишь до наконечника занесённого копья. Я крутанулся в бок, оперся на колено, и как мог прыгнул в сторону. Снова падение в жижу, брызги попали в глаза и рот. Поднялся на локти в ожидании удара по спине, затем уперся ладонями в землю. Поднял взгляд и увидел сапоги чужого покроя. Рванул вперед, схватил за щиколотку левой рукой, правой ударил в пах, валя противника.

Враг упал, меч шмякнулся рядом, не думая схватился за рукоять, подполз ближе и перерезал глотку врагу засапожным ножом. Лишь тогда заметил, что все это зря — дротик в грудь убил его раньше. Опираясь на колено, выпрямился, и шум битвы ударил в меня не хуже, чем поток холодной воды. Крик, лязг, мат, стоны переплелись в песни хаоса и боли. Правый глаз слезился из-за грязи — прикрыв его, осмотрелся. Никакого строя, все разбились на маленькие группы, или того хуже — вязались в одиночные дуэли, превращая сражение в масштабную драку.

Увидел в десяти шагах мощную спину Кола, двинулся к напарнику.

— Строй, жить! — колоколом звенели слова сержанта.

На дороге махнул клинком не глядя, вроде кому-то топал в плечо. Обошел дерущихся сбоку и ударил по врагу слева. Мужик с перекошенным от злобы лицом парировал выпад. Но другу хватило этого — удар пришелся в предплечья нашего общего противника. Тот ойкнул, хватаясь здоровой рукой за покалеченную. Вторым ударом Кол добил противника. Верзила мгновение смотрел на меня, словно не узнавая, затем наклонился и молча вручил круглый щит. Всунул руку в непривычную лямку, пусть и незнакомая тяжесть придала уверенности.

Мы едва сделали шаг, как на нас налетело трое противников. На пределе своих сил мы кое-как отбили их свирепый натиск. Я не успевал увидеть деталей, только силуэты со смертоносной сталью. Они бы нас убили — мы мало что умели в одиночной схватке, еще меньше могли, в отличие от противников, явно обученных действовать в связке. От смерти нас отделяло хорошо, если десятков ударов, вкупе с выпадами. А тут хоть шипи, рычи, проклинай богов — все пустое.

Но сбоку, словно Проклятый, из-под земли появился сержант. Не знаю, что он там сделал, но один враг упал в грязь, держась за ногу. Его добил Кол, другой же повернулся ко мне спиной, и тут я не сплеховал и со всей силы ударил по шлему. Боль пронзила кисть руки, да и плевать, главное противник качнулся вперед под клинок сержанта. Третий продержался против нас не более пяти ударов, и, насколько я мог видеть, зарубил его Кол.

Верзила, переломавшись пополам, оперся на меч, надсадно хрипел, стараясь восстановить силы. Я же усиленно пытался сглотнуть ком в горле, дабы хлебнуть воздуха как можно больше. Один сержант выглядел, как вначале битвы, разве что грязный и в крови, еще

и щит потерял.

— Уходим, — он наверняка кричал, но приказ я смог понять только по движению губ.

Я только собрался со всем возможным рвением выполнить приказ, как лицо сержанта исказила гримаса ярости, а из левой стороны груди появился наконечник стрелы. Он сделал несколько шагов, лицо приняло доселе не видимое выражение удивления. Еще шаг и он повалился на меня. Я инстинктивно подставил руки, хватая раненого под мышки. Измотанный битвой, едва устоял на ногах, поднял взгляд в поисках помощи и мысленно выругался. От нашего взвода хорошо если осталась дюжина бойцов, и те спешно отступали, в отличие от врага, который уверенно перегруппировывался. Я стиснул зубы и потащил наставника за линию прорыва. Там ветераны, они помогут и защитят. Пять... десять шагов... где же эта преграда? Я оглянулся, но без толку — впереди лишь разбитые дома. Ноги наставника тянулись по земле, оставляя за собой две неглубоких борозды, и когда они пересекли месиво из следов, я осознал — уйти к своим не выйдет, проход обрубил.

— Какого хера, Грант? — Кол ошарашено смотрел на меня, словно я знал ответы.

— Надо бежать, — прохрипел я, от напряжения горло пересохло. — Держи его.

Руки начали разгибаться, а тело настойчиво поползло вниз, сил держать сержанта не было. Кол лихо подхватил бесчувственное тело, водрузил на плечо, нисколько не заботясь про удобства раненого.

— А теперь бежать, — я махнул в сторону ближайшего дома.

О продолжении сражения и речи идти не могло. Нас тут просто перебьют как телят на бойне. А так если сможем уцелеть, то какую-нибудь гадость врагам сделаем. Напоследок глянул на поле боя — наш отход прикрывало четверо бойцов. Они отчаянно держали стой, враги же не спеша и со вкусом накатывались на них атаками.

Кол добежал до разрушенного дома, замер в ожидании дальнейших распоряжений. Я заметил спуск вниз. С одного маха, и откуда только силы взялись, преодолел пять каменных стоптанных по центру ступенек, свернул налево, пробежал метра два и с разбегу вышиб первую попавшуюся дверь. Пересек дом насквозь, чёрного выхода не оказалось. Скрипя зубами, выбил ставни на небольшом окне. Кинул меч вперед, затем пролез сам, когда выпрямился, увидел, как верзила просовывает тело сержанта. Принял раненого, крикнул от натуги, когда он всей массой навалился на меня.

— Быстрее вы, сукины дети! — послышался панический крик где-то в глубине здания.

Кол неуклюже плюхнулся на раскисшую землю и едва успел откатиться, как следом свалился еще один воин. Нас набралось в узком проулке с десятков человек, как внутри здания что-то затрещало, затем раздался оглушающий удар, и окно выплонуло клуб пыли.

— Это че? — спросил кто-то.

— Наши отход прикрывают, — послышался кашляющий голос из окна.

Через пару секунд оттуда вытащили запылённого воина.

— Чего стоим, уходим, — отдал он приказ, едва справляясь с кашлем.

Обнажив меч, я выдвинулся вперед. Как ни странно, страх отсутствовал, только путаница в голове от вала мыслей. Внезапно услышал, как за спиной Кол на кого-то орет:

— За ноги бери, идиот!

Быстрым шагом дошел до обвалившегося снизу угла, присел, быстро выглянул — никого. Махнул рукой, чтобы бойцы следовали за мной, так мы с оглядкой и стали продвигаться дальше. Сердце долбило в груди от нарастающего страха и ожидания смерти. Я ждал, что нас окружают и под ехидные смешки поубивают, развлекаясь кровавой игрой.

Пока везло, мы так никого не встретили.

Стоило заметить более-менее уцелевший дом, как повел туда выживших. Нам срочно требовался отдых, хоть какое-то понимание ситуации и план по дальнейшим действиям, что делать и куда бежать. Плечом выбил дверь на хлипком засове, ввалился внутрь, выставляя меч перед собой. Глаза быстро привыкли к полумраку. Пыль взметнулась, едва пробиваясь через забитые окна в солнечных лучах. Я посторонился, пропуская остальных. Здание показалось достаточно большим, возможно, из-за отсутствия какой-либо мебели и низких потолков. Колу даже пришлось согнуться, чтобы башку не оббить. Стоило закрыть дверь и помещение практически утонуло во мраке. Несмотря на хрипящее дыхание и шум десятка тел, рассаживающихся вдоль стен, я все же услышал булькающий кашель наставника. Растолкал мешающих бойцов и протолкнулся к нему.

То, что сержант выживет, я сильно сомневался. Возможно, если к нему сразу добрался лекарь, или же рядом появилась сестра Милосердия, то да. А так после тряски, что мы устроили, шансы на выживание стремились к нулю. Вероятно, перед смертью он изречет мудрость, что позволит нам выжить и вернуться к своим. Положил аккуратно меч, встал на колени и наклонился к умирающему, почти касаясь ухом губ. Однако кроме бульканья и кашля ничего не услышал. Я уже отчаялся что-либо услышать, как сержант резко схватил меня за шею, дернул к себе и затих.

— Гадство, — одними губами проговорил я.

Внутри меня омыла печаль, не столько из-за смерти человека, сколько из-за потери боевых знаний и опыта. Цинично и бессердечно, может и так, но сегодня умерло и так много народу, и среди них были те, кого я знал лучше, чем сержанта.

— Сдох? — услышал я малознакомый голос.

— Да.

— Какого Проклятого мы его тогда тащили?

— Заткнись, Ржавый, — рыкнул Кол.

Как же я его сразу не опознал. Ржавого недолюбливали все из-за его желания выслужиться и стать капралом. Чего кривить душой, мы все этого хотели, вот только не сдавали приятелей по служебной лямке и не лебезили перед начальством. К тому же он всячески подчеркивал свою образованность, щеголяя знаниями к месту и чаще не к месту. А больше всего бесило, что его методы давали результат, и он почти выслужился. Все к этому шло. Вот и сейчас лезет на роль вожака. Может, и не плохо, людям нужен лидер, главное, чтобы он народ не баламутил и меня козлом отпущения не делал. А то известная схема — объединить всех против кого-то.

— Этот мертвяк только замедлял нас, — с напором выдал Ржавый.

— Своих не бросаем, — в ответ рыкнул я, чтобы хоть как-то оправдаться.

— Ладно, — в голосе проскользнуло снисхождение, — переключка.

— Грант, — первым откликнулся я.

— Торк.

— Моринск.

— Певелинк из Сота, — он же Плевок.

— Мурака из Шая, — он же Кот.

— Вилка, — Вилкиного имени я не помнил.

— Тельмель, — то бишь Ржавый.

— Кол.

— Мел.

Да, не густо нас. Хотя, чего это унываю, без малого десятков вырвался, будь с нами сержант, так и вообще годная боевая единица.

— А где близнецы? — спохватившись, спросил Ржавый.

— На площади остались. Мы их звали, а они словно оглохли, — снова пропищал Вилка.

Да, близнецов нам ой как не хватало. Они, пожалуй, являлись единственными достойными бойцами. Эти двое не были братьями по крови, получили они свои прозвища в первый день в учебке, как и большинство из нас, впрочем. Старший из них, заходя в казарму, столкнулся с младшим. Они обменялись колкостями и с тех пор стали неразлучны. А в бою представляли из себя практически единое существо, настолько чувствовали друг друга. Сержант, помнится, по их поводу даже к лейтенанту ходил, мало ли, Обры. Но не сложилось, нас перебросили сюда.

— Торк, Мел, Вилка к щелям в окнах, наблюдайте за улицей, — отдал распоряжения Ржавый.

Сам же встал возле двери, временами поглядывал в небольшую щель. Парни не охотно зашевелились, но приказ выполнили. В дощатых щитах, закрывающих проемы, хватало прорех для удобного наблюдения

— Что дальше? — задал я самый главный вопрос.

— Подождем здесь, мало ли преследует кто. Потом будем прорывать к своим, — полным уверенности голосом ответил Ржавый.

Хороший план, простой и ясный, самое то в сложившейся ситуации.

— А зачем куда-то прорывать, давайте тут отсидимся? — это уже Торк возмутился.

— Спешить и вправду незачем, — не слишком уверенно заговорил Ржавый, — оглядимся и только тогда выдвинемся.

— А кто хоть на нас напал? — спросил Кол, пристраиваясь к одному из свободных окон. Видно, сам хочет контролировать ситуацию, а не сидеть сиднем в темноте.

Он прав, о врагах мы не знали ничего. Подняли нас чуть свет, выстроили и отправили в двухдневный марш. Затем дали пожрать и в бой. А рассказать, что случилось — это не для мяса. Мы обязаны знать только одну вещь — нужно сражаться доблестно и умереть героически. Ладно, две, но от этого не легче.

— Насколько я понял, на город напал Безликий.

— Ага, собственной персоной, — перебил Ржавого Мор, подпустив сарказма в голос.

— Не сам, конечно, — зло огрызнулся новоявленный лидер, — его подручные Известные.

— Гадство, — едва слышно сказал я.

Все присутствующие в той или иной мере высказались так же.

Внутри колыхнулась застарелая злоба. Наверное, нет в империи человека, которого не коснулись бы злодеяния Известных. Я не исключение. Девять лет назад один из них проходил через нашу провинцию. Где конкретно, не знаю, но так говорили люди. Шел, разговаривал сам собой, и вдруг остановился, сел посреди дороги и два дня не сходил с места. А затем встал и продолжил свой путь, и именно с того места начались неурожай, поглотивший всю провинцию. Я хорошо помнил три года голода и боли, помнил, как умерли голодной смертью два моих брата. Как старшая сестра ушла в замок на заработки и не вернулась. И когда я встретил ее спустя семь лет, она больше походила на старуху, забитую полоумную старуху.

Я ненавидел Неизвестных всей душой. Зачем этот Проклятый так поступил, что стало причиной его гнева — неизвестно. Хм, о них как обычно ничего неизвестно. Ни откуда они приходят, ни что им нужно, ни куда пропадают, ни как их звать. Единственное, что знает народ, так это выбитые у них на лицах цифры. Самое большое число, замеченное выжившими — это девять, от этого и называют Девять Неизвестных.

— Бреешь, — нервно отозвался Вилка.

— Если бы, лично слышал, как лейтенант сержантам рассказывал, — чуть горделиво объяснил Ржавый.

— А если появится Шестой, то с ним точно будут братья из Блайна. А это лучше сразу в петлю, — Вилка все не унимался.

— Заткнись, — рыкнул я.

— Хрен ли сидеть, надо кого-то в разведку посылать, — принялся командовать Ржавый.

— Вроде же отсиживаться решили, — меланхолично заметил Мор.

— Здесь опасно, надо более подходящее место искать.

Про то, что нужно искать своих и объединяться, похоже, уже никто и не вспоминал. Ведь пошлют на убой, тут к оракулу ходить не надо. А жить хочется.

— Так, Мор, бери Торка и валите в разведку. Пройдете вниз по улице, осмотритесь, когда убедитесь, что все хорошо, один вернется за нами. Выполнять, — Ржавый говорил жестко и уверенно. Назначь он меня в разведку, я бы спорить не стал.

Парни быстро подошли к двери и двумя теньями выскользнули наружу. Я только собрался занять их место для наблюдения, но опоздал — Плевок и Кот очутились возле щелей раньше. Мне же пришлось и дальше соседствовать с мертвым сержантом.

Надо бы пересесть. Шурша подошвой по каменному полу, подполз ближе к стене и, уложив меч на колени, принялся распутывать завязки на шлеме. Бармицы нещадно терли подбородок, хотелось освободиться от тисков. Пусть и не по уставу, но пару минут свободы я заслужил. Стянул шлем, приложился затылком к холодным камням, прикрыл глаза. Страха ушел, оставив место встревоженной и волнению.

— Мы выберемся, просто должны выбраться, — прошептал я одними губами, успокаивая себя.

Конечно, зря Ржавый Мора послал в разведку, скользкий он тип, всегда в тени держится, никуда не встречал. Только когда раздают похвалу, он в первых рядах оказывается, а когда наоборот всем разнос устраивают, его и близко нет. Вроде обычный середняк, как я, но за месяц о нем никто ничего не узнал. А начни расспрашивать про жизнь, так ухмыляется и все юлит. Одним словом, Скользкий. Еще и Торка отправил в напарники, вроде и суровый тип, но своего мнения не имеет. Я бы в напарники к Скользкому Кота дал бы, тот уже не подведет. Из военной семьи, устав блюдет лучше, чем жрецы мантру покоя.

— Жердь, обыщи сержанта, может, что толковое есть, — Ржавому не понравилось мое бездействие, вот и решил хоть как-то припахать к полезному труду.

Прозвище мне не нравилось и в другое бы время не откликнулся, но сейчас явно не тот момент, когда следует обострять ситуацию. Я оттолкнулся от стенки и присел на корточки над телом сержанта. И что мне искать? Одет, как и мы, разве что шлем не остроконечный, а с нарождающейся луной наверху. Тут только мародерам есть чем поживиться, а не честным легионерам.

— Проклятую мне в дом, — изумленно воскликнул Кол. — Торка повязали.

— Что? — воскликнул Ржавый.

— Там Торка ведут, — секундная заминка, — но вроде наши. То есть, одеты как наши.

Ржавый подскочил к окну, бесцеремонно оттолкнул Вилку и прильнул к щели.

— Точно с нашего взвода. Гадство, с ними нащечник.

— Прут сюда, — это уже Кол. — Жердь, шлем.

Смысл слов верзилы до меня дошел спустя секунду. Нужно натянуть на себя шлем и платок сержанта. Если с ними капрал, то и подчиняться мы будем ему как старшему по званию. А это значит, в разведку — мы, на острие атаки — тоже мы, как и прикрывать отход и выполнять всю грязную работу. А это существенно снижает шансы на выживание. Я плюхнулся на колени и судорожно принялся развязывать завязки на шлеме сержанта. Пальцами никак не удавалось подцепить кончик веревки. Резать нельзя, кто поверит в такого сержанта. Наконец получилось зацепить кончик веревки и дернуть.

— Двери придержите, — проговорил я, не поворачиваясь, и услышал шаги приближающегося десятка.

Шлем на голову, теперь шарф — развязал быстро, но, как назло, он зацепился за край кольчуги. Я рванул, послышался треск рвущейся ткани. В дверь ударили.

— Открывай, свои, — проорал зычный незнакомый голос.

— Что за свои? — глупо буркнул Ржавый.

— Это я, Торк, подмогу привел, — на дверь надавили, и Ржавому пришлось отступить.

Я отскочил в угол, запихал шарф поверх своего, пока так сойдет, шлем водрузил на голову, завязки болтаются. Будем надеяться на их невнимательность. В дверном проеме замелькали тени. Не прошло и минуты как, весь отряд оказался внутри. Сразу стало тесно и завоняло потом.

— Кто старший? — крикнул я из своего угла.

— А кто спрашивает? — возмутился все тот же зычный голос.

— Сержант третьего десятка Грант, — знать нашего сержанта он никак не мог, мы только с утра в городе.

— Капрал Тучкин, — он растолкал своих бойцов, приблизился почти вплотную ко мне.

Хорошо, темно, и он не может как следует рассмотреть меня, иначе бы у капрала появились бы вопросы. Я заметил, как мощная фигура Кола оттащила что-то в угол, при этом злобно рыча.

— Десяток? — стараясь подражать голосу сержанта, спросил я.

— Седьмой. Третий легион, только из западной провинции. А вы, так понимаю, мясо, новобранцы, — капрал подпустил в голос покровительские нотки.

— Мы третий десяток пятого легиона, — я сократил дистанцию до минимума, капрал отшатнулся назад. — И перед тобой сержант, если ты ослеп.

Во сейчас он пошлет меня ко всем Проклятым разом, и затем зашуршат клинки, выползающие из ножен. Вот сколько их сюда зашло семеро или больше, не сосчитал толком.

— Так точно, — капрал выпрямился, опустив руки по швам.

Хвала святому уставу и его матери дисциплине.

— Докладывай, — я замялся, чтобы более подробно сформулировать приказ, но капрал затараторил раньше.

— Нас заманили в ловушку.

— Невидимая стена в тумане, — произвольно перебил я докладчика.

— Да.

— Продолжай.

— Приняли бой, затем отступили под натиском превосходящих сил. Враг почти сразу отстал. После блуждали по городу. Местность не знаем, затем столкнулись с вашей разведкой.

Хм, странно все это. Нас, можно сказать, отпустили, их тоже не стали преследовать. Все это неспроста. Как-то не верится, чтобы пришедший враг вот так за здорово живешь отпуская разбитых противников. Но придумать какое-то внятное объяснение я пока не мог.

— Ясно. Строиться, — рыкнул я, изо всех сил копируя сержанта и его рубленые приказы.

Ржавый быстро открыл дверь, выпуская вновь прибывших. Когда со мной поравнялись Кол и Мел Торк, спросил:

— Где Мор?

— Сбежал ублюдок, пытался меня зарезать и...

— Потом, — перебил я парня, — не забудь, я сержант.

— Помню, не дурак.

Я вышел последним, щурясь от яркого света, осмотрел бойцов: своих и вновь прибывших, вторых было семеро, у четверых даже имелись ростовые щиты. Капралом оказался коренастый мужик, в потрёпанной кольчуге с потертыми ножнами, на шлеме виднелось несколько зарубин. И да, бармицы с белыми полосами, точно капрал.

— Кот и Мел, в разведку. Капрал, строй своих.

Кот схватил за рукав зазевавшегося горе-разведчика, капрал же выдвинулся вперед и рассеяно раздал указания. Постоянно косясь на меня, словно желая что-то сказать, но никак не решаясь. Ох, как я его понимаю, какой-то юнец, не известно как выслужившийся в сержанты, командует опытными бойцами.

Капрал выставил бойцов с походную шеренгу и, не спрашивая разрешения, отослал еще одного бойца вслед за моими разведчиками. Тот добежал до угла в тридцати метрах от нас. Осторожно выглянул и махнул рукой, мол, выдвигайтесь. Снова моего мнения никто не спросил. Солдаты двинулись по указке капрала.

Передвигаться по узким улицам трущоб — занятие крайне нервное и неприятное. Вонь, грязь, провалы разбитых окон, хлипкие здание, навесы над головами. И никакой ясности по врагу, при этом постоянное ощущение, что кто-то вот-вот кинется на нас из ближайшего закутка. Когда проходили особенно близко возле чернеющих проломов дверей или же особо выделяющегося угла, то старались выставить щитоносца. Блуждали мы в этом лабиринте по моим прикидкам почти до полудня, и чем дольше это продолжалась, тем больше капрал шушукался со своими, и те больше мы делились на две группы.

Я отчаянно ломал голову, как поднять свой авторитет в глазах прибывших, но ничего кроме крика в голову не приходило. А еще меня начала страшить встреча со своими частями. Там-то точно раскусят мою маскировку, а за такое самоуправство ссыльный легион мне обеспечен.

— Надо как-то с ними разделиться, — поравнявшись с верзилой, прошептал я.

— На кой? — не понял тот.

— Они меня раскусили.

Тот сбился с шага, глянул на меня с прищуром, затем отмахнулся.

— Не. Не раскусили, — и двинулся дальше беспечным шагом, насколько позволяла ситуация.

Когда в общий букет зловоний пробрался поток свежего воздуха, я невольно ускорил

шаг, впрочем, как и все. Еще через сто метров к нам подбежал Кот, проигнорировал подавшегося за отчетом капрала и остановился возле меня.

— Там это... — парень явно был сбит с толку. — В общем, сами гляньте.

— Кол, ты за мной, вы будьте начеку.

«Блин, кто же так приказы отдает», — сокрушенно подумал я.

Мы завернули за угол каменного строения, больше подходящего под определение склад, чем жильё. Перед нами предстала прямая, как стрела, улица, сдавленная массивными зданиями. Вместо окон — бойницы, двери же созданы для удержания таранных ударов. Кот повел меня в зев дверного проема. Я поразился толщине створок, почти с локоть длиной; внутри здания несколько мгновений моргал, силясь привыкнуть к темноте. Когда проявились очертания стен и лестницы, ведущей на чердак, я двинулся дальше, оставив Кола возле входа. Кот окликнул меня откуда-то сверху, пришлось подниматься. Стоило забраться на чердак, как пыль сразу же полезла в ноздри. Я резко зажал нос пальцами, сдавливая чих. Согнувшись в три погибели и придерживая меч, последовал за едва видневшейся фигурой бойца.

Шли долго, спину заломило, и колени разгорелись жаром. Вроде не старик, а вот на тебе — чуть дискомфорт, и тело уже выказывает недовольство.

— Тише, — Мела я не увидел, свет из маленького окошка поглощал все внимание.

Встал с краю от проема, стянул шлем и осторожно выглянул наружу. Небольшая площадь, десяток вражеских трупов в хаотичном порядке привалены к стене домов. Крови не видно, словно спят. А может, и в самом деле погружены в царство грез?

— Надо посмотреть ближе, — в самое ухо прошептал я Коты.

— С другой стороны, — ответил он, дыша жаром мне в ухо.

Осторожно перешел на сторону Мела, тот сместился в сторону. Снова выглянул и едва сдержал рвотный позыв. Другую часть площади покрывали оплавленные тела солдат. Зажал рот, отдышался.

— Это что за хрень?

— Не знаем. Спустимся вниз, посмотрим ближе? — предложил Кот.

— А обойти никак?

— А ты видел где-нибудь ответвления по ходу нашего пути? — не по уставу ехидно спросил Кот.

Я молча развернулся и направился в обратный путь. Кто сотворил бойню на площади — не ясно. То ли Одарённые, то ли Проклятые. Обычным смертным такое не под силу. Кто бы это ни сделал, он наверняка уже ушел. Не самые утешительные мысли, а что делать, не впадать же в уныние и не забиваться в щель.

— Что там? — от дверей послышался голос Кола.

— Пока не ясно, бди.

— Угу, — погрустнев, ответил он.

Внизу отряхнулся от пыли, осмотрелся. Глаза уже привыкли настолько, что все виделось вполне отчетливо. Мы находились на складе, наполовину забитым каким-то ящиками. Любопытство вкупе с жадностью тут же потребовали проверить временно бесхозное добро. Но здравый смысл пресёк их поползновения. Хм, странно, и чего это добро никто не охраняет? Война войной, но оставлять поживу мародерам, тем более вблизи нищих кварталов — это верх безрассудства. Хотя, стоп. Я чего-то и нищих не встретил на улице. Но с ними еще куда не шли, шваль по углам забила, но вот охрана склада... Слишком много

странностей, людей не видно и нас никто не преследует. Как бы не пришли мы к куда более худшей участи, чем быть зарезанными или пленёнными.

— Старшой, ты чего? — окликнул меня Мел.

— Пошли, пошли, — задумчиво сказал я, подталкивая парня вперед.

Понизу продвигаться куда комфортнее и, соответственно, быстрее. Дойдя до стены, нащупали ставни, Кот почти бесшумно снял железный засов, положил на земляной пол. Я же, затаив дыхание, приоткрыл ставню, молясь, чтобы местный купец не был скупердьяем и выделил бы денег на смазку петель. Ставня легко отодвинулась в сторону. Я высунулся наружу. Посередине среди мертвого хаоса тел лежало двое. Девушка в красном платье, с черными распущенными по земле волосами, лица не видно. Его заслоняло тело парня, если судить по телосложению. Черная безрукавка, с мудрёным воротником, наручи серебристого цвета, странного покроя штаны той же расцветки, ноги босые.

Мертвые? Правда, они не вписывались в общую картину, словно их сюда принесло напоказ. Только вот кому показывать?

— Девка какая-то знакомая, — прошептал я, отступая назад, дабы остальные могли посмотреть.

— Так это же Пламенная Кара, — прохрипел Кот.

— Точно? — не поверил я.

А кто бы поверил. Одарённая, стоящая второй по правую руку от Императора. И тут в грязи, в нищенском квартале.

— Точно, — подтвердил Мел, — платье ее, да и браслет — личный подарок Императора, тоже на руке.

— Твою же, — он резко отшатнулся от окна и чуть было не сбил Кота, создав столько шума, что мне показалось, его услышали в другом конце квартала.

— Ты чего? — зло засипел я.

— Там Второй Неизвестный.

— Сдурел, — хором выпалили мы с Котом.

Мы втроем присели и чуть отодвинулись от стены. Второй Неизвестный Повелитель Кошмаров. Легендарный Проклятый.

— Описание один в один, — после почти минуты тишины проговорил Мел.

— Тебе откуда знать?

— В Орбанской библиотеке прочел.

— Чего? — еще больше обалдел я, хотя куда там больше.

Орбанская библиотека — светоч всех знаний нашей цивилизации. Если там нет описания чего-либо, значит, этого просто не существует. Библиотека размерами превосходила небольшой город, туда стекались все, кто жаждал учиться, или же те, кому нужны знания. Небольшое королевство внутри Империи, со своими законами и правилами. И что самое главное, не знающее войны. Никто и никогда не нападал на город книгочеев, ибо его поклялись защищать как Проклятые, так и Одарённые. И вот один из его жителей сидит рядом со мной в замшелом складе.

— Врешь, — тут же вставил свое слово Кот.

Мел промолчал.

Страх перед легендарным Проклятым пожрал всю ненависть. Я до боли стиснул зубы, перед взором запрыгали красные пятна, а дышать стало трудно, словно окунули под воду. Тело трясло от переполняющей ненависти. Хотелось выбежать и изрубить тварь на куски. И

только здравый смысл тонкой леской держал меня от срыва.

— Допустим, — пытаюсь унять озноб, сказал я, — что дальше?

— Бежать, — логично заключил Кот.

Его слова понятны и правильны, то что может смертный против Проклятого? Только умереть, или же при хорошем стечении обстоятельств как-то сопротивляться. Но это если слушать здравый смысл и логику.

— Надо подойти и посмотреть, что он точно сдох...

— Там же Одарённая, она бы его могла...

— Не перебивая отрубить ему голову, — осадил я Кота, однако уверенности, что смогу воплотить сказанное, практически не было.

— Надо бежать, — почти не понижая голоса, сказал Кот.

— Куда это вы собрались бежать? — из темноты послышался рык капрала.

— Куда-нибудь подальше, — не услышав угрозы в голосе, сказал Кот.

— Дезертиры, — злорадно произнес капрал.

Я увидел, как в тусклом свете показался кончик меча, тени за спиной капрала зашевелились.

— Кот, заткнись, — я лихорадочно соображал, как выпутаться из сложившейся ситуации. За призыв к бегству вешают без лишних слов. — Он имел в виду за подкреплением бежать, там Неизвестный лежит и еще Кара Пламенная.

Слабое такое оправдание, но что имеем.

— Что за вздор? — Турник не поверил ни слову.

— Иди и сам посмотри, — я отодвинулся, показывая на окно.

— К стене, — приказал капрал.

Мне бы напомнить про субординацию, но над нами довлело обвинение в дезертирстве. Кстати, где это балбес Кол? Надеюсь, жив.

— Вашу мать, да в солдатские казармы, — едва слышно проговорил капрал, согнувшись и подходя к нам.

— Он вроде мертв, надо обезглавить, — повторил я свою мысль.

Ярость никуда не ушла, она только отступила, дожидаясь, когда глупый разум выведет тело на улицу, а там можно будет взять бразды правления в свои руки. Понимание этого радовало и пугало одновременно.

— Я не пойду, — поспешно сказал капрал, выдавая свой испуг.

— Тебя и не просят, пойдём я и мои ребята. Ты в тылу отсидишься, — злость с нарастающей яростью — не самые лучшие союзники, когда дело касается убийства.

Я двинулся вперед, врезаясь плечом в бойца капрала, тот молча отступил. Мы вернулись в начало склада. Кол оказался прижатым к стене склада двумя незнакомыми мне мечниками. Увидев меня, приятель улыбнулся немного виновато, но в то же время радостно. Похоже, он верил в мою удачу, и что все закончится если не хорошо, то уже точно нормально. Будь верзила другого мнения, так смиренно бы не стоял.

— Зови наших, пойдём головы резать трупам, — зловеще произнес я.

Мои слова не вызвали восторга, лишь недоуменные взгляды и шепотки. Но бойцы подчинились.

Выбравшись из склада, я мельком глянул на своих парней — они испуганно стояли чуть в стороне от людей капрала. Резко выдохнул и побежал к площади легкой трусцой, стараясь не думать о предстоящем деле. Перед выходом на площадь остановился.

— Значит так, в центре лежат тела, рубим головы мужику. Бабу... — последнее слово с большим трудом сорвалось с губ. Называть Одарённых бабами — это то еще кощунство. — Значит, бабу закутываем в плащ и заносим в здание. Вопросы?

— Нет, — последовал ответ хором.

— Тогда за мной.

Выбегать на площадь в полный галоп — это верх глупости, поэтому прежде я насторожено подошел к углу, дабы убедиться, что на площади никто не появился, а нужные нам тела не изменили положения. Поудобнее перехватил меч и, аккуратно ступая, направился к телам. Ярость клокотала внутри, но ничего не могла поделать с осторожностью.

Сделав три шага от угла, невольно присмотрелся к павшим воинам. Тут были как наши, так и вражеские бойцы. Похоже, пока смертные пытались дырявить друг друга острым железом, пришли Одарённые и быстро порешали все дела. Часть погибших стояли, словно оплавленные свечи; кто в большей, кто в меньшей степени. Но еще больше ужасало другое — не было ни крови, ни кишок, ни смрада обгорелых тел, словно попал на картинку больного на голову художника. И весь этот кошмар лишь выдумка, как и я.

Пришлось передернуть плечами, скидывая наваждение.

Другие тела лежали с лицами полными ужаса, боли, отчаянья. И мне трудно сказать, кто из них принял более легкую смерть. Я сглотнул ком в горле, перевел взгляд на Второго. И вся моя ярость, запал и решимость пропали, словно мечом отрезало. Остался только животный страх жертвы перед хищником. Какой там рубить, я даже сдвинуться не могу. Это же легендарный Проклятый Повелитель Кошмаров.

«Нет-нет, — я тряхнул головой, закусив губу. — Это просто тело, надо подойти и рубануть, отделив голову от туловища. Простая работа, удар и все», — как ни странно, мысли о приземлённом помогли, страх чуть отступил, давая выйти вперед решимости.

Я почувствовал легкий толчок в спину — это здоровяку не терпелось покончить с делом. Облизал вмиг пересохшие губы и сделал шаг.

— ... и небо цвета морской воды. Помнишь этот цвет? — я мгновенно окаменел, задержав вдох на полпути.

Второй едва слышно шептал.

— Помню, — ответила Кара, — ты всегда любил море. Тепло, ласковое. Тебя было не выгнать из воды, как и выгнать из моих мыслей.

— Лето, тепло... ты.

— Мирград прекрасен и спокоен летом, — проговорила с печальной мягкостью в голосе Одарённая.

«Какого Безза тут происходит?» — молотом билась в голове мысль.

— Что за херня? — громко и не стесняясь высказал свое удивление Кол.

И я сорвался с места. Мгновения промедления — это смерть, стоит Проклятому понять, что тут лишние, и мы превратимся в изуродованные ужасом трупы. Весь мир вокруг исчез, остался только я и Второй. Шаг, два, три, замах — я рубанул мечом, лезвие скользнуло по поворачивающемуся подбородку, и самым кончиком впилося в глотку Второму. Не мешкая ударил повторно, но уже более прицельно и надежно, клинок почти отрубил голову ублюдку. Пришлось бить в третий раз. Я выпрямился в полный рост, растерянно взглянул на Одарённую. На чересчур узком лице тонкие линии бровей взмыли вверх, лишь затем, чтобы сомкнуться над изящной переносицей. Необычно маленький рот исказился в беззвучной

ненависти. Некогда черные волосы заалели и затем налились багровым цветом. Что-то ударило меня в бок — полетел на каменную мостовую, больно приложился плечом и зашипел от боли. Кол откатился в сторону, позволяя мне подняться на локти. Крик возмущения застрял в глотке. На том месте, где я стоял раньше, оплывали два трупа.

— Что за безумие?.. — то ли вслух, то ли про себя выпалил я.

Из волос Одарённой вылетела искра. Секунда, и возле угла еще одно тело оплыло свечным огарком. Я перекатился на животе и, работая руками и ногами, на карачках пополз вбок, в слепую зону Одарённой. Кол обогнал меня почти на полкорпуса. Хвала всем богам разом, что Пламенная была истощена битвой и не могла быстро реагировать на наши перемещения.

В полном недоумении и растерянности прятался от ее взгляда. Такого не может быть, такого просто не может быть. Одаренные не вредят людям, это была такая же непреложная истина, как и восход солнца.

Я не заметил, как Кот умудрился подобраться к взбесившейся Каре. Он взмахнул и ударил копьём в грудь женщине. Та пронзительно вскрикнула, и Кот истлел наполовину. Я сел на брусчатку, тяжело дыша и не отводя взгляда от трагической смерти собрата по оружию. На уши давила оглушающая тишина. Из звенящей пустоты меня выдрал удар грязного сапога.

— Встать, шваль, — за новым ударом послышался рев капрала.

Я заторможено поднял голову на взбешённого бойца.

— А ведь он не хотел идти сюда, — едва слышно проговорил я.

— Оружие сдал, урод, — вопил взбешённый Туркин.

Только сейчас я понял, что по-прежнему сжимаю меч. Осознание этого окончательно вывело меня из потерянного состояния.

— Да как ты разговариваешь со старшим по званию? — неожиданно громко взревел я, в два движения вставая на ноги.

— Ты, недоносок, думал, что этот маскарад меня убедил? — он со всего размаха ударил ладонью по шлему, голову дернуло в бок.

— Ублюдок. Какого хера? — зарычал за спиной Кол.

Напарник произвел впечатление на капрала, тот попятился назад, выставляя перед собой клинок, за его спиной замаячили фигуры преданных ему бойцов.

— Шваль болотная, всех под виселицу...

— А-а-а-а, — вопль полный боли и отчаянья прервал его гневную тираду, заставив нас посмотреть на источник звука.

Неизвестный мне боец катался по земле, а по нему прыгало нечто, размером с охотничью собаку, отдалено напоминающую рыбу, но с длинными многосуставными ногами-иголками. Странные конечности с лёгкостью пробивали кольчугу, как впрочем, и плоть, только камни держались под их уколами. Один воин подбежал к умирающему, выставляя перед собой щит, попытался ударить копьём. Тварь увернулась, отскочила и прыгнула, пробивая деревянную преграду, словно плетенку.

— Грант, — верзила дернул меня за плечо, разворачивая чуть левее, и указал куда-то вверх дрожащей рукой.

— Что за хрень? — проговорил я любимое выражение здоровяка.

На крыше медленно раскачивался и пульсировал бледно-синий шар. С его бока, протыкая плену, вывалилась тварь с ногами-иголками.

— Бежим, — надсадно прохрипел я и не постеснялся показать пример, как это правильно делать и с какой скоростью.

Убить одну уродливую тварь — это трудновыполнимая задача; две — уже смертельная, ну а выводок не оставит нам и шанса.

Площадь я преодолел за один вздох, прежде чем повернуться и оглядеться. Нашел взглядом капрала — он улепётывал в другую сторону. Неведомая тварь уже добивала щитоносца. Мимо меня проскочил угрюмый воин, и я отчаянно припустил следом.

Часть первая Глава 2

Глава 2

Как и где мы бежали, не отложилось в памяти. Все мысли занимало передвижение ног и своевременное преодоление препятствий, а также жгучая боль в легких. Но я бежал, не отставая от других. Не зря нас каждое утро и вечер заставляли наматывать круги вокруг лагеря, невзирая на погоду и самочувствие. Как оказывается, бег — это самый полезный навык для воина.

Кол остановился возле развилки, не зная, куда двигаться дальше. Хватит, надо заканчивать это паническое бегство, нужно спрятаться и отдышаться, иначе велик шанс вляпаться в еще какие-нибудь неприятности.

Дом в торце переулка меня вполне устроил, к тому же на вид хлипкая дверь так и соблазняла, дабы ее в грубой форме выбили. Я с разбега ударил ногой, створка скрипнула и прогнулась, но выдержала. Удар Кола все изменил в нашу пользу — деревяшка, разбрасывая щепки, распахнулась. Я нырнул следом за широкой спиной верзилы, чтобы внутри замереть в изумлении.

— Вашу... — выдохнул я, сипя от усталости.

Вокруг стола сгрудилась толпа воинов. И явно не союзники: зеленая кольчуга и шлемы причудливой формы ясно давали понять — это враг. По их изумленно вытянутым лицам читалось — гостей они не ждали.

Кол ударил ближайшего мечом по лицу, и тут началась свалка. Я набрал воздуха в грудь и сделал выпад, достал стоящего справа. Забулькав, он схватился за горло. Следующий противник принял мой меч на клинок, удар получился слабый, все же бег меня вымотал. Пару моих примитивных ударов он с лёгкостью отбил и, уже оскалившись, перешел в атаку. Но меч сбоку обрубил его планы. Враг согнулся, я врезал гардой в висок. Развернулся в поисках нового противника, глотая воздух, как загнанная лошадь. Мысленно наблюдал, как еще не завалился от усталости.

Мрачного вида парень, что увязался за нами, лихо орудовал табуретом не хуже, чем булавой. Один из врагов, истекая кровью, уже отползал в сторону. Я обогнул стол и отвлек противника выпадом. Тот купился, и табурет тут же прилетел ему в плечо. Предмет мебели героически треснул, разлетаясь на куски, но с задачей справился — мечник завалился. Я не дал ему подняться, ударил в голову. Вышло так себе, меч едва не вылетел из ослабшей кисти, кровь брызнула в лицо. Во рту тут же ощутил привкус металла. Хрипя и задыхаясь, я оперся на клинок, выпрямился, вдыхая воздух, в попытке унять красные круги перед глазами.

Осмотрелся. Мы побеждаем — шесть к двум, отличный расклад. Кидаться в новую схватку не стал, нужно хоть немного отдышаться. Мел то ли специально, то ли нечаянно кинул обломанную ножку стула под ноги своего противника. Враг запнулся, заваливаясь вперед. Мел удачно подставил меч, насаживая противника.

Вот и славно. Стоило мне подумать о хорошем, как сбоку раздался стон. Развернулся. Кол, прижимая руку к боку, пятился назад. Два наших бойца зажимали в углу парня со щитом и мечом. Понятное дело, благородный, с таким лицом на поле не рождаются, даже сейчас под давлением смерти выглядел до тошноты благообразно. Тьфу. Только этого нам и не хватало.

— Кол, ты как? — крикнул я, обходя перевернутый стол.

— Жить буду, — прошипел он сквозь зубы, посмотрел на прижатую к ране руку. Сквозь пальцы текла кровь.

Боец справа сделал выпад, дворянин изящно уклонился и парировал в ответ, полоснув того по ноге. Нет, так дело не пойдет, он нас потихоньку всех перебьет.

— Назад, — рявкнул я. — Мел, дротик есть?

— Угу, — он зашуршал по полу, — готово.

— По команде бросай, — даже если враг меня понимал, плевать.

Я подождал, пока Мел выберет позицию поудобнее. Как ни странно, и противник не предпринимал никаких активных действий. То ли это излишняя самоуверенность, то ли он что-то задумал.

— Давай.

Мел кинул, дротик ожидаемо угодил в щит. Дворянин глянул на нас, и мне показалось, его губы чуть дернулись в улыбке. Этот безумец явно что-то задумал.

Вот и что теперь делать? Сражаться дальше? А выбор то, по сути, невелик: уйти или атаковать. Но как же не хочется отступить. Я встал рядом с угрюмым парнем, сглотнул ком в горле. Безз меня побери, как же не хватает щита, стою перед строем, словно голый. На несколько мгновений мелькнула тень в дверном проеме, следом послушался надсадным хрипом.

— Вилка. Хера себе, живой, — проговорил Кол.

— Грант, еще дротик, — это уже Мел.

А Вилка молодец, сам пришел и оружие не бросил. Может, еще и выйдет из него бравый солдат.

Дворянин подобрался и двинулся вперед, но Мел успел бросить дротик почти одновременно с атакой противника. Враг отбил снаряд мечом, стоящий справа от меня боец сделал выпад и достал его, в плечо. Тот простонал и попытался ответить обидчику, тут уже я вступил в дело и рубанул сверху вниз. Звон стали, удачный блок, клинок уперся в край щита, я зарычал, давя всем весом. Глупо, есть масса способов сбросить меня, сержант на подготовке не раз демонстрировал подобные приемы. Но сейчас это не схватка один на один, и мой напарник не сплеховал, ударил. Меч должен был попасть в голову, но дворянин подставил руку и клинок безжалостно впился в предплечья. Новый стон боли, и враг подался моему давлению. Я краем глаза заметил, как боец еще раз наносит удар, уже смертельный, меч нехотя врезался в голову дворянина. Он кулем упал на изрядно залитые кровью доски.

Я словно пьяный отошел назад, поднял табурет, уселся, откинув ноги, опираясь руками на меч.

Всё, победа.

Едва слабость в ногах отошла, а дыхание выровнялось, осмотрел помещение еще раз. Итог сражения: восемь тел врагов и трое наших, Ржавый, и еще двое неизвестных. Командование было бы довольно таким раскладом при штурме, мы понесли потери один к трем, в нашу пользу.

— Вилка, дверь. Кол, доложи о потерях.

— Два раненых, три трупа, — бодро отчитался верзила.

Сознание поплыло, к горлу подошла тошнота, я глубоко задышал, силясь сдержать рвоту. Не вышло, желудок скрутила судорога, и меня вырвало. Я успел вздохнуть дважды, прежде чем еще раз опорожнил желудок. Обтер тыльной стороной ладони рот, продолжил отдавать приказы. Сейчас нужно расшевелить людей. Иначе всё может закончиться плохо —

мысли неправильные в голову ползут, как и страх, а так недалеко и до панического настроения.

— Оттяните наших в дальний угол. Кто видел, как погибли Ржавый и Торк?

Парни рассеяно посмотрели друг на друга, они явно не знали, как это произошло. Как всегда выручил Кол.

— Ржавого двое задавили, он дрался, что твой Одарённый.

— Торка еще на площади убили, — сказал Мел.

— Давайте, парни, в сторону их, от этих. И поживей. А я пойду осмотрюсь.

Меня мутило все сильнее и сильнее. Первых два раза еще простят слабость, но если и дальше будет выворачивать наизнанку, то авторитет падет на дно. И тогда бойцы могут посчитать, что лучше драться самому за себя, и наши шансы выжить испарятся как вода над огнем.

Забрал меч, пошел к лестнице на второй этаж, осторожно ступая по окровавленному полу, дабы не поскользнуться. Поднялся, оставляя за собой красные следы, ага — вот еще лестница на чердак, почти вертикальная. Немного замялся, не зная, куда деть оружие, ножен-то нет. Плюнул и полез наверх, держась одной рукой, хорошо, люк уже раскрыт. Стоило оказаться на крыше, как ветер принес облегчение, я глубоко вдохнул прохладный воздух, чувствуя, как становится легче, и дурнота отступает. Закрыв глаза, почти минуту стоял и просто наслаждался тишиной и отдыхом.

Ржавый, Мор, Плевок, Торк, Кот и остальные ребята мертвы, не прошло и полдня, а они оставили наш мир. Я прислушался к себе — душу не рвало осознание потери боевых товарищей. Да, погибли, но они знали, на что идут. Знали, что смерть становится для них подругой, и только от ее каприза зависит, проснёшься утром следующего дня или нет.

Справа раздался грохот, словно кто-то ударил в огромный колокол. Я дернулся, приседая, и резко развернулся на звук, напрочь забывая про мрачные мысли. В той стороне, где находился дворец наместника, образовалась огромная черная сфера, она плыла и перекачивалась, словно сделанная из смолы, временами выпуская на волю мелкие сгустки дыма. Но не это меня напугало, а не естественно огромное существо, тощее, словно скелет, обтянутое дреной кожей, оно неистово молотило четырьмя конечностями по сфере. Голова скорей похожа на лошадиную, чем человеческую, вскинулась вверх, и снова раздался этот чудовищный звон. Гул словно заполнил тело, делая его слабым и вялым.

Туда нам точно не надо. Превозмог себя, оторвавшись от чудовищного зрелища. Повернул голову, с другой стороны никого живого, словно город вымер. Хм, странно, а где все жители? Ладно, трущобы, там еще можно понять, местные попрятались в норы и не выказывают носа. Но куда делась остальная часть населения? Ни на складе не было людей, ни тут, в торговом районе. Такое чувство, словно они просто встали и ушли до начала штурма.

Больше отсюда я ничего полезного не увижу, а вот риск поддаться влиянию чудовища очень велик. Спустился к своим. Там стянули трупы врагов в одну кучу, наши же аккуратно положили, возле шкафа, накрыв тела плащами. Оглядел выживших — из знакомых только Кол, Мел и Вилка.

— Как дела, Кол? — подходя, поинтересовался я здоровьем приятеля.

— Жить будет, — отозвался пухлощекий незнакомый мне боец, — я не лекарь, но как мог перевязал.

— Грант, все хорошо, — Кол пытался казаться бодрым, но лицо верзилы изрядно

побледнело.

— Ясно, собираемся и уходим.

— С чего это? — взвился Вилка.

— На кровь могут пожаловать твари, — спокойно ответил я, оглядываясь в поисках шлема. — Мел на тебе разведка, остальные собираемся. Кол, ты кровью не наследил?

— Никак нет.

Приятель поднялся с табурета, прижимая рукой рану. С виду не кровоточит, вот и славно, не бросать же его тут, в конце концов. Тихо скрипнула дверь, Мел вышел наружу. Я по-прежнему растерянно оглядывал помещение, ни на чем конкретно не останавливая взгляд.

— Возьми себя в руки, Грант, иначе смерть, — послышался уверенный голос Кола, — с тобой же удача.

— Мел машет. Идти, что ли? — пропищал Вилка.

— Да.

Я скользнул взглядом по телам врагов, а ведь впервые лишил жизни человека вот так осознанно. В моих мечтах это происходило геройски, и почему-то без крови, но точно не так, в сумятице, не разбирая, кого и как бью. Я даже не помню лиц убитых. Кого из них я отправил к праотцам? Я взглядом заскользил по мёртвым лицам: у одного открытый рот; другой закатил глаза; третий затылком ко мне; у четвертого вспорота шея, голова подогнута под неестественным углом; один глаз смотрит на меня, другой вытек. И дальше, и дальше, и все на одно лицо, смерть их сделал в моих глазах близнецами.

— Кол, ты раньше убивал?

— Было раз.

— И как ты это пережил?

— Пил неделю, потом плюнул и стал жить дальше. Правда, снится стервец временами, но я свыкся.

Интересно, а будет ли мне снится мой первый, или они придут все разом? И что я им скажу?

— Парни, давай бегом, — снаружи послышался незнакомый голос.

По улице передвигались короткими перебежками. Спроси кто-то из парней, куда мы движемся, я бы не смог ответить. Пока продвигались просто вперед и этого хватало. Я отметил, что дома стали лучше, но признаков наличия жителей по-прежнему не наблюдалось, что вызывало все больше и больше волнения. Такая неестественная пустота давила, хотелось как можно быстрее куда-нибудь спрятаться. Хорошо, тварь около сферы не видно, только черный край сферы виднелся за спиной из-за крыш домов. Да и звон до нас почему-то не долетает, опять Одарённые чудят.

Когда пересекли большую часть торгового квартала, Мел приблизился к одному мало чем примечательному дому. Немного поразмыслив, рубанул мечом по навесному замку, железный страж сдался только после пятого удара. Мы молча, без лишних разговоров вломились внутрь здания. Я зашел последним, плотно прикрыв дверь. В полумраке помещения проглядывались несколько скамеек и длинный низкий стол. Никаких душевных терзаний по поводу взлома не испытал, не то время сейчас, а отдых нужен, как хороший дождь после засухи. Бойцы рассредоточились, большинство без стеснения повалились на лавки. Я прислушался к себе. А ведь устал дико: от боев, от беготни, ноги гудели, а в руках ощущалась слабость. Нашел взглядом, где уместился Кол, направился к приятелю.

— Вилка, найди табурет и сядь возле окна, — по ходу приказал я.

— Да где я найду? — возмутился он.

— Значит, стоя будешь караулить, потом тебя сменят, — я замялся, не зная, как зовут еще трех бойцов, что достались нам от капрала. Подошел к ближайшему и, положив руку на плечо, спросил. — Как звать?

— Тольм, — неуверенно отозвался он.

— Как скажу, сменишь Вилку?

— А чего я? — тут же возмутился парень

Да чтобы их всех, у сержанта все получалось, само собой, а тут куда не кинь — всюду клин.

— Потому что я так сказал, это раз. Два, ты выглядишь менее усталым, чем остальные.

Дальше смены распределять не стал, задерживаться здесь надолго я не планировал. Сел рядом с приятелем, поинтересовался:

— Ты как?

— Слушай, моя мамаша и то меньше волновались о моем здоровье, чем ты. Лучше бы пожрать что сообразил, чем мне зря голову мотать.

И только после его слов понял, насколько чудовищно голоден, ажно желудок сводит. И как я раньше этого не замечал, ума не приложу.

— Хм, лучше способ забыть о голоде — это бегство от смерти, — прокомментировал мои мысли Кол.

— Братцы, отставить уныния и грусть, — из тьмы соседнего помещения вышел Мел с огромной корзиной в руках. — Я тут позаимствовал у честных горожан немного снеди.

Все оживились и подскочили со своих мест, окружая Мела. Даже Вилка проскочил мимо, толкаясь плечом. Я схватил паршивца за ворот и резко дернул назад.

— Ты куда собрался, на страже кто стоять будет? Бегом назад, — тихо зарычал я на ухо проштрафившемуся бойцу.

Вилка сутулился и поплёлся обратно на свой пост возле окна.

— Мел, поделить паек поровну. Вилки усиленный паек, — отдал я распоряжение, расталкивая ребят.

Отсутствие дисциплины — это верный путь к смерти.

Как ни странно, кроме тихого ворчания я ничего не получил — ни удара в челюсть, ни мата в три глотки.

— Кто там у нас за лекаря, осмотри рану Кола. Поесть всегда успеешь. А я осмотрюсь, — не зная, для кого, сказал я.

Тяжело ступая, прошел в соседнее помещение. Кухня, огромная плита с четырьмя отверстиями для варки и жарки, несколько стеллажей по стенам. Ага, вон шкаф с посудой, но еды не видно. Прошел вглубь помещения, обнаружил низенькую дверцу, обитую железом. Откинул брус, проник внутрь, запах копчености выбил поток слюны во рту, желудок же проурчал «жрать». Я ретировался из комнаты соблазна. Обследование кухни показало наличие черного хода. Вот и отлично. Вскрыл мечом дверь, осторожно выглянул наружу. Ага, проулок, слева мусор, справа виднеется проход. Подавил в себе лень и голод продолжил разведку. Справа оказался тупик с еще с одной дверью, вскрыл и ее. Мельком глянул, какое-то нежилое помещение. Слева выход с проулка вывел на улицу. Вроде разведка, можно и поесть.

Вернулся в зал к бойцам. Получил свою миску холодной каши с куском вяленого мяса.

Мысли, соблазняя, вывели запахи копченостей. Нельзя поддаваться, полный желудок воину помеха. Уселся за стол, быстро умял кашу, зачерпывая ее куском мяса. На соседней лавке закопошился угрюмый боец, закинул ногу на ногу, и с трудом стащил сапог, по залы разнесся запах потных ног. Будь здесь более щепетильная публика, чавканье стихло бы, ибо аппетит был бы потерян на долгое время. Но нет, жрем, и не только из-за дикого голода, еще прошли закалку казармой, там дух пота, казалось, не выветривался никогда.

— Тихий, задрал ты вонять, — возмутился кто-то за всех из полумрака.

— Мозоли, — флегматично ответил боец, стягивая второй сапог.

— Дай поесть, а, — подождал ныть некто.

— Ешь.

— Слушай, Мел, — решил сменить тему Кол, — а когда ты так успел исследовать Вечный город, что привел нас прямо в таверну?

— Вывеска, — жуя, ответил Мел.

— Стоп. А с чего это Вечный, всегда же был Великий, — опять неугомонный голос из темноты. Точно помню, всегда был Великий Труст. А до этого батя говаривал, что просто Труст.

— Тише вы, услышит кто, — запоздало забеспокоился я.

— Не услышит, в тавернах стены толстые, двери плотно закрыты, — успокоил меня Мел, — был Великим, стал Вечным. Хроники поправили, делов-то.

— А зачем менять-то?

Боец вышел из тьмы угла, и сел рядом с Тихим, который вдумчиво ощупывал свою пятку, при этом шипя от боли. Любопытным оказался обычный парень, таких много по деревням, разве что в плечах широк для своего возраста.

— Великих много, а вот Вечных нет. Да и добавляет веса, мол, история у нас длинная и видели мы много, не то, что вы понаехавшие.

— Кто мы? — не понял юноша.

— Забудь, — устало отмахнулся Мел.

Парень засопел и уткнулся в миску.

— Вилка, смена, — громко сказал я, имя сменщика у меня напрочь вылетело из головы.

Вилка дождался сменщика, затем, как предписывает устав, сдал пост, и только затем подошел к нам.

— Господин сержант, разрешите выйти? — я не сразу понял, что он обращаться ко мне.

— Зачем?

— Отлить.

— Вали.

— Мел, а ты откуда все это знаешь? — любопытный парень все никак не мог уняться.

— Работал в библиотеке Орбанской, — нехотя ответил он.

— И как такой умник попал в легионеры?

— Вино, — после продолжительной паузы сказал Мел.

— За пьянку, что ли? — дожёвывая слипшуюся кашу, спросил я.

— За ее родимую, — и, не дожидаясь вопросов, продолжил, — слабость я имею к вину чрезмерную, за что был не раз руган. Но это мелочи, кто не пьет, все пьет, кто меньше, кто больше. Но вот морду чистят наставникам не все. Трижды.

Он невесело усмехнулся, умолк, погружаясь в воспоминания о прошлых беззаботных деньках.

— Здоровяк, а ты откуда, — продолжал допытываться парень.

Пусть лучше говорят, чем молча гоняют мрачные мысли в голове.

— С Южных островов, — привычно сказал Кол.

Он всегда так отвечал, но в это никто не верил. Трудно поверить верзиле под два метра ростом, зарастающим рыжей щетиной каждый вечер, с полным отсутствием южного акцента. Но другого ответа никто от него добиться не смог, да и про острова он знал довольно-таки много. Сам-то я это проверить не мог, но вот Мел на его рассказы лишь одобрительно кивал.

— А сюда за что?

— Ни за что, а зачем, — лениво поправил спрашивающего здоровяк, — за деньгами. В легионе, знаешь ли, хорошо платят.

Голос приятеля стал вялым. Закончив фразу, у него сбилось дыхание, едва заметно, но все же. Надо выдвигаться и искать лекаря, но прежде еще немного отдыха.

— А тебя, сержант, как угораздило сюда попасть? — похоже, парень решил узнать всю подноготную отряда.

— Как всех, — буркнул я, вдаваться в подробности своей жизни не хотелось.

Я сел, прикрыл глаза, перебирая пустую миску в пальцах.

Когда-то у меня была вполне себе нормальная жизнь без перспектив на будущее, но хорошая и стабильная. С юных лет работал батраком на водяной мельнице. Сначала зерно подбирал, коней обихаживал. Что себе врать, был мальчишкой на побегушках. Как вошел в силу, стал мешки носить в амбар, да грузить на подвозы. Сам мельник, как, впрочем, и его сыновья, ко мне относились хорошо: за зря не гоняли, даже деньги платили, Клунк и Парсек вообще за еду работали. А потом приключился праздник урожая, да тогда я и понял всю безысходность своего положения.

Сколько мне тогда было? Кажись, семнадцать. Я позвал на гуляния вертлявую Вархту, а она смерила меня насмешливым взглядом и ушла с прыщавым парнишкой, из подмастерьев при дубильщиках. И в ту минуту я четко увидел всю свою жизнь на долгие годы вперед, до самой смерти. Я так и буду батраком, позже стану старшим над ними, женись на более-менее симпатичной батрачке, и дети мои тоже будут батраками. Меня никогда не переведут даже в подмастерья.

Нет, такой судьбы я себе не хотел. Через пару недель нашел учителя грамоте. Пьяница Жельбон из Струка, три раза в неделю учился грамоте и арифметики. Когда узнал мельник, то обрадовался и стал отпускать по вечерам на занятия. Образованный батрак, да еще и бесплатно, всегда пригодится в хозяйстве. Учеба шла ни шатко ни валко, когда тебя учит пьяный старик, даже чрезмерное старание не слишком помогает.

Все изменилось поздней весной, когда старший сын мельника Париск потрянул пьянчугу, заставив его учить меня на трезвую голову. И все пошло куда как охотнее. Старый пьяница в прошлом, оказывается, был стражником. Он частенько, обычно под конец занятия, отвлекался на рассказы про молодость в бытности стражником. Рассказывал с упоением про счастливые деньки и беззаботную молодость. Если бы не вино и буйный нрав, то так бы и жил поживал да добра наживал. Женился бы на какой-то булочнице и вообще горя не знал бы. Работа не сложная, хоть и ответственная, да и уважением пользуется среди простого люда побольше, чем у иных ремесленников. После его рассказов я окончательно определился с дальнейшими планами. Прозябать в глуши в батраках — это точно не для меня. А еще мне нужно было вернуть один должок... но про это я старался не вспоминать.

За лишние кружки пива он охотно мне рассказал, как попасть в стражники. В моем случае путь был только один — через легион. Бывших военных с боевым опытом охотно брали в стражники. Всего-то нужно отслужить пять лет. Правда, и тут есть своя хитрость. Обычный срок службы — пятнадцать лет. Но можно договориться с вербовщиком про урезанный контракт. По нему получалась никакой выслуги и после службы не присвоят звания ветерана, да и жалование в разы меньше. Но для получения статуса гражданина пяти лет хватало. Что мне и требовалось.

Еще один важный момент — это где вербоваться. Как говорил старикан Жельбон: «Глупцы стремятся на юг: там тепло, там деньги, но там и смерть от непрерывных стычек с кочевниками и южанами. На севере же холод, мрак, уныние и дикие племена, устраивающие набеги раз в полгода весной и осенью. Но при должной удаче можно спокойно отсидеться за стенами форта». Следующей весной я бежал от мельника, через два месяца завербовался, потом учебный лагерь и вот я здесь. Я так и не увидел севера.

Жалею ли я о своем выборе? Скорей нет, чем да. Сейчас дела идут скверно, но я вырвался из той безысходности, что ждала меня в ином будущем.

— А тебя звать-то как, болтливый ты наш?

За воспоминаниями я пропустил часть болтовни бойцов, но это не страшно. Зажал двумя пальцами переносицу, попытался собраться с мыслями.

— Братцы, пируем, — из кухни вышел Вилка, неся перед собой два кувшина.

— Вилка, брось, — приказал я. Напиться — это в принципе не самая лучшая идея, тем более, когда вокруг враги.

— Да мы по чуть-чуть.

Я до сих пор не понимал бесшабашность этого парня. Кажется, он существовал в своем мире, где не было ни дисциплины, ни субординации, где только его желания.

— Вино из бочки?

— А-а-а-а, — протянул он, ставя кувшины на стол.

— В таких заведениях хозяева ставят на краны заклятие. Выпил и упал мертвецким сном. Так борются с воровством, — просветил нас Мел.

Повисла гнетущая пауза. Идея валяться в пьяном угаре не сильно испугала бойцов. Надо срочно что-то делать, как говорил сержант, воин должен или бегать, или капать, но никак не сидеть без дела. Ведь когда легионер бездействует, в его башку забредают разные мысли, и чем больше этих мыслей, тем больше неприятностей он совершит. И, как всегда, сержант оказался прав. Одно удивляло — никто не завел разговор про Одарённую, что плавила наших бойцов. Они, наверное, как и я, не могли поверить в случившееся.

— Сержант, а чего его Вилкой кличут? — опять этот неутомимый.

— А потому что в первый день в лагере извлек из-за пояса вилку, и заявил, что нормальные люди давно уже питаются при помощи этого приспособления. И отгадай, что нам дали пожрать впервой день? — Мел окончательно взял на себя роль все и всем разъяснять.

— Суп? — неуверенно спросил болтун.

— В точку, приятель.

— Сержант, — позвал меня постовой. Боги, дайте мне силы вспомнить его имя.

Я поднялся на ноги, перехватил поудобнее меч, приблизился к бойцу. Надеюсь, он там углядел союзников, а не вражий отряд.

— Что? — я присел возле окна, пытаюсь посмотреть в щель между ставнями.

— Я хотел спросить, а куда делись все люди? — в голосе бойца слышалось волнение.

— Часть прячется, часть ушла, — выдал я первую пришедшую в голову версию.

— Нет. Так не бывает. Вчера город кишел мирными жителями. А с утра все пропали.

Так не бывает, — парень явно был напуган.

— До сегодняшнего дня я думал, что тварей с шипами на ногах не бывает. Но час назад собственными глазами видел, как они убили несколько бойцов, — проклятье, что я несу, так его еще больше запугаю.

— Так, бойцы, собираемся и уходим, — обернувшись, отдал я распоряжение.

— Грант, ладно Ржавый, понятно, хотел на наших шкурах выслужиться, но ты-то чего на убой гонишь? — опять Вилка влез поперек приказа. Нет, надо с ним определенно что-то делать.

— Я не хочу быть повешенным за дезертирство, — рыкнул я, быстрым шагом приближаясь к зачинщику недовольства, — так что собираемся и уходим.

— А куда это вы собрались? — разнесся певучий девичий голос из дальнего угла, где поселилась непроглядная тьма.

Грохот падающих лавок, лязг оружия и испуганное сопение — вот реакция здоровых мужиков на невинный вопрос.

У меня перехватило дыхание, а сердце в страхе на мгновение остановилось. Я резко развернулся, выставляя перед собой меч. Никогда бы не подумал, что детский голос может так напугать. В тусклую полоску света вышла девочка, лет десяти, в простом платье, сцепив руки за спиной.

— Девочка, ты чего? — дрожащим голосом спросил кто-то из бойцов.

— Кажется, я тихо спросила? — капризно сказала она. — Ты, — она указала на Тольма, — открой окна, а то темно, не видно ничего.

Что-то блеснуло в тонком луче света. Боец тихо пискнул и принялся со всей возможной скоростью отворить ставни. Скинул закрывающий брус, затем рывком раскрыл створки, бегом ко второму окну споткнувшись об табурет, упал, вскочил, словно ничего и не было. Мы будто замороженные следили за беготней парня. Когда все четыре окна распахнулись, а боец, тяжело дыша, замер на том же месте, где начал свой путь, мы повернулись к девочке.

Ох, первое впечатление оказалось обманчивым, если не сказать больше, полностью не правильным. Вместо девочки перед нами стояла миниатюрная женщина преклонных лет, с отбеленным лицом, слово вываленным в муке; платье на вид простое, на деле же сотканное из всех оттенков зеленого, умело переплетающемся меж собой в чудный узор. Настолько красивой одежды я в жизни не видел.

При взгляде на нее возникает страх, не то, что заставляет забиться в угол и скулить из жалости к себе и не тот, что кидает в бой, не щадя ни себя, ни врага. Нет, тут другое, возникал страх неуверенности, страх перед последствиями за свои действия. Внутри у меня бурлило желание ударить страшную женщину мечом, подойти и рубануть сверху вниз, на все это варево желаний было закрыто в котле неуверенности и страха.

— Так-то лучше, — довольно сказала она и закусила нижнюю губу, с интересом рассматривая нас, — кто это ко мне пришел в гости? Славные воины, легионеры. У меня сегодня будет хороший праздник.

Я ожидал хлопка в ладоши от миниатюрной опасности с последующими прыжками от счастья, как это бывает у маленьких девочек. Но ничего подобного не произошло. Она махнула рукой, и все тот же Тольма поднес к ней табурет, бережно поставил на деревянный

пол. Проклятая приподняла платье и уселась, поерзала на жесткой поверхности и, положив руки на колени, сказала:

— Думаю, даже в ваших медвежьих углах были кукольные театры. Я обожаю кукольные театры. А вы славные парни, — она щелкнула пальцем, и Тольм как марионетка задергал конечностями.

Я было дернулся вперед, но сомнения подавили импульс. И я безвольно опустил меч, пытаюсь разобраться в своих чувствах, стремлениях и желаниях. Что я делаю? И главное зачем? Нужно ведь просто стоять и смотреть.

— Это не кукольный театр, это марионеточный, — опять этот Вилка, когда же он уgomонится.

— Молчать, — взвизгнула маленькая женщина.

Вскочила, щелкнула пальцем. Вилка взял кувшин, запрокинул голову, вино хлынуло в глотку. Захлёбываясь, он едва успевая глотать. Кувшин почти успел опустеть, как парень упал без памяти.

— Никто не может прерывать мое представление, никто, — внезапно холодно сообщила она. — Так на чем мы остановились?

Кол издал сдавленный хрип и рухнул рядом с Вилкой.

«Ну вот, еще одной игрушки лишилась это милая девушка», — отрешенно подумал я.

— Танцуйте, — она взмахнула рукой, усаживаясь обратно на табурет.

Тольм и Тихий затопотали ногами, при этом глупо размахивая руками. С пола громко всхрапнул Вилка, мелкая дрянь дернула головой. Болтун наклонился, подхватил дротик и почти без замаха кинул его в противника. Древяно легко пробило маленькое тело, сбив Проклятую с табурета и пришиливая к полу. У меня загудело в голове, все поплыло перед глазами, я пошатнулся, выставил руку, оперся на стену, дабы не грохнуться. Пару глубоких вдохов, и сознание прояснилось. Я поднял взгляд на тело Проклятой, второй дротик торчал у нее из груди. И когда успели?

— Надо отрубить голову, — сказал вслух, чтобы придать себе большей уверенности.

Но стоило сделать шаг, как меня снова засосала трясина сомнений и уныния.

— Назад, — приказал я, — забираем своих и уходим.

Даже сейчас, будучи при смерти, Проклятая представляла угрозу. Пусть эта дрянь и не контролировала свою силу, но она по-прежнему оберегала хозяйку. Шатаясь, подхватил валяющегося приятеля. Кол лежал на полу, нога подломлена под тело, голова откинута вбок, рот открыт. Мел приложил два пальца под челюсть, замер на пять секунд, затем повернулся ко мне с лицом полным скорби.

— Грант, он мертв.

— Как так, — такая простая мысль никак не хотела укладываться в голове.

— Кровь закончилась, или там потроха повредили, он был сильным, оттого и не помер сразу.

— Тихий, Болтун, взяли Вилка и на выход, — не своим голосом отдал я распоряжение.

Двое проскользнули мимо меня, взяли Вилку за руки, приподняли. Затем Болтун поднырнул под тело и легко взгромоздил его на плечо.

— Через кухню, там налево, Мел, ты впереди. Живо.

Спина последнего бойца исчезла в дверном проеме, а я все стоял, не шевелясь, над телом мертвого друга в поисках нужных слов. Как это трудно найти и главное произнести эти нужные слова. Я выдохнул и промолчал, лучше так, чем ляпнуть глупость впопыхах, а

затем всю жизнь себя за это корить. В дверном проеме обернулся, мельком глянул на корячащееся в судорогах тело Проклятой и ушел. Когда найдут Кола, то решат, будто он убил Проклятую, при этом потеряв свою жизнь. Хороший подвиг, прославит хорошего человека.

Часть первая Глава 3

Глава 3

Бойцы дожидались меня в проулке, продвинулся вперед. Мел с мрачным видом кивнул в знак поддержки, и мы снова побежали. Воистину бег для легионера — это наилучшее благо.

Новое место для остановки нашли в начале квартала ремесленника, если судить по вывескам. Вломились в первую попавшуюся дверь, предварительно заглянув в окна, чтобы не вышло, как в предыдущий раз. Болтун свалил безмятежное тело Вилки на пол между верстаков, прежде кто-то заботливый подстелил туда стружку. Без приказа безымянный для меня боец занял место возле окна. Как показала практика — это не самый действенный способ для обнаружения Проклятых, но помимо них тут попадаются и обычные воины. Так что пусть сидит.

— Болтун, ты как ее убить смог? — хрипя от усталости, спросил Мел. — Она же нас держала под контролем.

— Дык амулет. У нас в роду все воины такие носят, — ответил парень, отдышавшись после пробежки с бесчувственным телом на плечах.

— Свезло, — спокойно сказал я.

— Как она нас нашла? — в свою очередь спросил Болтун.

— Думаю, вычислила по следам от тех бойцов, что мы положили в том доме. Если судить по цветам их формы, они были заодно, — высказал я свое предположение.

— Может и так, — неуверенно подтвердил Мел.

— Ты вообще зачем нас в то здание потянул, где вражеские бойцы засели? — не унимался я. Хоть после столкновения с Проклятой мы только чудом и выжили.

— Удобное расположение на пересечении улиц, легко контролировать подходы.

— Хм, — все вояки думают одинаково, по крайней мере, низшие чины.

Повисла пауза, заполненная суетой и шорохом располагающихся солдат.

— А вообще кто она такая? — послышалось от окна.

Все разом посмотрели на сидящего на верстаке Мела.

— Думаю, одна из братьев Блайна, — неуверенно ответил тот.

— Она же э-э-э... не мужик, — высказал очевидную вещь Болтун.

Мел почесал затылок и начал объяснять:

— У Блайев, если рождается девочка, то они ее, как войдет в женскую пору, продают в бордель или еще кому. Но тут случилась незадача — родилась девочка с очевидным даром. А таким ресурсом даже они не станут раскидываться. Так и появилась Небесная Мола.

— А чего небесная-то? — полюбопытствовал я.

— Не знаю, об это в книгах не написано.

— И что там у вас есть про всех Проклятых?

— Нет. Но чем известнее Проклятый, тем больше про него информации. По некоторым выделены целые тома.

— Если пришли Блаи, значит и Шестой тут, — печально подытожил я.

Шестой, или Мертвая Тишина, встречу с ним мы уже точно не переживем. Если верить слухам, люди мрут подле него толпами.

Я присел возле Вилки, тот, разинув рот, бессловесно спал. Счастливчик. Надо подумать, куда бы его спрятать так, чтобы не нашли ни враги, ни наши. В первом случае его просто

прирежут, во втором повесят после трибунала.

— Какого Безза, — выкрикнул Мел, соскакивая на пол.

Я вскочил, разворачиваясь. Безымянный боец заваливался на бок с почти перерубленной шеей, за его спиной стоял Тольм с окровавленным мечом, взгляд пуст, как у покойника. Мгновение замешательства, и Болтун врезал предателю в челюсть, тот свалился и из сломанного носа хлынула кровь. Но одержимый этого не заметил, ловко вскочил, дабы получить удар клинком в голову от Мела. Стоило телу с тихим шумом упасть на деревянный пол, как все дружно развернулись к Тихому.

— Мужики, я нормальный, — он выставил руки перед собой, ладонями вперед, и отступил на шаг назад, врезавшись пяткой в стену. — Клянусь, я нормальный.

Одних слов явно маловато. И что делать: идти и резать его, вот так просто убить брата по оружию, только из-за подозрений. Или опасений?

— Мел, что думаешь? — я не столько ждал правильного ответа, сколько тянул время.

— Без понятия.

— Это, — начал говорить Болтун, — в деревне у нас ведьма вот так людьми управляла. Вселится в кого и давай пакостничать, и взгляд у тех был точно такой же, как у этого, — он кивнул на мертвое тело.

— Возможно, Проклятая переселилась в Тольма, спасаясь от смерти. Это вполне может быть, — подтвердил слова Болтуна наш всезнайка, — больше она не переместится, ментального контроля над нами не было.

Все с облегчением выдохнули, особенно Тихий.

— Ладно, берем Вилку и уходим.

Никто спорить не стал, погрузили спящего на плечи Болтуна, и вновь отправились в путь. Через пару домов снова вломились, на этот раз в мастерскую. Нашли подсобку, там сгрузили тело бойца. Тихий присел возле спящего, кряхтя стянул сапог, плюхнулся на задницу, приложил подошву к стопе. Тихо ругнулся — обувь спящего не намного, но уступала в размере его собственной. После подперли дверь палкой, чтобы Вилка ненароком не выскочил и не наделал глупостей с перепугу. Когда все закончится, его кто-нибудь да выпустит, к тому же и оправдание будет железным, закрыли ведь. Если, конечно, ума хватит, то придумает, что сказать освободителям, а если нет, то мы тут уже не при делах.

И того нас осталось пятеро из почти двух десятков бойцов. И это мы просто убегали от Проклятых, не вступая в бои.

— Значит так, сидение на месте приводит только к плачевным результатам, — начал я разговор, пока мы прятались в одном из проулков. — И думается мне, это не рядовое нападение Проклятых, тут имеет место планомерный захват города. Слишком много Проклятых и солдат. Так что отсидеться при любых раскладах не выйдет, единственное наше спасение — это объединиться с основными силами.

— Где их искать? — скептически заметил безымянный боец.

— Тебя звать-то как?

— Михлан, местный я из кожевников, — приосанившись, ответил тот, явно гордясь своим происхождением.

— Ясно. Так вот, в центр, как вы понимаете, нам ходу нет, — все закивали, приближаться к черной сфере дураков не было. — Должным быть войска возле ворот.

Я не был уверен в своих словах, но других вариантов просто не видел. По большому счету у нас имелось только два пути: центр города или же к его окраинам.

— К каким воротам пойдём? — высказал сомнения Мел.

— Ближе к северным, — посмотрев на небо, сообщил Михлан.

— Тебе откуда знать? Ах да, местный.

До жути хотелось отдохнуть, просто сесть на землю, откинуть голову на стену, вытянуть ноги и ничего не делать. Хотя самую малость. Но на войне отдых — это непозволительная роскошь, и в этом я сегодня убедился не раз. Стоит расслабиться, как неприятности пожалуют с распростертыми объятиями. В движении наша жизнь. Несмотря на все это, я отдал приказ на отдых. Ведь Кол говорил, со мной удача и, надеюсь, на пару минут отдыха ее хватит.

Теперь впереди двигался Михлан, делал он это куда хуже Мела, но он единственный, кто ориентировался в городе. Перед каждым поворотом останавливались, аккуратно выглядывали и, только убедившись в чистоте пути, продолжали движение. Как-то незаметно вошли в еще один торговый квартал города, появились добротные сбитые прилавки возле лавок. Такие же, как у нас на ярмарках, разве что получше сделаны, и вроде как с жердями для крытых навесов. Без особых указаний все держались ближе к стенам, я же то и дело прикидывал, куда бежать и прятаться в случае появления врагов. Нет, если их окажется хотя бы примерно столько же, сколько и нас, мы вступим в бой.

Михлан в очередной раз ушел разведывать улицу, ко мне приблизился Болтун.

— Сержант, а все же где все люди?

— Не знаю, — а что я еще мог ответить? У меня по этому вопросу не было ни одной стоящей мысли, — найдем командиров и спросим.

— Меня это пугает. А еще больше пугает отсутствие звуков сражений.

Услышав этот простой факт, я замер, словно замороженный в лед. А ведь действительно — ни звука сражения не слышно, нет битвы возле цитадели или возни около ворот. Город словно умер. Нет, не так, город замер в растерянной нерешительности, будто готовясь к чему-то важному и знаковому. Ветер шумел по мостовым и крышам, иногда заигрывал со скрипучими ставнями. Камни на мостовой четко отзывались под ударами каблуков. И это, пожалуй, все. До сего дня, я не бывал в боях, от этого и не придавал значения тишине.

— Значит, мы победили, — спокойно сказал я, — иначе здесь уже маршировали бы вражеские солдаты.

— Ага, — неопределённо высказался Мел.

Михлан в этот раз не подал знака на приближение, а с растерянным видом вернулся к нам. Немного пожевал губы, промямлил:

— Там люди.

Мы разом подобрались, пытаясь встать в подобие боевого порядка. Получилось откровенно хреново. Отсутствие внятного командования и полная несогласованность в действиях — что может быть хуже?

— Сколько?

— Э-э-э. До хера и больше, — посмотрев мне в глаза, сказал он. — Иди сам глянь.

— Готовьтесь к отступлению, — Безз, этот приказ мне становится более и более ненавистным.

Ступая как можно тише, подкрался к стене, быстро отдышался и, набрав воздуха, как перед прыжком в воду, выглянул из-за угла. Всю видимую часть улицы перекрывала толпа разномастных людей: дети, женщины, богатые, нищие, даже солдаты легиона. Они стояли с отрешёнными лицами, задрав головы к небу, едва заметно раскачиваясь из стороны в

сторону.

Теперь понятно, куда делись все жители — они стали живой стеной, блокирующей выход из города. Проклятые придумали отличный способ удержать людей в осаждённом городе, при этом не дав войскам сбежать. Прорубаться через толпу мирных жителей не станет никто в здравом уме. Ну а для психа-одиночки это неподъёмным труд. И я готов поставить свой меч против ржавой железяки забулдыги, что стоит нам приблизиться, как они очнутся и станут сопротивляться, или того хуже — мы присоединимся к ним в немом наблюдении за небом.

Вернулся к ожидающим бойцам, обстоятельно рассказал об увиденном, также поделился соображением по ситуации. Затем привычно обратился к бывшему библиярию:

— Мел, что за Проклятый смог такое учудить?

— Не знаю, никогда о таком даже не слышал.

— А мы уже подумали, ты знаешь все, — невесело усмехнулся Михлан.

— Что дальше, командир? — спросил Болтун, подходя к стене и опираясь на нее плечом.

— Надо подумать. Просто бродить по вымершему городу, не самая лучшая идея — легко можем напороться на еще какого-нибудь Проклятого. Если учесть, сколько мы их уже повидали. Некоторые люди поколениями не встречают столько этих тварей, сколько мы за неполный день. Спрятаться тоже не получится...

Я умолк, заметив краем глаза какую-то тень, быстро приближающуюся по крышам домов. Люди так двигаться не могут, значит либо Проклятый, либо Одарённый.

— Так, парни, пора прятаться, — я махнул рукой в сторону приближающегося силуэта.

— Но куда? — испугано озираясь, заверещал Михлан.

— За мной.

Ломать двери или выбивать замки нет смысла, ибо банально не хватит времени. Оставалось только одно — бежать в сторону толпы.

Завернули за угол, пробежали еще с десятков шагов. Женщина в сером крестьянском платье опустила голову и осмотрела улицу невидящим взглядом. Еще шаг, и мальчишка подле нее стал всматриваться в пространство перед собой.

— Стоять, — отдал я уже не нужный приказ, парни и так замерли на полушаге.

Быстро пробежался взглядом в поисках убежища. Кол, прав, удача благоволит мне — справа стояла телега, я бросился к ней. С Болтуном подхватили края и, сопя от натуги, перевернули, рассыпая нагруженное сено. Теперь со стороны входа нас не увидеть, а эта живая стена и так нас не реагирует. Мел с остальными шмыгнули за угол выступающего дома. Не Бог весть какое убежище, но всяко лучше, чем тупо стоять на улице с поднятыми мечами. Умереть мы всегда успеем.

Стоило нам скрыться за телегой, подогнув ноги к себе, как в воздухе раздался шелест, и полуденное солнце выдало короткую тень прибывшего врага. Почти минута тишины, затем воздух сотрясло зычное клокотание, словно аист размером с теленка решил порезвиться. Конечности в раз онемели, а дыхание перехватило. Я схватился за горло, словно это как-то могло помочь воздуху попасть в глотку. Пару мгновений, и я все же смог сипя втянуть желанный воздух.

Отдышавшись, услышал шаркающие шаги, поудобнее перехватил меч, одну ногу подтянул под себя, другую поставил на землю, готовясь прыгнуть на приближающуюся опасность. Глянул на парней за углом — те тоже готовились к битве. Шаги практически

поравнялись со мной, когда Мел отчаянно замахал головой, делая большие глаза. Только это и удержало меня от рывка. Удар, еще удар сердца, и я увидел владельцев шагов. Первая шла красивая женщина с распущенными черными волосами и ночной рубашке. Следом двигалась ее маленькая копия, девочка лет десяти со светлыми волосами. И замыкал процессию мужчина в дорогих сапогах, богатым поясом и куртке, наглухо застегнутой под горло, пшеничные волосы тщательно зачесаны назад.

Они подошли к толпе. Впереди стоящие, чуть помедлив, расступились, поглощая вновь прибывших. Подобное зрелище страхом полоснуло по сознанию. Я кое-как перевел взгляд, тень на земле никуда не делась. Вот ведь влипли. Я максимально тихо принял лежачее положение, подогнув ноги к животу.

Лежать на весенней, хоть и сухой земле, удовольствие не из приятных. Бок быстро промерз, а перевернуться на другой без шума при всем желании не получится. За спиной сопел Болтун. Мелу и парням приходилось ненамного лучше стоять, вжавшись в стену. Единственное, что они могли себе позволить, так это переминаясь с ноги на ногу. Поглощённый мыслями о боли в боку, я не сразу заметил, как тень пропала. Собравшись с духом, аккуратно выглянул. Тёмная фигура исчезла из поля зрения. Улица оказалось пустой. Мел с компаний во все глаза следили за мной, я кивнул. Они вывалились из угла, словно свекла через прогнившие дно корзины. Мел и Михлан повалились на землю, Тихий же стал приседать, разгоняя кровь в ногах. Вроде и недолго прятались, а вымотались, словно полдня стояли навтыжку перед командным составом. Я попытался вскочить, но онемевшее тело так не думало. Я поднялся не как воин готовый к битве, а как забуддыга после ночевки в канаве.

— Собрались, уходим, — прохрипел я из-за пересохшего горла.

И первым заковылял по улице, шурясь от солнечных лучей и стараясь не смотреть на живую стену за спиной. Добравшись до ближайшего угла дома, оперся о стену, чувствуя под ладонями тепло камней, облизнул губы. В лучах уходящего солнца виднелись приближающиеся фигуры, не больше пяти. И я точно знал, что их сюда ведет, нормальные люди так не передвигаются. Пару секунд и слух уловил пугающие щелчки.

— Назад, — махнул я рукой, отпуская такую приятную теплую стену.

Все со стонами поспешили в свои укрытия. Хорошо, Вилка спит, а так бы достал бы своими вопросами по типу: «А может это не то, а может это не так».

Вернувшись за телегу, я лег на другой бок таким образом, чтобы видеть происходящее на улице. Зачарованных оказалось семеро, и если судить по одежде, то это докеры. Темную фигуру в плаще так и не удалось рассмотреть. Когда новая партия влилась в толпу, Проклятый лихо взмыл на крышу и замер на коньке пугалом.

— Сержант, — зашипел в ухо Болтун, не в силах перебороть свою любопытную натуру даже в столь критической ситуации, — а чего он нас не трогает?

— Он нас не видит и не чувствует из-за близости к этим, — тут тот самый случай, когда легче ответить, чем промолчать.

— А-а-а-а. И что мы будем делать?

Ох, как бы мне хотелось знать ответ на этот вопрос.

— Я думаю, — помнится, так всегда отвечал старик Жельбон, когда не знал, что сказать.

Но единственная здравая мысль, забредшая в голову, это сломать ближайшую дверь, когда Проклятый уйдет. Конечно, есть большой риск нашуметь, но и тут прятаться вечно мы

не сможем.

— Значит так... — начал было я шептать, как Болтун округлил глаза, прижимая указательный палец к губам.

Я приподнялся на локтях и глянул в щель. Проклятого на крыше трясло и мотало как при мощном урагане хиленькую березку. Потом что-то хрустнуло и тело в черном плаще покатилося вниз, гремя как балки, пущенные по скату. Удар и тишина. За спиной послышался оглушающий выдох. Обернулся. Толпа уже не напоминала оживших мертвецов, люди за шатались, хватаясь за головы, словно только что вышли из глубокого сна.

— Похоже, Одарённые справились с этой проблемой, — радостно заговорил Болтун, поднимаясь во весь рост.

Я встал, и пока людская толпа окончательно не пришла в себя, поспешил к Проклятому. Неестественно длинное худое существо, почти на голову выше меня, полностью закутано в чернявый плащ, свободна лишь голова, более всего похожая на лосиный череп, с такими же ветвистыми рогами. Рядом остановился Мел, немного помедлил и сказал:

— Мой черед, — и в три удара отделил голову от тела павшего врага, поднял за рога, затем хмыкнул и сказал. — Деревянная. Топорно сделано, но как же талантливо, Беззликый меня побери, как талантливо.

— Брось.

— Нет, сержант — это мой трофей.

— Тогда спрячь. Таскать с собой эту мерзостью не позволю.

— Как скажешь, — оглядываясь, ответил Мел.

— Сержант, сюда, — раздался вопль Тихого.

Да что там еще случилось-то? Обернулся — Тихий и Михлан, заломав руки, с трудом сдерживали Болтуна. Гадство и в этого дух Проклятого вселился, что ли. Нет, убивать его точно не буду, свяжу и брошу прямо тут на улице. Но убивать не стану.

Подошел со скорбным выражением лица.

— Что случилось? — я глянул в полные отчаянья глаза Болтуна и выдохнул с облегчением. Не одержим, хоть чуть-чуть легче.

— Вот дезертировать собрался, — пыхтя, отчитался Михлан.

Я свел брови к переносице и попытался придать лицу как можно более суровое выражение.

— Сержант, отпусти, а? Вся эта война не мое. Я простой кузнец. Меня только из-за силы в легион и загребли, напоили, связали и привезли. Зачем мне здесь воевать, для чего? Вам деньги нужны или слава, я же хочу покоя. Отпусти, — не было в голосе ни надрыва, ни мольбы, только отрешённая грусть.

Парни уже не держали Болтуна, а просто стояли рядом для порядка. Очнувшиеся люди сонно бродили вокруг, каким-то, чудом не врезаясь в нас.

— Тебя поймут и повесят, — холодно сказал я.

— Не поймут. Теперь уже не поймут, будь уверен.

— Ладно, ребята, пойдём на Проклятого глянем, — силком тянуть людей на войну я не стану.

Тихий шлепнул Болтуна по плечу и поспешил к телу Проклятого. Михлан слегка помялся, недобро глянул на меня и последовал за братом по оружию. Чую, аукнется мне эта вольность. Все вспомнят в трудный час. Не прощаясь с дезертиром, подошел к своим бойцам, те задумчиво разглядывали упавшее тело. Мел, пока мы разбирались с Болтуном,

разрезал плащ.

— Кукла, — одним словом охарактеризовал я увиденное.

Деревянная лосиная голова крепилась к несуразной конструкции, состоящей из множества видов древесины, скреплённых друг с другом в крайне сложной манере. От столь противоестественного вида стало дурно

— Надо бы сжечь.

Краем глаза заметил, как парни подхватили тело за плащ и потянули за ближайшую лавку, стараясь не смотреть на куклу.

— Жечь не надо, мало ли что, — сказал Мел. — Надо уходить, пока эти буяннить не стали.

Я обвел растерянную толпу взглядом, пока выглядят сонными мухами по весне, но скоро придут в себя, тогда истерик и давки не избежать. И скорей всего им понадобится крайние во всех бедах, а как известно, всегда во всем виноваты или стражники, или вояки. К тому же наших сил явно не хватало, чтобы помочь этим несчастным.

В небе внезапно что-то блеснуло синим и через мгновение послышался мягкий хлопок. Я приложил ладонь ко лбу, пряча глаза от солнца. Сверху сыпался снег, внутри появилась твердая уверенность — беды ждать не следует. Одна снежинка резко остановилась передо мной, протянул руку — она легла на ладонь, обдавая приятным холодом. Сжал пальцы, чувствуя, как тает, и одновременно в голове прозвучал приятный женский голос. Слов не разобрать, но сложилось стойкое ощущение — меня зовут куда-то вперед, где хорошо, тихо и главное мирно.

Залихватский удар по щеке выбил из меня эту дурь.

— О, помогло, — послышался голос полный искреннего удивления.

— Тихий, ты охренел? — зарычал я, потирая щеку.

— Это все Мел, — он ткнул пальцем в бывшего библиотекаря.

— Зов Аглаи. Она мирных жителей наружу тянет, — занудным тоном разъяснил Мел, — а мы, вояки, нам туда нельзя, дезертирами признают, а там глядишь и до трибунала не доживём. Разбираться, почему мы за стенами, а не воюем, навряд ли кто будет. А ты по глупости... или незнанию раздавил одну, вот тебя и потянуло. И мы решили испробовать один древний метод, чтобы тебя, так сказать, вынуть из этого состояния.

Большинство людей так же, как и я хватали снежинки и давили в руках. Те, кто не попали под зов, просто двигались со всеми в общем потоке. Были, конечно, и те, кто отделился, но их было явное меньшинство.

— Хм, — одарив бойцов хмурым взглядом, я развернулся и пошел подалее от слепо бредущих людей. В словах Мела имелась логика, новобранцев скорей заподозрят в трусости, чем в геройстве.

Да, день у жителей Вечного города не задался: то один околдует, то другой, и все как стадо ходили туда-сюда. Но и нам не легче, должны были погибнуть столько раз, а все живы, только усталость давит могильной плитой.

— У нас опять насущный вопрос: куда идти и что делать? — не сбавляя шага, заговорил я. — Предложения, идеи?

— Надо идти к казармам, — высказался Михлан.

— Принято. Куда идти, знаешь? — последовал кивок. — Отлично, веди.

Как же мне надоело бродить туда-сюда, и ладно бы за выпивкой или за девицами. Так нет же, к командованию, где нас причислят к кому-нибудь и пошлю в бой.

Двигались по старой схеме. Лично я пытался молиться хоть каким-то богам, чтобы они не допустили встречи с Проклятыми или Одарёнными. Хватит на сегодня, да и в принципе на всю жизнь хватит. Внукам и так есть что рассказать не на один холодный зимний вечер. Но удача думала по-своему — она девка странная и порой ее логику, как, впрочем, и большинства женщин, не понять. Для кого удача — жить тихо-мирно, для другого — искать приключения на свою задницу. Вот моя удача думала, что я отношусь ко второму типу людей.

Когда Михлан зашипел и вжался в стену, бледнея лицом, мы не немедля повторили его маневр. Я одними губами спросил: «Что там?» Ответ состоял сплошь из матерных слов, произнесённых так же бесшумно. Михлана ощутимо трясло, он облизнул пересохшие губы и, едва переставляя ноги, пошел обратно, всеми силами вжимаясь в стену. Более объяснять ничего не надо, мы наверняка снова нарвались на Проклятого.

Спустя пару минут, когда мы крадучись отошли на десяток шагов, Михлан сказал:
— Там Призрачный легион.

Я собрался с духом и пошел посмотреть на страшилку из глубины времен, и сделал охранный жест, когда-то увиденный у наставника. Призрачный легион — это страшная сказка для всех провинций необъятной Империи. Легион древних воинов, не знающий преград и убивающий на своем пути все живое. Где прошел легион, там нет жизни — так всегда заканчивались истории про этих древних монстров.

— Нам лучше бежать, — почти спокойно предложил Тихий.

Мы разом посмотрели в ту же сторону, что и он. В ста шагах от нас парило над землей два силуэта: воины в хитиновых доспехах, со странными шлемами и кривыми мечами, более всего они походили на ящеролодов. С такого расстояния деталей не различить. Да они меня и не интересовали.

— Клянусь последней кружкой пива, если город выживет после нашествия, я буду называть его Вечным при каждой пьянке. А кто усомнится — в морду, — последние слова Мел говорил уже на бегу.

И мы снова ударились в бег. Возможно, нужно было принять бой, четверо против двоих — это неплохой расклад, если твой враг — человек. Но как прикажете убивать призраков?

На очередную нагрузку тело отозвалась болью и усталостью. Первый рывок получился на загляденье, потом все скатилось к быстрому шагу. Мы не Одарённые, чтобы бегать без усталости часами напролет. Единственное, что как-то заставляло шустрее передвигать ноги — это страх быть убитыми. В итоге подобрали нужный темп, чтобы между нами и мертвыми всегда оставалось одно и то же расстояние. Они никуда не спешили, наверное, справедливо предполагая, что мы никуда и так не денемся и рано или поздно окажемся под их клинками. Нелегкая вынесла нас на базар, чуть оглядевшись, Михлан повернул на запад, чтобы не приближаться к черной сфере, кою до сих пор долбал руками жуткий гигант. Правда, надо заметить, куда как с меньшим энтузиазмом.

Еще пять минут блужданий и наш проводник вышел к дому, больше напоминавшему малую крепость. Высокая стена, сложенная из огромных булыжников, на тридцать шагов от стены, девственно чистое пространство, и это в городе, где люди живут друг на друге. Мощные железные ворота, вызывающие чуть ли не большее уважение, чем стены. А на противоположной стороне небольшой площади висело с десятков призрачных фигур.

— Ах, — обреченно выдохнул я. Это конец, бежать более некуда.

— Эй, сюда, — послышалось со стен.

Нас просить дважды не пришлось. Расстояние до стены мы преодолели в один миг. И только возле ворот я оглянулся. Общее число врагов удвоилось, и, по всей видимости, более подкрепления они ждать не намерены. Призраки медленно выдвинулись в атаку. Станут ли защитники открывать ворота для нас? Большой вопрос.

Я в отчаянье перехватил меч поудобнее, готовясь к последнему бою. Умереть с клинком в руках — достойная смерть. Не такая желанная, как в кровати в окружении внуков и молодой жены, что так и ждет моей кончины, но тоже ничего.

На плечо сверху что-то упало. Я вздрогнул от неожиданности. Оказалось, веревочная лестница, рядом опустилась еще одна. Ох, хватило бы сил подняться. Мел с Тихим не слишком уверенно полезли наверх. Я покосился на приближающуюся смерть, держась одной рукой за веревку. Чего это не упокоенные медлят, могут ведь одним рывком преодолеть эти двадцать шагов. Или же в таком состоянии они неспособны передвигаться быстрее? Какие глупые вопросы лезут в голову в момент отчаяния.

Как только сапоги Мела поднялись выше моих глаз, я, зажав клинок в зубах, полез следом. Из-за натянутых нервов, усталости и суеты, не сразу попал ногой на ступеньку, но пресловутая удача смилостивилась надо мной. Я справился. Сам подъем не отложился в памяти, помню только страх и судорогу в челюстях. Возле края стены я первым делом выплюнул меч, и после меня подхватили чьи-то крепкие руки и, обдирая живот, втащили на ту сторону. Я плюхнулся плечом, затем глухо ударился шлемом о доски и только потом перевалился на спину. На меня смотрел сурового вида воин, брови сведены, глаза смотрят недружелюбно. Через пару мгновений нас привели в вертикальное положение.

Наши спасители встали полукругом, мечи хоть и опущены, но я не сомневался — стоит сделать одно неверное движение, и сталь пойдет в дело с устрашающей скоростью.

— Вы кто? — спросил сурового вида дядька, с короткой бородой.

— Седьмой легион...

— А, неважно, — оборвал он меня, — давай вниз. Надеюсь, сражаться вы умеете.

Мы быстро спустились по добротной лестнице, встали во дворе, лицом к стене. Осмотреться толком не получилось, не то состояние, с ног бы не упасть, а то сил совсем не осталось. А еще бой впереди. Насколько нас хватит? На удар, два? Так в чем разница: умереть тут или там за стеной? Хотя лукавлю, тут лучше, да и шанс выжить хоть и призрачный, но есть. А в случае ранения не бросят помирать в мучительной агонии.

— Парни, давайте, за спины, — меня потянули за плечо, я охотно отозвался и ушел за строй обороняющихся.

Совсем еще молодой парень с едва пробившейся бородой всучил нам круглые щиты. Опять эти, когда же выдадут наши родные, ростовые, квадратные. Мы четверо выстроились в шеренгу.

— Стрелы их не взяли, — крикнул кто-то со стены.

В воздухе повисло всеобщее напряжение, хотелось верить, что это не древний ужас из легенд, а нечто другое. В городах меньше верят в пугающие легенды. Чего бояться древности, когда под боком то и дело Проклятые буянят, да Одарённые свои силы демонстрируют.

— Как бить их, знаете? — возле нас незаметно образовался давешний бородач. Мы разом мотнули головами. Значит так, когда твари атакуют, то принимают, это как его... в общем, становятся во плоти. Тогда их можно рубить. Уяснили? Молодцы.

Пояснение простое, даже усталый легионер поймет с первого раза. И тот факт, что

призрачный легион уязвим, вселяло оптимизм на исход боя.

— Вот они, — сказал кто-то из стоящих впереди воинов.

В полуденном свете солнца из стены выплыли воины мертвого легиона. Замерли, хищно оглядываясь, давая возможно рассмотреть их мерзкие личины. Ящероподобная тварь, закованная в хитин серого цвета, над желтыми глазами начинается гребень, переходящий на затылок, образуя тем самым нечто наподобие шлема. Из чуть удлинённой челюсти временами вырывался раздвоенный язык. В когтистой лапе существа сжимали странного вида клинки, лезвие с легким изгибом на конце раздваивалось, в другой руке имелся щит треугольной формы, с виду напоминающий кусок коры дерева.

Я непроизвольно дёрнулся назад, когда желтый взгляд скользнул по мне, но остался стоять на месте, словно обращённый в камень. Часто дыша, с большим трудом удерживал клинок в слабеющих пальцах. С десятков лихорадочных ударов сердца и из стены появилась еще пара монстров.

— Не смотреть им в глаза, — чуть слышно проговорил Мел, бледнее полотна в опытных руках мойщицы.

Сомневаюсь, что указания приятеля еще кто-нибудь услышал кроме меня. Но слава всем и вся, я ошибся — бородач зычно продублировал совет Мела. Часть бойцов успела попасть под влияние и поломала строй, после окрика они кое-как вернулись на прежнюю линию. Вот это дисциплина, вот это вера в командира — только и смог удивиться я. Враг медлил, дожидаясь подкрепления. Наши бойцы мялись, непонятно почему не переходя в атаку.

Ящеры двинулись, бойцы сомкнули ряды, готовясь встретить врага. Есть ли толк в этом построении — не ясно, но лучше так, чем просто стоять. Мертвые легионеры прошли с пяток шагов, как со стен ударили стрелы, но ожидаемо не причинили никакого вреда древним воинам. Еще два шага, один и шибка. Ничего. Твари спокойно прошли через выставленные клинки и следом через оторопевших бойцов. Ужас и растерянность спаренным ударом пронзили мое сознание.

Как воевать против этого?

Призрак проплыла за спинами бойцов, замерла. Я подобрался и заметил, как ноги твари рухнули на утопанную землю. Ящер заозирался, я немедля ударил, тварь умело блокировала выпад щитом. Новый удар и уже по бесплотному духу.

— Разбились по парам спина к спине, — взвыл местный воевода.

Все быстро выполнили приказ, я уткнулся в спину Мела, выдохнул и отступил на шаг, чтоб не мешать приятелю.

Тварь качнулась в мою сторону. Я изо всех сил сопротивлялся позывам взглянуть в желтые глаза врага. Ящер проплыл сквозь меня.

— Мел, — коротко вскрикнул я.

Справа образовалась новая тварь. Я резко развернулся, едва успевая заблокировать короткий удар. Еще один более сильный, сверху вниз, взял на горизонтальный блок, помогая щитом удержать клинок. Руки выдержали, а вот ноги нет — я свалился на задницу, затем на спину. Лягнул идущего на меня врага в щиколотку. Такой подлости от меня тварь явно не ожидала, сбилась с шага, взмахнув рукой со щитом, дабы восстановить баланс. Чья-то тень мелькнула за спиной врага, я увидел, как клинок проносить через уже прозрачное тело. Мой спаситель едва не превратился в моего убийцу, меч только чудом не врезался мне в живот, в последний миг воин увел удар в сторону.

Пыхтя перевалился на бок и как можно быстрее поднялся на ноги. Вокруг кипела битва.

Хотя не так, вокруг в напряжении замерла битва, с редким звоном встречающихся оружий. Ящеролюды летали вокруг бойцов, сляясь улучшить момент для атаки, воины же пытались успеть нанести хотя бы какой-то урон. Не знаю, сколько бы это продолжалось, но в ход сражения вмешались лучники. Одна из тварей вновь атаковала в близь стоящую двойку, ближний ко мне боец принял удар на щит. Тут же взвизгнули стрелы: одна угодила твари в голову и беспомощно отскочила, еще одна, с тем же результатом, врезалась в спину. Но третья возымела успех, застряв в расчленениях хитина. Тварь взвыла, выгибаясь дугой. Стоящий напротив боец выронил оружия и упал на колени, зажимая руками уши и раскрыв в немые крики рот. Его напарник не мешкая в три удара умертвил тварь. То, что древний монстр умер, не было сомнений, тело упало на землю, содрогаясь в агонии.

Умеренный всплеск радости и снова полное сосредоточение на противниках. Отлично выученные воины у этого торговца. Нам до такого расти и расти.

Пока возле нас не наблюдалось призрачных монстров, и мы с Мелом кое-как перевели дух. Я едва успел прийти в себя, как еще одна тварь полегла от стрел и клинков охранников купца. Твари, еще чуток полетав и предприняв пару попыток атаковать, неспешно полетели обратно через стены. Поле брани осталось за нами. Стоило последнему ящеру исчезнуть, как из подсобных помещений выскочили совсем еще молодые парни, почти дети, и сноровисто осмотрели раненых и двоих увели с собой. Включая того, что оглох.

— Ушли, — послышался голос со стены.

Мы сгрудились возле одного из тел древнего ящера. Даже сейчас, глядя на труп, появлялись скованность и легкий страх. Бурной радости от победы не было, бойцы вяло переговаривались, осматривая страшилку из легенд. Разве что пробежавшая мимо девчушка взвизгнула в испуге. Да, совсем еще малой парнишка, замерший подле трупа, получил отрезвляющий подзатыльник.

— Не такие уж они и непобедимые, — хмыкнул кто-то из бойцов.

— А ты представь этих среди болот, да без помощи лучников, — непривычно зло заговорил Мел. — Стоит легион, а враг прошел через, а затем воплотился внутри строя.

Я представил, и картина ужаснула. Храбрые воины, знающие и умеющие многое, стоят плечом к плечу, готовы встретить оскал смерти. А тут тварь проникает внутрь когорты, и сеет смерть. А наш брат не сильно обучен одиночному бою. Да, так и рождаются ужасы, когда ветераны, возвращаясь домой, рассказывают, как их уничтожила тварь, а они словно дети в бессилие бежали. И смотря на суровых воинов со сталью в голосе и на поясе, воображение лихо вырисовывает тот ужас, что заставил дрогнуть смелых воинов.

Еще в голове промелькнул вопрос: откуда они здесь и зачем? Но из-за своей неуместности пропал в общем ворохе мыслей.

— Всем отдыхать. Гостей накормить и напоить, — начальник охраны быстро раздавал приказы, — нам еще атаки отбивать.

В том, что это была только разведка боем, понимала, кажись, самая последняя баба на подворье.

Мы разместились под навесом какого-то сарая, пахнущего сеном. Расселись на удобной лавке, видно, стоит давно и сидят тут часто. Места хватило мне и Мелу, Михлан уселся на землю, привалился спиной к дощатой стене. Тихий же ушел разведывать расположение отхожего места. Я вытянул гудящие ноги, спохватился, прислонил клинок к лавке. Тело ныло от усталости, казалось, куда не ткни — везде боль. И ведь не били меня так уже сильно. Все от бега, да общего напряжения, так я уставал только в первый день нахождения в

тренировочном лагере.

Сержант нас гонял до глубокой ночи, затем дал пару часов на отдых и после сыграл боевую тревогу. Помнится, тех, кто отказался выходить, на утро выпороли и отправили чистить нужники. Тогда меня больше всего удивил Вилка — он ныл, стонал, был крайне недоволен, но вместе со всеми вышел на боевую тревогу. Еще утром нас был полный десяток: Вилка, Кол, Мор, Плевок и Торк, да что там, и сам сержант с капралом. А сейчас э...

Из сентиментальности меня вырвал голос Михлана:

— Грант, что думаешь. Придут?

Не знаю, на какой он рассчитывал ответ, но высказал самый логичный:

— Как только стемнеет.

— Видишь ли, Мертвый легион хоть и ужасен, но архаичен донельзя, — полез со своими объяснениями Мел. — У них одна тактика на все времена. Разведка боем, затем атака ночью, всем скопом. Древние не значит мудрее, тактика, как и вооружение, развивается, а монстры прошлого все те же — кроме силы нет в них ничего.

Из подворья вышел Тихий с кувшином в одной руке и стаканом в другой. Окинул нас унылым взглядом, сел на землю напротив, скрестив ноги, налил в кружку вина, протянул мне. Я жадно выпил, отдал пустую тару Мелу, тот забрал свою порцию. Стоило ему утолить жажду, как его снова потянуло на поговорить:

— Вот вы знаете, как Ролан Скучный победил трех великанов?

Эту легенду знали многие, даже в моем медвежьем углу и то ее рассказывали, как минимум на три лада: то ли головы подрубал, то ли сжег, то ли просто утопил. Кому что больше нравится. И однажды вроде как заезжий менестрель пел про этот подвиг балладу, заунывную и скучную.

— И как? — спросил я, больше для поддержания разговора, чем из-за любопытства.

— Сейчас бы пожрать, — пожаловался Михлан, сбивая Мела со слова.

— Скоро принесут, — сухо ответил Тихий, прикладываясь к кружке.

— Так вот, — повысив голос, заговорил бывший библиотекарь, — заманил он их в горы и там устроил обвал. Знаете, как заманил? Просто скакал на сменных лошадях впереди, и обзывал великанов позорными словами. А когда оказался в горах, вроде как зажатый, прыгнул с коня и залез на вершину. После устроил обвал.

— Как сам спасся? — скептически поинтересовался Михлан.

— Да в пещере укрылся или обошел по кругу, неважно это, главное, что он их уморил голодом, а не мечом головы рубил. Подвиг иногда и скучным бывает.

Еду нам приволокла изрядно сутулая женщина, миски же молодуха, с покрытой платком головой, и перепачканном почти до колен платье. С востока, что ли? Вполне может быть, купец ведь. Миска до края наполнена кашей, даже не поскупились, кинули мяса. От такого зрелища взвыл желудок, и не у меня одного. Умыться нам не предложили, как не дали ложек, свои же мы оставили с вещами на той злостной улице. Мел переломил лепешку и самозабвенно принялся поглощать кашу, Тихий сперва навалился на мясо.

— Нам бы воды, умыться, — без особой надежды попросил я.

Сутулая махнула головой в сторону молодухи, та резво сорвалась с места. Не прошло и минуты, как она явилась с тряпицей через плечо и большим кувшином. Парни тем временем взяли себя в руки и прекратили жрать, как свиньи.

Умылись и без всякой спешки продолжили поглощать пищу, изредка запивая

разбавленным вином, что приволок Тихий. Молодуха ушла, сугулая же стояла поодаль, ожидая, пока мы расправимся с кашей.

Не сказать, что насытился, но голод задавил точно. Про добавку не заикнулись, нечего наглеть. И так спасибо, что спасли, да еще и накормили.

— Уважаемая, — неуверенно обратился я к горбатой, — а не подскажите ли, кому мы за спасение обязаны?

— Купец Лейм из серебряного пояса, — хоть и раздраженно, но певучим голосом ответила она.

Все покосились на Михлана.

— Я такого не знаю.

По насупленному лицу служанки было ясно — отвечать она не намерена.

Помолчали.

— Меня вот какой мучит вопрос, — внезапно заговорил Тихий, — как это проклятуший Легион попал в город? От их болот до Вечного города почти две провинции пересечь надо.

— Да просто все, — как всегда у Мела имелся ответ, — как мы в нищие кварталы от золотой улицы попали.

— Что-то я не помню Проклятого с такой способностью, — немного подумав, сказал я.

— Да и я не помню, но это не значит, что такого нет, — хотелось съехидничать и сказать: «Как так, ты и не знаешь», но сдержался.

Никто кроме Проклятых на такую подлость не способен. А кто именно это сделал для нас, наверное, и не так важно. Не шли же монстры из легенд, в самом деле, через все провинции тихо, скрытно и незаметно. А потом через стену перебрались и живую изгородь.

Я откинулся спиной на стену, приложил затылок к теплым доскам — пахло сухим деревом и сушеной травой. Как дома. Как провалился в сон и сам не понял. Разбудили толчком в бок. Разлепил глаза, протяжно зевнул и дернулся в ожидании сержантского пинка и крика. Но вместо этого последовало глухое бормотание просыпающихся бойцов и ухмылка купеческого охранника. Да, опростоволосились мы знатно. Но чувство вины тонуло в мутной голове и боли в натруженном теле.

— Идут, — глухо сказал посланник, разворачиваясь.

— Сколько?

— Три десятка, — ну хоть не весь легион, шансы есть.

— Отдохнули, теперь пора и потрудиться, — меч легко скользнул в ладонь, подъем же с лавки оказался куда труднее.

Когда же закончится это долгий безумный день? Вопрос без ответа.

Вернувшись к старой позиции, прищурился, попытался найти взглядом начальника охраны. Дабы узнать наше расположение при атаке, самовольно бродить по территории и мешаться явно слаженной команде не хотелось. Откуда-то сбоку вынырнул щуплый парень, осмотрел выданный щит и нагло заявил:

— После боя чтоб вернули, — и быстро отбежал, опасаясь схлопотать подзатыльник или же пинок ниже спины, за дерзость.

Щиты при ближнем и более внимательном рассмотрении оказались так себе. Изрядно потертое дерево по краю обитым железом, рукоять неудобная. Но лучше так, чем с одним мечом.

Начальник охраны быстро подошел, оглядел нас и изрек:

— Справостанете, вон там возле долговязого, — и показал на парней, уже занявших

боевые позиции, — не помирать.

Молча двинули на указанную позицию. Драться в приближающихся сумерках раньше не приходилось, мы такого не тренировали. Ладно, по ходу дела будем разбираться, все равно ничего другого не остаётся.

— Мел, ты с Михлаком. Тихий, со мной, — чертовски хотелось встать в пару с Мелом, но, чуть рассудив, пришел к выводу, он по сообразительнее, чем другие, да и не теряется в сложных ситуациях. Надо повышать выживаемость второй пары.

— Нас не зарежет, — не добро проговорил долговязый.

Я промолчал. А чего конфликтовать? Есть дела и поважнее.

— Десять метров. Готовься, — крик со стены.

«Выдохнул, подобрался. Ничего, били уже, должны справиться», — мысленно успокаивал я себя.

Дунул поток ветра, в нас ударил запах горелого. Обернулся. Мальчишки, сбиваясь с ног, поджигали факелы, воткнутые чуть ли не во всевозможные щели. Света не сильно прибавилось, а вот опасность увеличилась кратно. А если загоримся, хоть каменных строений много, но и дерева с сеном хватает. Даже ведра с водой, выставленные вокруг, слабо успокаивали. Но лезть со своим советами глупо. Тут люди вроде тертые и бывалые, должны понимать, что творят.

Как не всматривался, как не ждал, но первую тварь проворонил. Она появилась в пяти шагах от стены, почти возле самого носа. Прикрылся щитом, неудобно как-то, когда нет рядом братского плеча, да и сам щит маловат. Тварь качнулась в сторону и выпала в реальный мир. Я ударил сверху вниз, ящер легко блокировал, отводя клинок в сторону. Стрела щелкнула монстру по голове, заставляя снова уходить в призрачное состояние. Он прошел мимо меня, я заметил краем глаза, как бьется долговязый, точнее, пытается зарубить бесплотного духа.

Не отвлекаться — одернул я себя. Тварь снова приняла плотское обличье, но уже в паре шагов от нас. Тихий атаковал, я же попытался зайти сбоку, но стоило мне начать маневр, как тварь снова ушла в недоступный режим. Затем резко качнулась вперед и, выпадая в реальный мир, ударила наотмашь. Меня спас щит, вражий клинок проскрипел по самому краю обуви. Руку вывернуло, я качнулся, едва не упав. Две стрелы прошли мимо цели, чуть не пришибив меня. Зашипел от злости и досады, такое чувство, что надо мной издеваются. Мы еще трижды пытались убить тварь, но все в пустую. Как обстоят дела у остальных — неизвестно, я полностью сосредоточился на враге.

— Бей сверху, я подрежу ноги, — после очередной неудачной атаки выкрикнул я. Как мне кажется, дельная мысль.

Ответа не последовало, а тварь снова стояла передо мной во плоти. Тихий ударил, скрежет металла о хитин. Я нагнулся и полоснул клинком по колену. Визг, туманящий взор и лишаящий слуха, меня повело, тьма заволочла взор.

Часть первая Глава 4

Глава 4

Это конец. Слепой, глухой — я обречен, зато боль никуда не ушла, терзая нервными уколами руку и голову. Меня подхватили и подняли на ноги, мир закрутился, и через слезы пробился свет, мутный и расплывчатый. Кто-то кричит не пойми что, доказывая мне, что слух меня еще не покинул. Мутное пятно дернуло за руки, развернулся — какая-то круглая железяка врезалась в губу, голову запрокинул, и в горло полилась огненная жидкость. И снова куда-то тянут, но теперь мир вокруг наполняется жизнью, звуками и деталями.

— Оправился? — через шум донесся знакомый голос.

Кивнул. На большее пока не способен.

— Тогда за мной, — Беззлийкий меня задери, это Тихий.

К удивлению, уже не шатало, и я вполне уверенно последовал за приятелем. Мы вернулись на прежнее место, под ногами валялась тварь с проломленной головой. Долговязого рядом не видно, его место занял другой боец.

Зрение почти полностью вернулось, как и слух. Хорошее зелье, вроде даже усталость ушла. Взмахнул мечом, так и есть, сил словно после утренней пробежки, а внутри клокочет желание драться. Изогнул губы в ухмылке, Тихий нехорошо так покосился. Выглядел сослуживец устало и побито.

Под стеной ящеры пытались выстроить нечто похожее на строй. Набрав десяток, они вышли из призрачного состояния. Глупая ошибка, защитники на стенах только этого и ждали, обрушили град камней и стрел. Трех тварей пришибло сразу. Но что удивило, стоящие перед ящерами воины не шелохнулись. Хотя древние монстры кричали практически им в лица. Мерзкий, пробирающий до нутра визг, но почему-то не вводящий в ступор.

Мертвый легион снова принял призрачное обличье, ушли за стену. Я почувствовал легкое разочарование, ведь готов к битве, тело так и пышет здоровьем и азартом.

— Отошли, — послышалось сверху.

— Отдыхать. Пятерка Торпа на охрану, — пробасил бородатый начальник охраны. — Тумк, потери.

— Пять наших. Семь врагов. Еще пять оглушённых и четверо раненых.

Неплохой результат, даже в нашу пользу. Не так страшен легион, как его рисуют — скоро эта поговорка вращет в нас и дальше в мир разойдется.

Мы вернулись на прежнее место отдыха, я рухнул на скамейку, стянул шлем, между ног поставил меч.

— Живы, — на выдохе сказал я.

Я окинул взглядом парней: Мел, Михлан, Тихий — целы и невредимы. Не бывала роскошь по теперешним временам, раньше после каждой стычки я кого-то терял.

Подбежал парнишка с небольшим кувшином, всучил Тихому и пискнул:

— Пить. Будете сильнее, — и прежде, чем мы успели задать хоть один вопрос, убежал.

Михлан нашел давнишнюю кружку, передал мне. Я наклонился, дабы Тихий плюхнул зелья. Из кувшина валил знатный духан, более всего напоминающий квашеную капусту с медом. Пить в раз расхотелось. Тихий забрал кружку и, не долго колеблясь, одним махом осушил тару.

Я так и не пригубил, меня уже вроде таким отпаивали. Парни же на глазах

преображались, словно не весь день на ногах бьемся за спасение своих жизней, а только после разминки.

Стоило Тихому убрать кувшин, как подошел начальник охраны.

— Вы на эту дрянь не налегайте. Яд это. То есть отравка мирская, организм губит быстрее, чем «Мягкая поступь». Но сейчас без нее никак.

От подобной новости радужное настроение пропало.

— Чего сразу не сказали? — вставая, спросил я.

— У тебя времени не было, а про кувшин должен был Слива рассказать.

— Видать, забыл, — зло буркнул я.

— Ух, я ему уши оборву, — прозвучало грозно, но насквозь фальшиво. Воевода забрал кувшин, помялся с ноги на ногу и собрался было уходить, как поговорил. — Отдыхайте, скоро снова нападут.

— Гадство, — зло посипел Михлан, — слышал я про такое зелье. Говорят, потом всю жизнь животом мучить будешь.

Не знаю, как и отдыхают прожжённые псы войны, или ветераны множества битв, мы же тупо сидели и молчали, плясь в звёздное небо. Благодаря зелью, мы все еще в строю, и вроде как полны сил, но это мнимая благодать. Тело, как говорится, не обманешь. Поэтому усталость бродила кругами, готовясь в десятикратном усилении кинуться на нас. Пока мы спрятаны за забором колдовского зелья, но это не мешает чувствовать и главное знать: усталость там, и она ждет своего шанса.

— Сержант, а чем тебя так приложило? — спросил Михлан.

— Криком, чем еще, — немного подумав, ответил я.

— Странно, вон Тихий так же близко был и ничего, только звон в ушах? Так, Тихий?

— Да, — как всегда кратко ответил молчаливый парень.

Умолкли. А ведь действительно странно — меня вон вырубил, и того бойца, что первым поразил ящера, а остальным только уши заложило.

— Мне кажется, — ага, Мел уже до чего-то додумался, — это ментальная атака, но того, кто причинил древнему легионеру боль. Где-то читал, что такое может быть.

Такое чувство, будто он про все на свете что-то там читал.

— Мел, сбегай, расскажи про наше размышление главе охраны. Лишним не будет.

Наш всезнайка скорчил недовольную рожу, но поднял зад с пригретого места.

— И еще, — я задумался, дабы образовать более четкую конструкцию из слов, — мне кажется, они нас не видят в своем призрачном состоянии. Скорей ощущают, как собаки запах.

— И мне тоже так показалось, — поддержал меня Михлан.

— Раз вы такие умные, может, сами сбегаете? — проворчал Мел, уверенным шагом отходя от нас.

— Тревога. Наступают. Численность два десятка, — послышалось со стены.

— По местам, — скомандовал я, надевая шлем и беря щит.

Заняли с Тихим свое место, нашел взглядом Михлана, ага — вот Мел прибежал.

На этот раз твари изменили тактику: прилетели через стену, почти плотным строем, и выпали разом нашу реальность. И сходу пошли рубиться, я едва успел прикрыться щитом. Дело дрянь, мы разрознены и стоим парами, а тут надо плотным строем. Не совсем эти древние монстры и тупые и закаменелые, как говорил Мел. Удар еще удар, все по щиту. Я почувствовал, как тварь навалилась на меня, давя не хуже кузнечного пресса, пришлось

помогать второй рукой. Про ответный выпад и думать не приходилось. Во-первых, меч чересчур длинный, это не легионерский клинок. А во-вторых, давят так, что ни на секунду не отвлечься, рядом пыхтит Тихий. Наконец-то лучники очнулись и засвистели стрелы. Одна прошла настолько близко от моего шлема, что наклони я голову чуть правее, и валялся бы с пробитой шеей. Мне бы испугаться, но даже для этого нет времени.

Зарычал, упираясь изо всех сил. Нужно во что бы то ни стало передать. И внезапно провалился вперед, как устоял на ногах, сам не пойму. Ящеры, не проломив сходу нашу оборону, перешли к любимой тактике — исчезнуть и ударить в спину. Развернувшись, махнул мечом, больше обозначить удар, чем с целью навредить врагу. Клинок просвистел мимо по воздуху, меня чуть развернуло, ящер же немедля ударил в ответ, делая ко мне под шаг. Вот и конец. Но его кривой клинок зацепился за вовремя подставленный Тихим щит. Ящера это не смутило, он увел клинок вниз и после резко дернул вверх. Скрежет и мой щит взмывает вверх, и металлический обод прилетел аккуратно в нос. Боль ударила по нервам, в глазах поплыли круги, мир зашатался.

«Уроды, ненавижу», — хлестнула яростная мысль, и я, как учил сержант, нанес колющий удар. Клинок во что-то уперся, но я продолжил давить, ожидая ментального удара. Еще усилие, и падаю на землю, протыкая ящера. Он засипел, раздвоенный язык хлестнул по залитым кровью щекам. У зелья оказался еще один отличный эффект — мы стали глухи к ментальным атакам.

Я замер на долгую секунду. Затем поднялся, горя желанием убивать. Огляделся, нашел ближайшего врага, скомандовал:

— За мной.

Сколько продолжалась битва — трудно сказать. Когда усталость накатывает на тело, но ты все равно идешь вперед. Когда враг мечется в хаотичной атаке. Когда в свете факелов все кажутся одинаковыми деревянными солдатиками. Время теряет всякий смысл. Помню, как мимо пронесли Михлана с распоротым животом, а я отстранено подумал: «С такими ранами не живут». И вновь пошел искать возможность схлестнуться с врагом.

Ноги гудели, колени подкашивались, я не падал только благодаря стене, что подпирала спину, шлема не было, как, впрочем, и щита. А в голову упорно лезла мысль: «Сержант меня на куски порвет за утерю имперского имущества».

Плотно утрамбованную землю, облитую чем-то вязким, заслонила тень. Я вскинул голову, не в надежде пойти в атаку, а чтобы принять смерть лицом к лицу. «Женщина, мужики в платках не ходят», — подсказало затуманенное сознание. Еще пару ударов сердца, и я распознал голос и даже отдельные слова. Но вот связать их вместе не получалось, щурился, силился понять, но все безрезультатно. Неожиданно тонкая рука скользнула к мечу, я взмахнул свободной, тыльная сторона ладони во что-то врезалась. И опять слова, да сколько можно говорить, оставьте меня в покое, дайте постоять вот так, опершись, хоть пару минут.

Мир вокруг поплыл, я заскрипел зубами и взял себя в руки, заставляя помутневшую картинку приобрести хотя бы узнаваемые очертания. И вот уже не стою, а сижу.

«Меч. Где меч? — паническая мысль взвилась в голове, разворошив воспоминания. — Ага, тут между ног».

А что в руках? Миска в одной, в другой ложка. Желудок свело спазмом от запаха горячего супа. Или похлёбке? Не знаю.

— Ешь, иначе умрешь, — голос был уверенный и властный.

И я верю, ведь могу умереть. Нужен подвиг. Съесть то, что дали. Ем, давлюсь, плююсь, не чувствую вкуса, и жара. И стоило ложке наскребать по дну деревянной миски, как понимаю — хочу еще.

— Еще, — едва разлепив губу, просипел я.

Мне тут же подсунули новую порцию, я заработал ложкой с бешеным азартом. Казалось, если остановлюсь, то тут же отправлюсь к праотцам. После третьей порции все тот же властный голос приказал остановиться.

— Пошли вы все... я жрать хочу.

— Потерпишь, — приказ как кляп из промокшей тряпицы заткнул мне рот.

Наконец я смог адекватно оценить обстановку. Сажу под навесом, но не тем, где мы ранее отдыхали. Сейчас за спиной каменная стена приятно холодит спину, слева в паре метрах телега, справа на лавках еще несколько горемык. Их перевязывают и отпаивают местные дворовые. А спереди поле брани, никак не меньше. Насколько удалось рассмотреть в мельгещащих факелах, тела людей уже собрали, остались только ящеры. Беззлыкий меня забери, Михлан.

— Где Михлан? — я дернул головой в сторону уже не молодой женщины.

— Кто? — вяло спросила она.

Затем сощурилась, приблизилась вплотную, резко схватила за нос и дернула. Слезы хлынули из глаз, но вопль удержался за сцепленными зубами.

— Так лучше. Ногу сам замотаешь, — она всучила мне тряпки.

— Где легионер с раной в животе? — я как мог придал голосу стальное звучание.

— Помер. Даже до лазарета не донесли.

— Остальные, что были со мной?

— Одному руку порезали, если кровь остановили, то живой. Другого как тебя отпаивают, — может, мне и показалось, но в сухом голосе женщины проскочили отзвуки сочувствия.

Она ушла быстрой тенью вдоль стены. Я выдохнул и опустил взгляд на левую ногу. Вдоль бедра, почти до самого колена, штанина разорвана, крови вроде немного, боли не ощущаю. В отблесках далекого факела рассмотреть, что с ногой, не получалось, провел пальцами по ране. Больше похоже на глубокую царапину от шиповника, чем на ранения от меча, и когда умудрился получить, совсем не помню.

Сначала хотел замотать поверх штанины, но переборол лень и отрезал кусок штанины, с трудом и матюгами стянул сапог. Стал заматывать ногу, как когда-то в далекой уже учёбе мне показывал капрал Туни из Тирна. Почему-то смерть Михлана не вызвала никаких чувств, кроме сожаления. Про Раненых Мела и Тихого вообще не беспокоюсь, была твердая уверенность — они выкарабкаются.

Насколько плотно получилось завязать рану, не помню, ибо сознание ушло в небытие резко, как удар клинка опытного ветерана.

Очнулся от того, что кто-то настырно лизал мне нос. При каждом прикосновении маленького шершавого языка переносица отзывалась болью. Я замычал, затем зарычал, но тварь не ушла, а еще и заурчала. Едва разлепил веки, как передо мной представал тот самый беспощадный монстр дымчатого цвета, с наглой и самодовольной мордой.

Я скинул одеяло и почти попал по отпрыгнувшей твари. Кот замер на мгновение, затем самым наглым образом швырнул песок задними лапами мне в лицо. Убью. Я попытался резко встать, но не вышло, за ночь тело затекло. Постанывая и кряхтя, выпрямился, опираясь

на меч. Прежде чем осмотреться, пощупал нос — распух и пульсирует. Видок сейчас у меня, наверное, как у пьянчуги подзаборного. Мутным спросонья взглядом осмотрелся в поисках, где бы лицо сполоснуть, и куда подойти, чтобы разъяснили про обстановку. Двор пуст, если не считать дымчатой скотины возле бочки. Ладно, для начала помоюсь, уже потом пойду искать людей.

Но прежде аккуратно сложил одеяло и подстилку, на которой провел ночь. Точно помню, когда отрубался, не было ее. Наверное, какая-то добрая душа сжалилась и укрыла одеялом, чтоб не окоченел в ночном холоде. Весна — это далеко не лето. В душе что-то колыхнулось приятное и теплое, последний раз подобного рода заботу я получал еще от матери. Давно это было. От этих мыслей плохое настроение переключалось в более-менее хорошее, даже на кота я почти не злился. Пну, конечно, если попадетсЯ, но так, без злобы.

Дымчатый злодей до последнего наблюдал за моим приближением, затем в самый последний момент прыгнул в сторону, немного пробежал по земле и в три прыжка забрался на крышу пристройки. И уже оттуда продолжил наблюдение. Ну и Беззлыкий ему в друзья. Прислонил меч к стене, наклонился над бочкой, воды почти доверху. Присмотрелся к отражению. Да, та еще морда. Под глазами синяки, нос распух, по всему лицу распёкшаяся кровь, волосы торчат как у ежа. С такой рожей на людях лучше не появляться.

Мылся долго и с предельной аккуратность, шипя каждый раз, когда приходилось касаться многострадального носа. За все время ко мне так никто и не вышел. Подобрал оружие, поплелся искать людей, стараясь вспомнить, через какой вход я сюда притопал ночью. Обнаружил низенькую полуоткрытую дверь, туда и сунулся. Проморгавшись со свету, понял, что нахожусь в узком коридоре, прошел дальше, толкнул плотно сбитую деревянную дверь, очутился в просторном помещении, больше всего подходящем под определение склада. Привычно запахло мукой и сушеным зерном, у дальней стены стоял ларь, сбоку мешки, под потолком висели какие-то тряпки. Похоже, я не туда забрел. Развернулся на выход, и увидел в проходе девчонку лет десяти с кувшином, прижатым к груди.

— Э-э-э, — не зная, с чего начать разговор, простонал я.

Та пискнула испуганным мышонком и шмыгнула в ранее не замеченную мной дверь. Хоть так. Сейчас пожалуется взрослым, и те прибегут разбираться, кто это маленьких девочек в амбаре пугает. Только бы не с мечами наперевес и залитыми кровью глазами.

Не прошло и минуты, как появился пожилой мужик, с взлохмаченной бородой и латаной рубахе. Зло зыркнул на меня, сжимая в руке топор.

— Тихо ты. Отведи к хозяину, — отдал я распоряжение командным голосом.

Тот пожевал губами, топорща бороду, затем махнул рукой и пошел в тот же двор, где я ночевал. Снаружи провожатый убедился, что я следую за ним. Просеменил к стене, сколоченной из грубых досок, и, привалившись плечом, сдвинул часть из них, образовав небольшую щель, куда и шмыгнул. Я вздохнул и последовал за ним, приоткрыв дверь пошире, чтобы иметь место для маневра.

Прошли еще с десятков шагов по подворью, и я стал различать тихие голоса. Завернули за сарай, выходя на знакомую площадку, где ранее мы сражались. О прошедшей битве мало что напоминало: порубленные доски на стене сарая, пара подпалённых жердей, что подпирали мостки возле стены, и влажная земля, хоть ночью и дождя не было. Явно кровь замывали. Все остальное уже почистили и убрали. На крохотной площадке расположилось с десятков бойцов, часть развалилась на лавках; часть стояла, внимательно слушая высокого, хорошо сбитого мужика в возрасте, в дорогой одежде. Ага — вот, наверное, и сам хозяин поместья

Купец Лейм. При моем появлении бойцы потянулись к мечам и явно напряглись. Купец развернулся на пятках, лицо под стать телу — жесткое, волевое такой и сам с мечом на врага пойдет, если нужно будет.

— А, наш герой, — проговорил он на удивление мягким голосом и размашистым шагом направился ко мне.

Слева стоящий боец дернулся следом, чуть обогнал, вынимая оружие из ножен. Я замер, дабы случайно не спровоцировать и без того нервную охрану. Вроде и сражались вместе, а доверия ко мне нет. Да и какой идиот будет нападать на хозяина подворья в окружении стольких бойцов. Но явно такое отношение неспроста, не мне судить о местных порядках.

Купец, подойдя вплотную, бегло окинул меня взглядом и протянул руку. Я медленно переложил клинок в левую руку, подал правую. Надо будет срочно озаботиться ножнами. Хотя в легионе все равно такой меч отберут, не по уставу же. Рукопожатие у купца оказалось крепким, даже чересчур. Мне почудилось, надави он еще немного, и кости захрустят.

— Я Грант, а не герой, — прогнусавил я.

— Да-да, — отмахнулся купец и хлопнул меня левой рукой по плечу, — вот благодаря таким ребятам империя и стоит.

Бойцы дружно кивнули, не столько веря в сказанное, сколько из-за уважения к хозяину. Ближайший из них продолжал буравить меня нехорошим взглядом.

— Где мои парни Мел, Тихий и Михлан? — поспешно спросил я.

— Они в порядке. Одному отлежаться надо, а второго сейчас приведут. Про третьего сказать нечего. Может жив, а может уже и отошел, — я насупился, припомнив, что мне сказали про Михлана. — Ты пока постой в стороне, а потом мы решим, что с тобой делать дальше, — купец резко развернулся и ушел к своим бойцам.

Да, а подумать над тем, что делать дальше надо. По-хорошему следует брать Мела, Тихого и бегом в расположение легиона, пока не обвинили в дезертирстве. Но прежде неплохо бы прояснить ситуацию в городе. Я повернулся к хмуро стоящему бойцу.

— А что там в городе, не подскажешь? Победили?

— Да. Наши посмотрели, все там тихо.

— Уже хорошо.

Значит, приходит Тихий, и мы благодарим за постой и сваливаем по-быстрому. Отличный и главное просто реализуемый план. Купец навряд ли захочет держать при себе легионеров, когда в городе военное положение. Помимо воли прислушался к разговору хозяина подворья и воинов.

— Как я и говорил, все эти Проклятые и Одарённые — только гонор и спесь. Они лишь и могут, что крестьян гонять, да ремесленников пугать. А это Мертвый легион — тьфу и растереть. Мы их выбили и никакие там Одарённые не нужны были, главное иметь твердую волю и холодный разум. Все в наших руках, — хм, какие-то опасные речи он говорит. — Если собраты, да не бояться, мы этих Проклятых размажем. Да, крови прольем достаточно, но забьем их в норы, чтобы и носа не казали...

— Все, не могу больше, — застонал молоденький боец, у которого едва бородавка проклюнулась.

Парень поднялся с лавки, толкнул плечом близь стоящего бойца, скидывая шлем.

— Малик, ты чего? — немного удивленно поинтересовался купец.

Парень прошел пару шагов, стянул кольчугу, бросил под ноги; потянулся, раскинув руки в стороны, и поднял подбородок к весеннему солнцу.

— Хорошо.

— Ты что творишь, малявка, — зло рявкнул воин с сединой в бороде.

— Заткнись, — умиротворенно проговорил паренек и стянул поддоспешник с рубахой.

Все умолкли в изумлении, такого обращения со старшими товарищами мог позволить себе разве что умалишённый. Ведь и девки малорослой понятно — за такое огребешь по шее вернее, чем храмовник Проклятого определит из толпы. И дальнейшая твоя судьба в отряде будет малоприятной. В легионе все строится на уставе, а в таких отрядах многое зависит от уважения.

Седобородый дернулся наказать зарвавшегося наглеца, занес руку и почти ударил. Но, к моему удивлению, парень, не поворачиваясь увернулся, отмахнулся левой рукой, едва коснувшись шеи опытного бойца. Воин выпучил глаза, схватился за горло и хрипя осел на землю.

Пару секунд тишины и все отпрянули в разные стороны, обнажая мечи, часть воинов прикрыла купца щитами. Но парня это несколько не беспокоило. Он плюхнулся на землю и стал стаскивать сапоги, высунув кончик языка. Под телом упавшего разлилась небольшая лужица крови, воин дёрнулся в последней судороге и затих.

— Грязный ублюдок, — прорычал кто-то из воинов.

— Заткнись, Пуза, а иначе выпотрошу, — издевательски заявил парень, отбрасывая второй сапог. — Как вы меня бесите, ничтожества. Всех вас надо загнать в стойла, чтобы вы там жрали, спали и трахались. А когда мы позволим, снабжали нас едой.

В голосе парня сквозила ненависть и презрение, его буквально потряхивало от отвращения к нам. Он выпрямился в полный рост: худой, нескладный, как большинство юношей; сплел пальцы, резко вывернул ладони вперед и хрустнул суставами.

Я выпал из оцепенения, оглянулся: купец что-то тихо втолковывал близь стоящим бойцам, другие же обступали спятившего мальчика. Один я, как дурак, стоял в растерянности. Ну, хоть клинок додумался перед собой выставить. Облизал губы, не зная, как быть дальше. Вот что за удача такая у меня, не дня без того, чтобы не вляпаться в Проклятого? Все-таки Кол заблуждался — неудачливый я.

— А ты хорошо замаскировался, — внезапно полным спокойствия голосом заговорил купец. — Я в жизни не подумал, что подосланный Проклятый — это ты. Скорей, Карл или Манул, но только не ты. Хорошо вжился в роль, хвалю.

— Заткнись, старикан, — с пренебрежением бросил он. — А сейчас я перережу вас, как скот, всех до единого. И заберу причитающееся нам.

В повисшей тишине удар дверной створки об стену прозвучал раскатом грома. Я скосил взгляд. К нам спешила девушка в ярко-синем платье и небесно-голубом платке, за ней семенил один из воинов.

Этой дуре что здесь надо? Видно же, дело движется к резне. Или это влюблённая и предателя?

— А вот и моя прелестная Кимали, — довольно проговорил безумный Проклятый.

Девушку спокойно пропустили в круг оцепления. Проклятый с интересом посмотрел на девицу. Она резко выдохнула, словно собиралась прыгать с обрыва в ледяную воду, щеки обдало алым стыдом, а взгляд смущенно уставился в землю. Девушка неловко стянула лямки с плеч, избавилась от платья. Я был ошеломлен. Это что еще за... слова так и не подобрал. Абсурдность ситуации, подавляла все попытки разума вывести хоть какую-то логическую цепочку. Стоило платью упасть на землю, а девичьим ногам выскользнуть из синего круга,

как движения прелестницы приобрели собранность и плавность. Еще пару секунд, и она предстала перед нами почти голая, не считать же за одежду тряпки, плотно обтягивающие бедра и грудь. И только сейчас я обратил внимание на волосы, неподобающе короткие, почти как у мужчины.

— Жертва принята. Но с ней я позабавлюсь позже, на куче ваших тел, — парень вожделенно простонал и сжал пальцы ног, взрыхливая плотно утоптанную землю.

— Прекрасная Кимила, покажи этому молокососу, на что ты способна, — ласково попросил Лейм.

Девушка приложила ладони к лицу, медленно повела вниз на шею, затем грудь, живот, потом резко раскинула в стороны, хватая пальцами длинные иглы, переливающиеся серебром в лучах солнца.

— Охренеть еще и Одарённая, — только и простонал я.

Парень встал вполборота к противнице, выставил вперед руку с разжатыми пальцами и медленно сжал их в кулак. Кимила атаковала, стремительно преодолев пять шагов в одно касание. Уследить за мелькающим оружием было нереально, да что там, я и рук-то ее почти не видел. Единственное, что позволяло следить за боем, так это перемещения отступающего Проклятого. С десятков ударов сердца и Одарённая прекратила атаку, замерла, раскинув руки в стороны и крутя иглы между пальцев.

— Давай еще, прелестница, — жадно завопил Проклятый.

Она тягучим движением наклонилась вправо и прыгнула, почти пропав из поля зрения, но изменник успел увернуться — ее рывок прошел мимо. И начался второй этап поединка. Впрочем, продлился он не сильно дольше первого. Кимила вновь замерла в той же позе, что ранее.

— Еще, — заревел Проклятый в сумасшедшем экстазе.

А мне подумалось, если эта девчонка не справится, то мы умрем очень скверно.

Они сходились еще пять раз, но Проклятый больше не вопил, лишь пыхтел и ругался сквозь зубы. Кимила же не проявляла никаких эмоций.

— Надоело, — во время очередной остановки заявил Проклятый.

Девушка атаковала, но Малик и не думал уворачиваться. Он принял удар, игла прилетела прямо в грудь, где у всех нормальных людей находилось сердце. Но вместо того, чтобы пробить плоть, острый кусочек стали со звоном разлетелся, а глаза Одарённой расширились в изумлении. Она отпрыгнула, мельком глянула на обломки в руках, выронила на землю.

— Мой черед.

Проклятый атаковал. Один из воинов сорвался с места, но не прошел и двух шагов — свалился с разрезанным горлом. Когда Проклятый успел это сделать, не понял не только я.

«Пора умирать», — тоскливо подумалось мне. Сколько удачу не обнимай, а она все едино выскользнет и умчится к более привлекательному кавалеру.

Проклятый не финтил, и не выдавал зубодробительные связки ударов. Он попросту пер на противницу, используя примитивные удары, что можно встретить при каждой кабацкой драке. Но скорость и точность поражали. Одарённая пока держалась, ускользала от ударов, выпадов и попыток схватить. Она, как это банально ни звучало, походила на воду, которую глупый мужик пытается схватить руками. Но так победы не добьёшься, нужно ведь отвечать на агрессию.

Кимила снова замерла с непроницаемым лицом в странной боевой позиции: колено

поднято, кулаки занесены над головой. Проклятый и не думал останавливаться, пер все с той же настойчивостью. Еще два бойца сорвались с места, но их ждала та же участь, что и предыдущего воина — порванная шея. Да как он это делает? У Проклятых может быть только один дар, пусть и воплощённый в разных видах.

— Надо навалиться всем, — сказал я в сторону купца. Ведь и так понятно, нас тут перебью как скот.

— Нельзя, ей помешаем, — хозяин подворья старался сохранить невозмутимость, но бегающие глазки и поджатые губы говорили об обратном.

Я хотел было наплевать на указание, не он мне командир, но рядом стоящие бойцы удержали меня за плечи. Начинать свару в такой ситуации не самое своевременное решение.

А Проклятый давил неумолимо, как закат солнца, а Кимила теряла скорость и ловкость буквально на глазах. Бах, и кулак Проклятого прилетел девушке прямо в скулу. Ее развернуло и бросило на песок, как мешок с тряпьем.

— Ха, — выкрикнул Проклятый с глумливой улыбкой на губах, — было весело. А сейчас самое нудное — резать скот, — он развернулся к нам, оскалил зубы. — Но прежде я освежую тебя. Да-да, тебя, третьего слева, на тебе кровь моих братьев.

Все разом отодвинулись от меня, словно это как-то смогло спасти их жизни.

— Я думал, вам нет дела до других Проклятых, — я сделал шаг вперед, чуть отводя правую руку с мечом.

— Нет. Но меня бесит одна только мысль, что смерд ранил высших существ, вроде меня. Ты хочешь драться? Ну, бей.

Он резко сократил дистанцию, подняв маленькое облако пыли, и остановился в двух шагах от меня. Рот перекошен, нижняя губа чуть трясётся, глаза налиты яростью, вот-вот вывалятся из орбит. Когда тебе предлагают бить первым — бей и не играй в святого. Я перехватил меч двумя руками и что есть силы как дровосек рубанул по шее Проклятого. По кистям рук ударила боль, и я почти услышал, как ломаются кости пальцев. Но главное произошло — меч наполовину прошел в шею, свернув голову ублюдку. Выражение лица Проклятого резко сменилось с яростно-превосходного на детско-обиженное.

— Как? Я не... я же не уязвимый... я высшей... — он схватился за кромку меча, отступая назад.

Меня что-то больно ударило в плечо, я потерял равновесие. Падая на землю, инстинктивно выставил ладони вперед и взвыл от боли, плюхнулся в землю носом. Новый шквал боли. В ушах зашумела кровь, перед глазами все поплыло. Когда ко мне вернулась возможность адекватно воспринимать окружающий мир, увидел, как толпа охранников вяжет Проклятого цепями. Делали они это умело, без лишней суеты и не мешая друг другу.

Если нельзя ранить — это еще не значит, что нельзя победить.

Я выпрямился, раскинул руки, чтобы справиться с головокружением, сплюнул песок, часть песчинок стер с правой щеки. На плечо легла ладонь.

— Молодец. Хорошая работа, — поблагодарил меня купец.

— Куда его?

— Сначала в подвал, потом властям сдадим.

— Ага, — устало отреагировал я.

Тем временем охрана подняла Проклятого, обмотанного цепями. Мой меч торчал из кокона неуместным рогом. Я подошел и привычным движением вырвал клинок, кокон тут же трепыхнулся, и пару охранников повалили плененного на землю. Кто-то крикнул: «Еще

цепей».

— Ты что творишь, юродивый? — взвыл купец.

— Вернул свой меч, — хмурясь, ответил я, разворачиваясь к торгашу.

На Лейна было страшно смотреть: лицо перекошено от злобы, кулаки стиснуты, вот-вот кинутся драться.

— Верни меч, — медленно просипел он.

— Он мой.

Я заметил, как воины, с кем еще ночь проливали кровь против общего врага, сейчас готовы убивать по одному мановению пальца купца. Перехватил меч поудобнее, отдавать оружие без боя — это явно не про легионеров. Купец запыхтел, буравя меня злобным взглядом, но приказа на атаку не отдавал. Сейчас в нем боролись жадность и порядочность. Жадность хочет продать Проклятого властям и меч в придачу. Не знаю, что с клинком не так, но пробить неуязвимого Проклятого дорогого стоит. Совесть же пищит, убивать человека ради денег — это путь во тьму.

— Вон отсюда, — сказал, словно выплюнул прокисшие ягоды изо рта.

— Своих братьев гляну и только тогда уйду.

Купец молча развернулся, показывая, что с этого момента я перестал для него существовать. Бойцы рядом расслабились, но оружие не спрятали в ножны. Один из охранников махнул рукой, приглашая следовать за ним, двое пристроились следом. По спине то и дело пробегали мурашки от их колючих взглядов, и в голове мелькала картинка, как они бьют меня по темечку и уже бессознательного вышвыривают за стену. А там кричи не кричи, а меч не вернешь.

Но обошлось.

Привели в просторный сарай, воняющий до кислятины в горле лекарственными травами. Внутри светло из-за открытых в потолке люков, но они скорее для вентиляции, чем для света. Чуть более десятка раненых расположились на койках с виду более удобных, чем у нас в учебке. Мел лежал возле стены и самозабвенно храпел, склонив голову набок и положив правую руку себе на лоб. На умирающего мой всезнающий друг походил меньше всего. Подойдя, я не церемонясь гаркнул:

— Подъем! — никакого эффекта, даже храп не сбился.

Зато откуда-то из угла выскочила девица в сером платье и заверещала угрожающим шёпотом:

— Тиши ты, остолоп, раненых разбудишь.

— Лейм приказал этих выгнать взащей, — пробасил провожатый, силясь голосом добавить себе весомости.

— Это ему надо было сранья говорить, а не сейчас, когда в раненого столько лекарства влили, что он теперь и до утра не проснётся. Его разве что нести можно, и то нельзя, — зашипела она, видя, как охранники пристраиваются, дабы выполнить ее указание, — рана скверная, нельзя носить.

— А второй где? — похоже, у Мела выдался выходной.

— Во дворе воду носит, — женщина сразу поняла, о ком идет речь.

— А третий?

— Целитель возле него, — и по виду провожатого бойца сразу стало ясно, туда он точно не пойдет. Страх, сильно замешанный на уважении, промелькнул на недружественном лице.

Вышли наружу, и все не сговариваясь глубоко вдохнули свежего воздуха. Тихий

обнаружился возле огромной бадьи с двумя ведрами, раздетый по пояс, но с мечом в ножнах.

— Собирайся, уходим. Нам еще командованию отчитываться, — выдал я правдоподобный предлог, — Мел пока тут останется.

Тихий подошёл к лавке, подобрал сохнущую рубаху, встряхнул и быстро надел.

— Что с Михланом?

— Целитель там.

— Это хорошо.

На том и порешили. Тихий оделся, нас молча вывели через неприметную калитку. Оказавшись за стеной, я чуть растерялся. Куда идти? Потом плюнул на все и выбрал путь на центр города, примерно туда, где мы начали свой бой, если верить словам Михлана. Глядишь, встретим своих, да приедемся к какому-нибудь командованию. А они уже там все и решат.

После нашествия Проклятых на город без стона сожаления и не взглянешь. Часть зданий порушена, окна и двери в большинстве своем выломаны; то тут, то там валяются малопонятные сгустки чего-то мерзкого. И чем ближе мы подходили к центру города, тем дела обстояли все хуже и хуже. Наткнулись на дыру, где некогда находился дом, уходящую так глубоко, что дна не видно. На другой стороне часть строений смята в шар из камней, брёвен и остатков черепицы. Все аккуратно подогнано друг к другу, словно безумный каменщик постарался. Еще встретили дверь высотой в два человеческих роста, с искусной резьбой, но чуждый человеческому глазу. Возьми я описывать, не смогу при всем желании. Полотно чуть ходило, словно гонимое легким сквозняком. Ее обошли соседним кварталом. На небольшой площади с фонтаном в центре, если судить по развалинам, увидели скульптурную группу сражающихся людей. Ее тоже обошли. И все это сопровождалось лишь стуком сапог по мостовой.

А ведь это еще кому-то убирать и отстраивать. Ломать и гадить — это всегда легко, а вот восстанавливать — тяжелый и кропотливый труд. И это если не вспоминать про деньги.

Гул приближающейся толпы мы слышали загодя. Не сговариваясь с Тихим, спрятались в развалинах углового дома. Не прошло и минуты, как из-за поворота показались легионеры, неспешно бегущие за сержантом.

— Пошли? — прошептал Тихий.

Кивнул. Мы выбрались из развалин, держа руки на виду. Нас быстро окружили, и сержант по-родному рявкнул:

— Кто такие?

— Грант, третий взвод, девятый легион, — вставая по стойки, смирно отчитался я.

— Марк, третий взвод, седьмой легион, — следом отчитался Тихий.

— Остальные? — уже мягче спросил сержант.

— Мертвы, еще двое раненых у торговца Лейма, — как можно более четко ответил я.

— В конец строя. Мы как раз таких, как вы, и собираем. Еще кого видели?

— Нет.

Бойцов оказалось тринадцать, включая сержанта, мы пристроились в конец колонны, за длинным, словно жердь, парнем с перевязанной рукой. И без команды побежали. Стоило прибиться к своим, как мир стал чуточку яснее и понятнее. Появилась надежда, что умные дяди все решат, и тебя больше не будет бросать, как щепку в полноводной реке.

Бежали по некогда центральной улице, если судить по ее ширине. Сейчас усеянной обломками зданий и сферами ярко-синего цвета; что-то перепрыгивали, что-то обходили. А

потом за одним из полуразрушенных зданий наткнулись на огромную голову. Колонна замерла, все пялились на пришельца из другого мира. Голова достигала мне до груди, закрытые глаза располагались на пол-лица, и такое чувство, что смещены ближе ко рту; небольшой отросток между глаз, скорей всего, нос. Но это все неважно, зубы в необычайно широкой пасти — вот, что порождало до слабости в коленях и дрожи в руках. Ровные стилеты, словно выкованные, длиной не меньшей пальца взрослого человека. Даже рога на голове не столь сильно впечатляли, как эта пасть, с вываленным черным языком на землю.

— Чем его кормят-то? — в ужасе спросил долговязый.

— Его не кормят, — вместо Мела пустился я в разъяснения, — его вызывают из своего мира, затем отправляют назад.

— А если не уйдет? — не унимался раненый.

— Сдохнет от голода, — прорычал не пойми откуда взявшейся сержант. — В колонну и бегом.

Мы рассеяно и молча выполнили приказ. Сержант проявил благоразумие и обошел монстра по большой дуге. Свернули за очередной дом. Попутно я отметил на стене черную полосу, шириной в локоть. Здесь вроде проходила сфера, которую ломало это чудище. Дальше дома выглядели нетронутыми, разве что жителей не было, как впрочем, и другой живности. Прошли еще полквартала и соединились с такой же сборной колонной, только куда меньшей. Перед самым выходом на площадь к нам примкнуло еще пятеро легионеров. На наш сборный отряд без содрогания и не взглянешь, сколько бойцов погибло по прихоти Проклятых.

На площади стояло с десятков палаток различных цветов, от бледно-голубой Наместника, до багровых сестер милосердия. Проходя мимо синей палатки с нанесённым на ткань вздыбленным конем, заметил небольшую горку деревянных голов разных травоядных животных, очень похожих на ту, что мы срубили возле стены. Если присмотреться, то скорей всего так и есть — рука одного резчика видна. Получается, такие твари по всему периметру расставили, чтобы народ собирать. Тогда где Проклятый? Ладно, не в общей же куче ему лежать, в конце концов.

Мы остановились напротив белой палатки. Сержанты как могли создали из нас подобие боевого порядка, но выглядело это, мягко говоря, не очень. Одеты более-менее схоже, но дальше шел полный разброд: наши пехотные щиты потеряны, имелось несколько трофейных; оружие в большинстве своем стандартное, но и топоры, пики, мечи разной длины иковки, тоже имелись. Шлемов пяток может и набрался бы, и как общее дополнение ко всему — побитые рожи и тела.

Возле палатки толпилось немало народу, все или в дорогих одеждах или доспехах. По центру под большим навесом сидел огромный воин, раздетый по пояс, правую сторону и руку обматывали бинтами две сестры милосердия в мешковатых багровых платьях. Мужик впечатлял: высокий, почти на полкорпуса выше любого из нас, при этом сложен красиво пропорционально; черные волосы спадали на плечи, приятное молодое лицо выглядело сурово, в прищуре голубых глаз пронизывал нас насквозь. Хотелось подбежать и рассказать все как было, без утайки. Что же, от младшего брата Скучного другого нечего и ожидать. Прозвище Одарённый еще не заработал, тень брата заслоняла все его подвиги.

По левую руку от него стояла девушка, с невообразимо золотистыми волосами, собранными в длинный хвостик, свисающей почти до низа спины. Не естественно белое платье с множеством завитков рюшек идеально сидело на девушке, миловидное личико

накрывала печаль. Казалось, она скорбит о простых смертных, что пострадали от подлости Проклятых. За ней почти за спиной младшего Скучного стоял уродец, может, он таким и не являлся, но в сравнении с девушкой выглядел отталкивающе. Казалось, его лицо скрутила судорога: рот набок, один глаз чуть ниже другого, левый выпучен, белая рубаха по-крестьянски распахнута до груди.

Вокруг еще толпилось немало народу, но эти трое оттягивали все внимание на себя.

— Эй, ты, третий слева, — повелительный голос младшего брата Скучного вывел меня из задумчивого созерцания.

Я рассеянно заморгал, оглядываясь. Похоже, сержант о чем-то отчитывался, пока я пялился на Одарённых. Я наклонился вперед, глянул направо. Безликий меня задерил, да это я третий слева. Осознав, шагнул вперед.

— Откуда меч? — вопрос обыденный, даже скучающий, но я замялся, ведь откуда этот меч я не знал, подобрал его только вчера. От осознания невозможности точно ответить, во мне колыхнулось презрение к себе.

— Полегче, здоровяк. Видно же, парень случайным образом обзавелся таким замечательным клинком.

В голову ворвались сотни мыслей, сражаясь друг с другом за право быть высказанными первыми. Невзирая на то, нужны они в данный момент или нет. Я тихо застонал, казалось, мысли пробьют череп и вырвутся наружу, без помощи рта.

— Говори, парень, — в мешанине мыслей послышался чей-то настойчиво взволнованный голос.

Немного полегчало, мысли не ушили, просто утихомирились, и выстроились в нужную последовательность.

— Трофейный меч подобрал при первом сражении. Откуда он, не знаю, — губы разжимались, словно чужие, выплевывая слова.

Я глянул на оружие, подробно рассмотрел трофей, пожалуй, впервые за все время владения им: длинный, почти метр; обоюдно острый, с желобка посередине, простая гарда полукругом, и навершие в виде сжатого кулака.

— А кровь Проклятых откуда?

Череп заломило, отдавая болью в носе.

— Первого зарубил, когда тот валялся беспомощный. Второго из-за самоуверенности, тоже без сопротивления.

— Лея, ты слышишь. Этот, демоны побери, легионер, зарубил двух Проклятых. По чистой случайности. В это верится меньше, чем в то, что Безликий одумается и вернется к брату на покаяние.

Гигант резко встал, пригибаясь под навесом. Сестры попытались его остановить, но легче удержать двух годовалых быков, чем порыв Одарённого. Несколько шагов и вот он нависает надо мной, как рок над грешником. А мне? А мне не страшно, жутко интересно, но не страшно. Я набрался отчаянной храбрости и взглянул в его глаза. Зря. Взор гиганта раздавил мои бастионы смелости в пыль, показав всю беспомощность и ничтожность. Как червь может кидать вызов орлу?

— Но не врет, — за меня вступился прекрасный голос Леи.

— Тогда я требую подробностей.

Дальше от меня ничего не зависело, язык помимо воли рассказал все сам, да так основательно и подробно, что память не раз охала от количества деталей и подробностей.

Под конец рассказа я закашлялся, горло чудовищно болело, и только Безликий знает, как же хотелось пить.

— А ты не прост, — гигант смилоствивился над сестрами и уселся на стул, вовремя подставленный уродцем.

Прошла добрая минута в тишине. Гигант думал, брови сошлись на переносице, губы сжались в плотную полоску. Затем он резко выкинул здоровую руку в сторону.

— Меч, — уродец подал ему клинок, стоящий слева от гиганта.

Младшей брат Скучного одной рукой ловко подбросил оружие, оно крутанулось в воздухе, поймал за кончик лезвия и выставил рукоятью вперед.

— Меняю на твой.

Ругаясь, я стиснул свой клинок, ища в этом жесте силы для отказа, и нашел-таки.

— Нет, — и сразу затараторил, дабы дать себе высказаться, прежде чем падет гнев Одарённого, — он служил мне верой и правдой, и я не готов предать его.

Гигант нахмурился, уголки губ опустились вниз, мышцы на теле напряглись, послышался треск рвущихся бинтов. Ирония судьбы — пережить схватки с Мертвым Легионом, убить двух Проклятых и погибнуть от руки Одарённого после победы.

— Братец, успокойся, — под вытянутой рукой Одарённого проскользнул женский силуэт в багровом платье, — он повязан кровью с этим куском металла, так что для тебя это артефакт полностью бесполезен, а в его руках он еще сможет принести немало пользы. Так что не делай глупостей, и дай себя подлечить сестрам, в конце концов.

Я сфокусировал взгляд на своей спасительнице, точнее, на ее груди, и меня можно понять. Две большие полусферы отчаянно давили на жесткую багровую ткань, почти при каждом движении норовя разорвать ее. Собрав силу воли в кулак, перевел взгляд на лицо девушки: схожие черты лица с гигантом угадывались, разве что чуть более округлые и мягкие. Черные растрёпанные волосы, обрезанные по мочки ушей, словно она только что сдернула платок. А в голубых глазах океан любопытства и долька озорства. Лицо нельзя назвать привлекательным, но вот тело вызывало резкое желание.

— О, я смотрю, тебе серьезно досталось, — она подошла вплотную, задрала голову и, прищулив один глаз, принялась изучать мое разбитое лицо.

Затем тонким изящным пальцем коснулась груди, рассеянная улыбка сменилась на удивление.

— Я смотрю, все герои — дурачки. Ты зачем эту дрянь пил? А-а-а молчи, — стоило мне открыть рот, как она перебила меня, — знаю, что ты скажешь: «Иначе нельзя. По-другому бы все погибли. Зло нужно было остановить любой ценой». Мне это братец на дню по пять раз говорит. Но он-то вон какая дылда, а ты? Хотя все вы одним миром... ладно, вот тебе колечко.

Не успел я опомниться, как она взяла мою ладонь и в одно движение надела на средний палец серебристое кольцо.

— Вот так лучше. Месяц не снимать, если будут... М-м-м... странные выделения — не пугайся, он так работает. Потом ко мне придешь, я скажу, что дальше делать.

Она резко развернулась, и я в полной мере оценил ее зад, и в этом я был не одинок.

— А моему другу такое не найдется? — спешно спросил я.

— Кому это? — она снова развернулась, и я с большим трудом удержал взгляд на ее лице.

Я указал на Тихого. Она хмыкнула, приложила указательный палец к губам, резко

кивнула, приняв решение, уверенно подошла к Тихому. И одарила его кольцом, но только уже золотым.

— Инструкции ты помнишь, — ошарашенный парень застыл как статуя, не в силах хоть как-то отреагировать на слова прелестницы.

За то время, пока мы разговаривали с девушкой, гигант вернулся обратно под навес.

— Братец, а ты не думаешь, что такого героя нужно наградить? — не унималась прелестница.

Хотел провалиться сквозь землю от обилия внимания. Я и так получил больше, чем мог мечтать, или придумать в пьяной сплетне.

— Я ему меч предлагал, — рыкнул явно недовольный гигант.

— Тирн из Фела? — певуче проговорила она.

Уродец бесстрастно вышел вперед, подошел ко мне, помня о неудачном опыте игры в гляделки с Одарёнными, смотрел ему в область груди.

— О чем ты мечтаешь? — голос оказался мягким, глубоким.

— Быть стражником, — честно поделился я своей мечтой.

— Люблю честных, — на пределе слышимости сказал Уродец и затем громко, — устрою.

— Мне бы еще парней с собой, — нагло попросил я, если за отказ отдать меч не прибили, то и сейчас не должны.

— Если согласятся, — уходя бросил он.

А затем сержант отдал приказ, и мы ушли в лагерь сестер милосердия.

Телеги все же разъехались при помощи ругани и стражи, и движение на улице возобновилось в привычном ритме. Середина дня, впереди море работы по восстановлению города. Я перевел взгляд на оловянную кружку в руке, где возле самого края плескалась пена. Вздохнул, запах свежей древесины и пива приятно обдали нос.

— Чего пригорюнился, сержант? — весело спросил Мел, нервно постукивая ногтями по свежеструганным доскам стола.

— Не привычно как-то сидеть без дела в середине дня. Да еще и с пивом.

— Радуйся, Грант. Уже завтра начнутся веселые деньки, и ты еще вспомнить про это безделье.

Я бессознательно дотронулся до сержантской бляхи в виде щита с топором внутри. Совсем непривычно носить знак различия на цепочке, накинутой на шею. Словно мул на продажу выставлен. Но с указами наместника спорить еще глупее, чем совать голову в капкан. Медным щитом обзавёлся Мел, вроде как капрал. Тихому Михлану и Вилки ничего не досталось, кроме новой формы и пары серебряных монет на первое время. Михлана целитель спас, и на утро второго дня он даже сам пришел сначала в расположение легиона, а после уже и к нам перебрался в стражу. Друзья когда узнали, что можно улизнуть от солдатской лямки, с радостью приняли предложение служить в страже, ни секунды не колеблясь.

Назначению в сержанты я не очень-то и обрадовался. Сам ведь недавно только под палкой капрала круги наматывал, да науку воинскую постигал. А тут сразу сержант. Я было намекнул, мне и капрала за глаза хватит, но получил от лейтенанта такой многообещающий взгляд, что предпочел заткнуться. Так что придется постигать науку управления, так сказать, на практике. И буду молиться всем богам разом, чтобы это не привело меня на каторгу или того хуже — к повешению. И вот уже завтра мне придется добрать людей в наш десяток и

начать патрулирование.

— Такого нашествия Проклятых не было, наверное, уже лет сто, — из тяжелых раздумий меня вывел писклявый голос Вилки.

— Бред, — не удержался Мел от комментария, — помнишь войну Трех Отчаянных?

— А кто ее не помнит.

— Так вот она была лет пятьдесят назад. Да-да, рот закрой, а то мух наглотаешься. А сейчас каждый деревенщина кричит, мол, она прошла сто лет назад, — Михлан отклонился назад, и через Тихого врезал подзатыльник Мелу.

Тот попытался дать сдачи, но я тихо сказал, поправляя на поясе меч в новеньких ножнах:

— Отставить.

Мел недовольно запыхтел, Михлан же подцепил ногтем щепка, отломал от стола и полез ковыряться в зубах.

И с ними мне придется служить? Хм, ведь хорошо, что с ними, верные проверенные бойцы. Еще бы Кола. Верзилу я так и не нашел. Куда пропало его тело выяснить не удалось, да и как выяснять, если нет свидетелей, а ты сам три дня как отозван из легиона? Хм, три дня и из простого легионера бывшей батрак мельника превратился в сержанта портовой стражи. Вот я сижу в полуразрушенной таверне для стражи, за свежеструганном столом в компании друзей. Да, друзей, пожалуй. Такое может случиться только в Вечном городе.

— Хм, счастливычики. Видели, а кто-то еще и говорил самим братом Скучного, дочерью наместника Леи, и... — Вилка мечтательно выдохнул, поднял кружку и сделал три внушительных глотка, — Аглаей.

— Ага, и по колечку целебному обзавелись, — встрял Мел, — а мне пять недель каждый день мерзкую дрянь пить.

Я дотронулся до носа — боли почти не чувствую, да и опухоль спала. Про выбитые пальцы и порез вообще молчу, и намека нет на травмы. Я посмотрел на тонкую полоску серебра на среднем пальце. Хорошая вещь.

— Ага, симпатичная знахарка, смягчит твои страдания, — сказал Тихий. — Давайте за нас.

Выпили все, кроме Мела, он лишь протяжно вздохнул, заглянув в кружку с каким-то отваром. Хотя ему как всем налили вина, но он проявил мужество и поборол свою тягу к алкоголю. Один раз пьянка его уже сгубила, и хочется думать, второй раз он не совершит ту же ошибку.

— Ладно, хватит, — я хлопнул ладонью по столу. — Мел, достань план города. Тихий и Михлан, пройдитесь по портовому кварталу, но так, чтобы не привлекать внимания. Вилка, мне нужны бумаги по личному составу. Завтра трудный день и мы должны быть готовы. После заката все у меня.

Все поспешно встали из-за стола, и, как мне показалось, с радостью, что не придется празднично проседать штаны. Я достал серебряную монету, посмотрел на нее и положил на стол.

— Господин, не нужно. Героям за счет заведения, — махая руками, зачистил пухловатый трактирщик.

— Отстроишься, угостишь, — буркнул я стандартную геройскую фразу из сказок старика Жельбана.

И вышел в город, крутя кольцо на среднем пальце. Впереди много дел и много забот...

Часть вторая Глава 1

Стражник

Глава 1

До самого горизонта расстилалась синяя гладь залива, изредка покрываясь рябью волн. Удивительное и завораживающее зрелище. Оно поглощало, выветривая все ненужные мысли, наполняя грудь безмятежной радостью. Единственное, что раздражало — это корабли, язвами торчащие то тут, то там. Я глубоко вздохнул, прикрывая глаза, так легче вернуться в реальность окружающего мира, где шум порта, с криками, уханьем, скрипом и стуком, где витает вонь гниющих водорослей и прогретого дерева.

— Сержант, ты это чего? — Сэмс из рода Колмов, новый рядовой боец, в новой десятке, нового сержанта Гранта.

— Все нормально, — меланхолично ответил я, щурясь на солнце, — продолжаем патрулирование.

И, показав пример, неспешно двинулся дальше по мостовой.

Два месяца назад, когда мы с новыми друзьями в кабаке отмечали переход из легионеров в стражники, будущее казалось светлым, с хорошими перспективами, а главное сулящим выгоду и спокойствие. Но детские мечты, даже когда у тебя уже растёт борода, всегда разбиваются о зрелые решения власть имущих. Вот и наши рассыпались буквально на следующий день.

Падение выдалось стремительным и вполне ощутимым. Одарённые с Наместником пожаловали мне бляху сержанта и прикрепили к золотому порту. Но стоило нам сунуться по месту предполагаемой службы, как сразу выяснилось, что все должности разделены и мест для шальных вояк уже нет. Возмущаться можно, но, как по мне, так это сравнимо с тыканьем быка в зад вилами. Исход будет ровно таким же — мертвое тело в канаве. Так мы без препирательств перешли в серебряный порт, с заверением, что это исключительно наше желание.

В порту среднего круга, где всем уже распорядилась гильдия купцов, а не магистрат, выяснилось, что пока десяток не будет укомплектован полностью, к службе он приступить не может. Таким образом, не прошло и двух дней, как мы оказались почти на самом дне служебной лестницы портовой стражи. И падение наше остановил лейтенант, резонно спросив местных интриганов, как ему сообщить Младшему Скучному, где мы служим. Поэтому капитан скрепя сердцем выдал нам дневные смены в Черном порту, он же Яма, он же Прелый. А не отправил на убой в ночь, где новичков по одному через пару недель выловили бы под пирсом.

Но я не расстроился, разве что самую малость. Я мечтал быть стражником на Южных воротах, как когда-то мой наставник. Ничего, дорасту еще.

Если Сэмс лавировал между неплотным потоком спешащих людей, то я двигался исключительно прямо. Стражник — это власть, и власть надо уважать, пусть это уважение и придется отстаивать кулаками. И при такой манере движения я неизбежно сталкивался с людьми. Но быстро приловчился выставлять плечо под правильным углом, поэтому подслеповатые моряки и докеры, шипя от боли, отскакивали от меня.

Поначалу случались конфликты, но я их гасил при помощи резких слов и слегка вытянутого клинка из ножен. Быть зарубленным посреди порта желающих не было. А после

небольшого разбирательства выписывал штраф. Нет, его никто смутьянам и забулдыгам не предъявлял. Выкинут же буквально у меня за спиной. Наказывали монетой их капитанов и старшин, а сборщики податей последние месяцы работали быстро, жёстко и без всяких церемоний. Город отчаянно нуждался в деньгах для восстановления. Даже Одарённый трижды подумает, прежде чем перейти дорогу казначейству. Твоя личная сила многое значит, но Империя все равно мощнее и злее. Узнавать приписку смутьянов не составляло труда — эти гордые парни сами выкладывали, откуда они, чуть ли не сразу после словесных помоев в мой адрес. Позже поумнев, перестали так делать, но и мы тоже пообтесали и уже худо-бедно представляли, кто откуда.

Громилу в бриджах и жилетке на голое тело я заметил сразу, не мудрено. Его лохматая голова возвышалась над потоком людей. Я без труда прочел намерения амбала: торс вперед, плечи напряжены, морда с нескончаемо переломанным носом, искорёжена злобой. Он намеревается меня протаранить и начать конфликт. Местные так развлекаются, щупая стражу на стойкость. Между нами оставалось не более пяти шагов, как здоровяк подсобрался и ускорился. Его план прост и читаем, как прислонённый клинок к горлу в темной подворотне — сбить меня в воду.

Я поймал взгляд задиры, ухмыльнулся, словно говоря: «Парень, ты серьезно хочешь это сделать?» И когда дурачок резко подался вперед, я мягко отклонился в сторону, как и планировал; амбал проскочил мимо и спотыкнулся о выставленную ногу. Но, к моему удивлению, не упал, а каким-то образом умудрился сохранить баланс.

— Сэмс, это было нападение на портовую стражу? Как думаешь? — мои пальцы уже бегали по эфесу меча.

— Думаю, да, сержант, — смело отчитался Колмов. Из него, как по мне, может выйти отличный стражник. Даже сейчас, не оборачиваясь, я знал — он стоит к толпе лицом, как и я, пальцами поигрывает на рукояти меча. Мы еще не в том положении, чтобы держать спины открытыми.

Сэмс из рода Колмов оказался умным и смелым парнем, хоть и замордованным своими старшими сёстрами. Отсюда его излишняя робость перед людьми, особенно женского пола. Думается мне, через пару лет службы этот недостаток окончательно вытравится из его натуры.

В одном из первых совместных патрулей я сцепился с тремя откровенными бандитами, что еще не приняли новые реалии города, где нет места преступности в открытом виде. Отморозки кинулись на меня с ножами, приказав парню сваливать подобру-поздорову. Тот их послушал и отвалил после удара в спину, что и привело к нашей безоговорочной победе. А затем тихо и мирно сказал: «В портовой драке нет чести, тут надо побеждать любыми способами». Спорить со столь прагматичной мыслью я и не подумал.

— Я так понимаю, это боцман с Бледной русалки? Отлично, уже вечером передам капитану привет.

На что амбал криво усмехнулся, гнусавя ругательства. А после изобразил мордой корявое подобие серой мыши. Я же показал на лице ухмылку знатока и продолжил путь. Сэмс, выждав несколько мгновений, последовал за мной.

Этот скудоумный наверняка уже покинул пост на Русалке, и поэтому подрядился атаковать нас. Сильно сомневаюсь, что настолько прожжённый тип по доброй воле стал бы изображать из себя таранное устройство. Но это не мешает наведаться к капитану корабля и задать несколько вопросов о судьбе боцмана.

Ну, а его пантомима в виде мыши вполне объяснялась нашим внешним видом. В Яме стражники носили блекло-серую форму, сапоги, штаны, нагрудник и шлем — все в тон.

Пройдя еще метров сто, я невольно посмотрел на море — оно прекрасно. Как можно устать от такого зрелища? И что удивительно, меня не тянуло на корабли, не требовалась качка и семь футов под килем. Мне банально нравилась синева и тот массив, что прятался за гладью.

Может, обзавестись еще одной мечтой — домиком возле моря? Нет, Грант, все по порядку, сначала выслуга лет и только после моря. А то в погоне за несбыточной мечтой можно растерять все остальное.

Остальная часть пути прошла без приключений. Я остановился возле мало примечательной двери очередного скупщика.

— Я скоро, — предупредив напарника, толкнул хорошо отполированное полотно и под звон колокольчика вошел в светлую комнату.

Внутри пахло зеленью и свежестью. Так и не скажешь, что это лавка старьевщика и торговца экзотическим товаром. Нет, ничего запрещенного, просто старик Румфос торговал необычными вещами, наподобие амфор для хранения молока, разных шкатулок, диковинных зверей, странных и полностью бесполезных механизмов. Ему бы в золотой порт, там такое любят, но нет — он упорно сидит возле причала Бурь и торгует своим экзотическим товаром. Может, чем еще, но пока поймать его не получается.

— Здравствуй, сержант. С проверкой? Или так посмотреть? — Румфос встал из-за прилавка, откладывая в сторону книгу. Невысокий, крепкий, белая рубашка с закатанными рукавами обнажала массивные предплечья, а улыбка настолько искренняя, что казалось, еще миг и он назовет тебя братом и отдаст половину собственного дела.

— Ты же знаешь, я этим не занимаюсь, просто стражник. Топчу сапоги и раздражаю людей, — я помимо воли тоже улыбнулся.

— Ха-ха, такие простые, как ты, обычно и крутят руки сильно умным дельцам.

— Что читаешь? — я резко сменил тему, его постоянные разглагольствования на мой счет немного утомляли.

— «Удача Капитана», — он двумя пальцами подхватил книгу и кинул мне, ничего не оставалось, как ловить. Получилось не слишком эффектно, едва не уронил, прежде чем закрепил в ладонях.

Пролистал пару страниц и после печального вздоха сказал:

— Ты же знаешь, это мне не по карману, да и когда читать?

— Тут ты прав, вещь дорогая. Но могу в рассрочку дать по дружбе, дашь своей зазнобе почитать. Сам ты прочтешь за пару вечеров, — он тут же вскинул руки в останавливающем жесте, — и не надо мне рассказывать про твое скудоумие и так далее. Мы оба понимаем, это не так. Да, ты из медвежьего угла, но выучили тебя читать и главное, думать для тебя — знатно. Для стражника.

Я лишь ухмыльнулся и непроизвольно потер пальцем серебряное кольцо. Сестра Скучного так и не забрала свой подарок, а все попытки ее отыскать потерпели крах. Да, если сравнивать меня с другими сослуживцами, то, пожалуй, я имел некую фору в образовании.

— Спасибо. Но я все же заберу, что просил? — укладывая книгу на прилавок, спросил я. — Если тебе, конечно, есть, что предложить.

— Так себе подначка, тут тебе еще надо потренироваться. А так держи, все, как и обговаривали.

На прилавок легло несколько загогулин, сцепленных вместе на концах, с огромными шарами. Я взял железяки, покрутил немного в руках и после засунул головоломка в сумку на поясе.

— Спасибо. Я тебе что-то должен?

— Да, — торговец хлопнул по книге и, придвинувшись вперед, загадочным полушёпотом сказал, — предложи своей даме книгу почитать, будь другом.

— Становишься букинистом? — вернул я новое слово, подслушанное у Мела.

— Я им и не прекращал быть, — он снова засмеялся. — Две недельки я эту книжку придержу. Думаю, раньше твоя зазноба с головоломкой не справится.

Я кивнул и не прощаясь вышел в шум Черного порта. Сэмс тем временем красный, как вареный рак, боком пятился от двух девиц, что приставали к нему с разными вопросами. При этом звонко смеясь, то и дело наклоняясь, чтобы недопустимо глубокое декольте на блузках оттопыривалось еще больше.

— А, ну брысь, — гаркнул я, на что девицы заливисто рассмеялись и, неестественно сильно виляя бедрами, поспешили прочь.

Сомневаюсь, что они меня испугались. Просто я скучный и уже точно не дам потешаться над парнем.

— Сэмс, ты же стражник, — укорил я его.

Подчинённый лишь вздохнул и выдвинулся дальше по намеченному маршруту. Несмотря на вонь, я глубоко вздохнул и оглядел порт, стараясь не отвлекаться на море. При массивном нападении Проклятых, Яма пострадала меньше всего, оно и понятно — это последнее место, которое следует захватывать. Грузы на складах, в основном массивные и плохо поддающиеся транспортировке, так что скрыться с добром купцы бы точно не успели. Капитаны же при первых признаках надвигающейся беды отвели корабли подальше от берега. Таким образом, по сравнению с остальными портами, Яма крайне быстро вернулась в привычное русло, и снующих везде строительных бригад имелось по минимуму.

Мы едва успели дойти до верфи Сарикана, как в проулке между складов заметил троих мужиков явно бандитской наружности. Увидев меня, вперед выдвинулся щуплый малый в обносках, с красной банданой на голове. После двух шагов он сплюнул под ноги, сделав крысину морду. Я хмыкнул, но на провокацию не поддался, даже когда из проулка раздался женский визг. Я просто стоял и ждал продолжения не слишком удачного представления. В Черный порт даже случайно не способна забрести более-менее порядочная девушка, а все остальные находились под плотной защитой местных авторитетов или Мадам.

— Че, мышь... хвост жмешь... сюда подошел... тут человека насилуют, гы, — спотыкаясь чуть ли не в каждом слове, заговорил заводила.

— Что-то ваша шлюха плохо старается, — лениво проговорил я и двинулся дальше, крики как по волшебству смолкли.

В подобную ловушку я угодил на первой неделе дежурства. Побегал на помощь, как наивный дурак, и был окружен малолетней шантропай, что истово верила в бандитские законы прошлого. Но все обошлось, Сэмс помог.

Вышагивая по деревянной мостовой, вспомнилось, как сержант из бывалых вывернул передо мной кипу бумаг, и гаденько так проговорил, улыбаясь:

— Разбирайся, новичок, — тогда я подумал, что его ехидство направлено якобы мою безграмотность. Мол, сельский дурачок по велению Одарённых вырвался в люди, так мы его обратно в грязь затопчем.

Но буквально спустя неделю изменил мнение по этому поводу. Его глумление было направлено совсем на другое — на составление плана патрулирования. Вроде звучит не сложно, а на деле та еще волокита. Первые две моих схемы, на которые я с Мелом потратили почти сутки, были забракованы лейтенантом сходу. После третьей неудачи лейтенант заявил, что в следующий раз лишит меня сержантской бляхи, раз я такой тупой. Загвоздка была в том, что у меня слишком мало людей и слишком большая территория осмотра. А проблемы с недостатчей в личном составе — это мои проблемы.

Но как это бывает, спасла удача и щедрость. Более опытные сослуживцы отказывались помогать, а вот кладовщик на удивление согласился посодействовать моей проблеме за пару кувшинов пристойного пойла. Он отправил нас к одноногому Кофу, ранее служившему в Яме сержантом. Пока я тратил последние деньги в его лавке на покупку разного хлама, бывалый стражник поведал о тонкостях несения службы на грязных помостах порта. Немного любезности и щедрости спасли меня не только от разжалования, но и от возможного куса железа в боку: оказывается, не везде можно хоть страже в одиночку. Это пока, не везде.

Мой третий план хоть и был раскритикован лейтенантом, но остался цел. Приободрённый таким обстоятельством, я указал на опасные зоны в порту. И там спустя пару дней случились серьезные чистки при помощи военных и Обров. Новая власть держала серьезный курс на очистку города от бандитизма и коррупции. В порту сразу стало спокойнее, но заметно сгустилось напряжение. Местные явно затевали что-то против стражи и только выжидали момента, когда солдаты покинут пределы города, дабы вернуть утраченное влияние.

До вечерней смены мы погасили еще несколько мелких конфликтов, проигнорировали провокацию и после мило пообщались с капитаном торгового судна. Он пытался дать взятку, мы же объясняли, что более так дела не делаются. А с коррупцией новый наместник борется так же яростно и жестко, как и собирает налоги. Передав смену вечернему патрулю, мы с Сэмсом отправились в казарму.

Чуть задержались на пропускном пункте — совсем еще юный стражник долго проверял мой медальон, словно от этого зависела жизнь капитана, как минимум. Винить его за ретивость и не подумал, все мы такие в первые дни службы. Это после придет степенность и понимание, как следует расходовать силы.

Проскользнув в приоткрытую калитку, прошли под аркой и оказались на небольшом плацу, с бережно уложенной каменной брусчаткой и следами копоты по центру. Из трех навесов успели восстановить только один, остальные оставили до лучших времен. Казарма представляла из себя каменную коробку, с встроенными бараками и главным зданием для начальственного люда. При нападении здесь, как поговаривают, буянил кто-то из огневиков, а может местное население из числа мстительных побаловался, кто знает. Свидетелей нет. А списывать все на Проклятых становится нормой.

Сэмс, пожелав мне хорошего вечера, поспешил к себе. Я же, немного постояв, двинулся к навесу. Скоро должен подойти Мел с парнями. Уселся под крышей на скамейку и с вздохом облегчения вытянул ноги. Уже по сложившейся привычке, стянув шлем, откинулся на прогретую стену. Взгляд устремился в небо. Хм, то же море — голубое с кораблями-облаками. Лето, жара, а я в теньке предаюсь безделью. Еще год назад и подумать не мог про любованье небесной синью, разве что ночным небом, когда лежал на траве, отдыхая от трудовых будней. Хм, пока солнце было наверху, я все больше смотрел по сторонам и в землю, вкалывая до седьмого пота и считая, что это правильно и так должно быть. Отдавая

всю свою жизнь работе и чуть-чуть семье.

— Ты глянь, опять он спит. Не, Михлан, я точно говорю, его скоро вышвырнут взащей, — раздался звонкий голос Мела от проходной. — Мы тут, понимаешь, сапоги до дыр стерли, а он спит.

Я никак не прореагировал на болтовню, дождался, когда их тени падут на меня и только потом оторвался от созерцания небесного моря.

— Как служба? — искренне поинтересовался я.

— Тоска, — плюхаясь рядом, сказал приятель, — ходишь, ходишь и ходишь. Тут выпивоху успокоишь, там драку предотвратишь, еще мелкие воришки активировались. Тот тут, то там тряпки воруют, то банки с настоями. А остальное время тебя по этому плацу гоняет ненормальный Шрам. Я не такого ждал от стражи. В легионе и то было веселее.

— Ну, я думаю, скука не самая большая цена за уменьшение шанса быть убитым, — просипел Михлан, вытирая платком пот. — Втянемся.

Мы еще перекинулись ничего незначащими фразами усталых работяг, как Мел неожиданно заявил:

— Слушай, сержант, ты в Храме Одарённых был? А то завтра месяц заканчивается, а ты лейтенанту отчет не сдал.

Я невольно проскрипел зубами, вот тебе и хороший вечер.

— Сейчас переоденусь и схожу, — недовольно проворчал я.

Все служащие города и тем более стражники должны предоставить отчет от жрецов Храма, есть ли в тебе дар Бога или нет. И только благодаря всеобщей суете и неразберихе, мне удалось тянуть до крайнего срока. Мое нежелание являться на проверку объяснялось просто: я причастен к смерти двух Проклятых, а это в любом случае отразится на моих результатах проверки. И чем не повод вышвырнуть залетного сержанта? А так вроде два месяца отслужил, нареканий нет. Шансы остаться в строю высоки.

— Прослежу, — тыкая в меня пальцем, заявил Мел, — а то мне не нужны в начальниках такие сумасброды.

Ударил себя по коленкам, поднялся, слегка потянул шею и, подобрав шлем, пошел на выход. Нужно отправляться в съёмную комнату, впереди еще много дел.

Я не против жить в казарме и делить общий быт с простыми стражниками. Однако неожиданно выяснилось, что сержант под боком сильно мешает досугу обычного стражника. Ни языками почесать, ни расслабиться. А накалять и без того непростую ситуацию не хотелось. Вот и пришлось искать себе угол вне стен казармы. На удивление с задачей справился быстро, и это несмотря на полуразрушенный город. Одна из вдовушек в возрасте уступила мне комнату на втором этаже за умеренную сумму. И причина столь легкого приема проста. Стражник в доме — это как минимум защита небольшой лавки на первом этаже от мелких хулиганов. Во-вторых, стабильное жалование. И в-третьих, я пообещал выполнять кой-какие мужские дела по дому. К слову, в первый же день носил воду в огромный чан.

До квартиры всего и надо было пройти два квартала, и раньше этот путь был предельно прост: сначала прямо, после направо и все дела. Но Проклятые со своим нападением сильно изменили облик города. И сейчас приходилось продумывать маршрут движения каждый раз с нуля. Ибо если с утра путь свободен, то уже к вечеру завален мусором, стройматериалами, подводами телег или банально заложен каменной кладкой. А на следующий день могли прийти чиновники из городского совета и приказать все, что построено не по плану, снести.

Бардак — вот такое состояние испытывал город последние месяцы. Радовало только, что все вроде как шло к улучшению.

Я завернул за угол, прошел с десяток шагов, чертыхнулся и двинулся в обратный путь. Впереди пяток крепких парней тащили подвод с камнями. Дождался, пока строители, чертыхаясь и матерясь сквозь зубы, пройдут мимо, продолжил путь. Через шагов двадцать заметил сквозной проход, прикинул, что так можно срезать и поспешил туда. Я почти выскочил наружу, как сбоку что-то плюхнулось, и меня обдало почти до пояса строительным раствором.

— Ты куда прешь, бестолочь?! — возопил густой бас сбоку. — Слепой, что ли? А если бы по башке и все — жди, пока стража признает это несчастным случаем. А это сутки как минимум простоя.

— Извините, — произнес я, поворачиваясь к строителю.

— Мать моя медведица, стражник. Надеюсь, вы там не все такие... а то горе будет Вечному, — уже беззлобно заворчал сухенький мужик с руками, отливающими синевой. — Топай, мил человек, топай, мне тут стену завершить надо.

Я кивнул, заметив, как раствор с камнями, словно живые, укладываются в ряд, едва получив касание синих пальцев. Ну если к делу привлекли Обров, то город и в самом деле может восстановиться куда быстрее.

Спустился вниз по разбитой телегами дорожке, с наваленным мусором по бокам. После пересек чье-то подворье с вывешенным для сушки бельем и, перепрыгнув ограду, вышел на знакомую мне улицу с множеством мелких лавок и, как выражаются местные, закусовых. Ну это когда лень дома поесть, а перекусить хочется, то можно заскочить в такую лавку и тебе нальют крепкого отвара, выдадут булку с мясом, луком, картошкой или чем поспецифичнее. В этом я видел мало смысла, но я и обитаю в Вечном городе только пару месяцев

Зашел в приоткрытую дверь, зацепив головой пустотелые трубки — тут же раздались веселым переливом.

— Здравствуй, тетя Палли! — пусть мы и виделись с утра, но ей нравилось, когда желали здоровья при каждой новой встрече.

— Здравствуй, сержант! — не по возрасту бодро крикнула хозяйка дома, выходя из небольшой кухоньки.

Невысокая крепкая, сбитая женщина, находящаяся в том возрасте, когда мужчины все еще сватаются не для того, чтобы объединить хозяйства и не скучать в одиночестве, но и для более приятных вещей. Но уже близок тот срок, когда все поменяется. На широковатом, но все же обаятельном лице, мелькала улыбка, копна пшеничных волос уложена в косу с мудреным плетением. Вместо юбки шаровары, выше рубаха с письменами и сверху расписная жилетка, ноги босые. Так любят одеваться на южных равнинах. И вот стоит ей снять жилетку, как тут же прилетит не один десяток нелестных слов по ее облику. Ведь жилетка, как я понял, сравнима с мечом легионера, если ты при клинке — почет, потерял — просто чучело ряженое.

— Как служба? — просто вопрос вежливости, у нее много ни к чему не обязывающих привычек, но требующих быть исполненными.

— Идет, — кратко бросил я не нужный ответ.

— Отлично, что так. Ты, как я помню, из села? — я кивнул, медленно продвигаясь в сторону узкой лестницы на второй этаж. — Замечательно. У меня тут снесь осталась, так

что уступлю тебе за полцены. По рукам?!

Ее хозяйственная натура не позволяла пропадать еде впустую.

— Вы на столике оставите, я переоденусь и спущусь. Мне в Храм идти.

— Будет исполнено, сержант. А деньги я уже вписала в общий счет.

Вот так и живу — кормят насильно, как и обстирывают, и жизни поучают. И если не подстегивать самолюбие, то жить даже удобно.

Открыл добротную дверь, ввалился к себе, замер, окинул помещение быстрым взглядом и улыбнулся. Никогда раньше у меня не было своей комнаты, всегда приходилось делить помещение с кем то: то с родственниками, то с батраками. И все твоё личное пространство ограничивалось койкой, и то, когда ты там спишь, отстранившись от всех шторкой. Сейчас же личная комната, пусть маленькая, с кроватью, тумбочкой и умывальником, но здесь кроме вдовушки никто не зайдет, и тем более не храпит по ночам. На мой взгляд, за тот кошмар, что я пережил в день нападения, данная комната уже достойная награда.

Я быстро переоделся. Расхаживать в форме вне службы мне казалось нелепым, вот и обзавелся сменной одеждой, как только смог: рубашка, штаны, жилетка и мягкие сапоги. До осени мне этого хватит, а дальше обзаведусь чем-нибудь посолиднее. Умылся и, приладив поясную сумку и меч, направился вниз. Меч бы с радостью оставил, но неожиданно для себя оказалось, что если ножны не трут ногу, то чувствую себя крайне неудобно, словно забыл штаны натянуть до задницы, так и разгуливаю со спущенными. И тут так сразу и не поймешь: или у меня выверт головы, или же железяка, напивавшись кровью Проклятых, стала так реагировать на меня.

Топая по ступенькам, подумалось — все же жизнь моя круто изменилась в лучшую сторону: в батраках я был как редька в огороде, рос себе на благо другим, ни о чем не думая. В легионе превратился в забойную скотину, ну а сейчас в городе стал псом, да служу и живу не совсем своей волей. Но улучшения на лицо, и если крутить головой вовремя и правильно выполнять команды, то можно вырваться наверх. Но это мечты и фантазии, а мне с фантазиями нужно быть осторожнее.

Спустился вниз. На высоком столике без стульев стояли пирожки в тарелке, рядом находился большой стакан с отваром. Не задаваясь лишних вопросов, взял один из пирожков. Вкусно.

Неспешно поедая снесь, размышлял о Храме. То, что у меня найдут некие уникальные способности — сильно сомневаюсь, уже не раз искали и в родном селе, и в легионе. Больше беспокоило убийство Проклятых, а эти даже после смерти могут подгадить. Новый совет при наместниках взял курс на очищение города от скверны, как преступников, так и проклятой...

— Чего киснешь? — Мел валился в лавку, словно двоюродный племянник к лобовой тетушке, сразу схватил пирожок. Один в рот засунул, другой придержал в руке про запас.

Я быстро завладел остальными двумя, расслабился. Живешь вдалеке от сослуживцев и позабыл, что в большой семье клювом не щелкают.

— Я ем спокойно и размеренно, — отозвался я, — а ты чего пришел?

— Жадный ты, для друга пирожок пожалел, — давясь сдобой, он быстро взял стакан и в один присест его осушил. — Скучно. Вот решил тебя подержать в, похоже, на Храм.

— Наглый ты не в меру, — спокойно сказал я.

— Не-а, просто ты вот такую прелесть ешь каждый день, а я как получится. В казарме кормят так, лишь бы не сдохли. А на стороне у бедного капрала денег столоваться нет, — и уже громче во весь голос. — Спасибо, тетушка, за еду. Очень вкусно.

— На здоровье, — сразу же послышалось с кухни, и спустя миг к нам вышла вдовушка с новой порцией настойки.

Я поблагодарил ее кивком и пригубил холодный чай — так здесь называли этот отвар с приятным терпким вкусом, быстро утоляющий жажду.

— Тетушка, даю двойную цену за комнату и клянусь быть самым милым племянником из возможных. Уверяю, я знаю столько историй, что у вас по вечерам будут болеть щеки от смеха, — говорил он это не серьезно, со смешинкой, но по интонации легко понять — отметь вдовушка свой интерес, сразу же разговор перейдет в деловое русло.

— Балаболы тут не нужны, — мягко сказала она, потрепав Мела по плечу.

— Ох и прогадали.

— Может и так, но в этом доме сержантам всегда будут рады. Какими бы они не были. Грант, а друг у тебя так себе, на глазах выживает из дома.

— На то я и друг, чтобы в глаза говорить, что думаю, а не тишком деньги совать, — сказал Мел и попытался забрать мой чай. Я такого уже терпеть не стал и резким плотком выпил остатки.

— Жадина, — тут же получил я обвинение. — Пошли, что ли, а то солнце сядет и не заметишь как.

— Грант, будь осторожен, этот за чарку по своей безалаберности тебя продаст и сам не поймет, — наставительно сказала вдовушка.

— Тёть, ну пошутил я про съем комнаты. Понимать надо, — обиженным ребенком проговорил Мел, выходя наружу.

На улице неожиданно навалился гул строящегося города. После патрулирования порта он не особо ощущался, но стоило побыть в относительной тишине, как шум дворовой тявкой впился в голову, раздражая и мешая сконцентрироваться. Однако, как утверждал Мел, скоро привыкну и перестану замечать.

Выйдя на расчищенную улочку, мы двинулись в сторону Храма. На нас косились то тут, то там, если на меня из-за меча и не присущей ему одежде, то на Мела из-за формы. Но Вечный город только взглядами и ограничивается.

— Вот скажи, как тебе удалось найти столь замечательную хозяйку при комнате и с такой низкой ценой?

— Не знаю, — я пожал плечами, поворачиваясь боком и пропуская спешащего курьера, — везет хорошим людям. Ну и побегать пришлось.

— Ага, я что-то бегал, так ничего толкового и не нашел, — тут же проворчал Мел, но поняв, что такими речами только портит настроение, переменял тему. — Вилка тебе передал, что ты козел, и он тебе все припомнит.

— Тяжело в учении, легко в бою. А из-за лени терять возможность — идиотизм.

После памятной посиделки в таверне, выяснилось, что наш Вилка не отпрыск какого-нибудь зажиточного купца, а самый что ни на есть настоящий поместный дворянин, с правом получения патента в офицерские чины (с этими городскими слов нахватаешься, только успевай запоминать). Ну а в легионеры он попал по юношеской дурости, поругавшись с отцом, решил доказать ему, что сам всего добьётся. Отсюда суетливость, незнания простых житейских истин и легкая придурь.

Вот мы, посоветовавшись между собой, и приговорили его к обучению для получения патента, скинулись на обучение из наградных денег. Для нас выгода прямая — выбившись наверх, он уже точно не забудет про друзей, да и честь не позволит забыть нашу доброту. Ну

и он за грош не профукает свою жизнь. И все как он хотел, из низов наверх своими силами. И так как сейчас время больших перемен, у него есть шанс вырваться наверх. В более спокойные времена, у нас банально бы не хватило денег на взятки, подкуп и неотъемлемым кутежом вновь обрезающего офицера.

— Не понимаю, зачем ты его вынудил туда идти, его же сожрут, — Мел перепрыгнул скверного вида лужу и продолжил, — это же Вилка.

— Мел, ты же вроде разумный парень, а не ведёшь простых вещей. У него единственного есть возможность и зачатки нужного образования для подъёма наверх. Не сожрут, он с виду недотепа, а стержень есть, да и знания, как вращаться среди высших чинов. И как бы он ни ворчал, ему самому хочется выбраться в люди, — я сделал паузу, засмотревшись, как две девчушки старательно поливают вновь образованную клумбу посреди стройки, — ну а если сожрут, значит, так ему и надо.

Мел хмыкнул, посмотрел на возню девчонок и проговорил голосом убитого простудой лектора:

— Всю эту самодеятельность скоро прекратят. Совет выдаст план города, и все построят как надо.

С наместником не поспоришь. Я уже видел, как жильцы пытались вернуть прежний вид домам, но приходили чиновники и прекращали стройку, заставляя сдвигать здания под предлогом расширения улиц. Но все же сказал:

— Они должны попытаться.

— Пусть пытаются.

Свернули на очередную улицу и замерли — весь проход загородили лошади с подводами, и даже стража, покрасневшая от криков, не могла быстро растянуть образовавшийся затор. Мы, не стовариваясь свернули налево, пересекли неубранный проулок, на соседней улице расположился десяток легиона прямо на камнях. Бойцы вяло перешучивались, отдыхая от очистки развален; сержант с капралами неподалеку курили трубки. Я не пойми, почему кивнул бойцам, несколько из них вяло взмахнули руками в знак приветствия.

Миновав их, Мел не выдержал и заговорил.

— А вот ты знаешь, откуда пошло слово «солдат»?

— Нет.

— Значит, дело было так. Лет сто назад наместник из провинции Норвалк призвал наемников на помощь, они там с соседом не поделили внимание Императора. А ведь дело было...

— А можно коротко и по теме? — давать волю словесному поносу Мела дело неблагодарное.

— Нудный ты. Короче, — голос его враз поскучнел, принимая занудные, тягучие оттенки, — жил-был лет сто пятьдесят назад Император Солд. И придумал он печатать специальные деньги для легионеров и наемников. С тех пор название и приклеилось. Настолько кратко пойдет?

— Да, понятно, — если он думал, что сможет надавить на жалость, то сильно просчитался.

— Понятно ему. Такую историю запорол. Там столько интриг, афер...

— Чего?

— Обмана с деньгами. Мошенничество, — тут же пояснил приятель не понятное мне

слово, — после Храма расскажу, как слово «солдат» в обиход входило.

Я угукнул и быстрым шагом пересек маленькую площадь, приближаясь к храмовым воротам. Мел отстал и пошел в сторону трактира, но резко затормозил и сменил направление к выгоревшему парку. Храм в Вечном городе пусть и не впечатлял размерами, зато внушал спокойствием, основательностью и массивностью. При осаде почти не пострадал, закопчённые стены и выбитые окна не в счет. Тут пусть и велись строительные работы, но скорей надстраивали новые помещения, чем ремонтировали поломанное.

Одну из стен окутывали строительные стеллажи. На самом верху стоял мужик и небрежно скидывал мусор, обломки непонятным образом вкручивались в легкий вихрь и мягко приземлялись в телегу с огромными бортами. Всем процессом уборки руководила кряжистая женщина, одетая в легкую рубаху, пропитанную потом, и тяжелую юбку из кожи. В руках она держала две жердины в три ее роста, упёртые в землю, явно управляя вихрем.

Обры за работой. Здесь в Вечном их приплетают к повседневному труду наравне с обычными трудягами. У меня на селе любой из них мог претендовать на бесплатные еду и кров, просто фактом своего существования. Вот она — наглядная разница между городом и провинцией. И это касается не только сверхлюдей, но и армии. Я помнил свое вооружение в легионе и видел, как тут одеты стражники внутреннего круга. Выучка — это отдельная боль.

— Заходи, не бойся! — весело прокричала кряжистая женщина, видя мое замешательство.

— Да-да, — еле слышно ответил я и машинально потер большим пальцем кольцо.

И прежде, чем взяться за дверную ручку, тщательно обтер ноги об новенький коврик. Дернул тяжелую створку и вошел в приятную прохладу Храма. Внутри все выглядело аскетично, и скорей напоминало лавку успешного алхимика или аптекаря. Много стеллажей с книгами, фолиантами, колбами, непонятными приборами. Как там говорил Мел — механизмы, но пахло не пылью или отварами, а чистотой, той самой, когда ты заходишь в дом после тщательной уборки умелой хозяйки.

У Храмов нет какой-то четкой архитектуры, везде они выглядели по-разному: от сарая, до монументального форта и невыразимо красивого шедевра искусства, к примеру, как в столице империи. Храмы даже не имеют какого-то отличительного знака. На севере они стоят большую часть времени пустые, на юге наоборот — там кипит жизнь. В моей же провинции Храм одновременно служил местом принесения молитва богам. Но что характерно, Храмы Одарённых располагались повсеместно, стоило только прийти в поселение Храмовнику. Основная их задача — это искать и выявлять Одарённых во славу Империи.

— Чем могу помочь? — голос послышался из глубины помещения, достаточно молодой и нетерпеливый. Разглядеть хозяина храма не удалось, свет падал так, что входящему застилал глаза.

— Я из стражей на проверку, — продолжая неспешно двигаться, я извлек из сумки небольшой свиток.

На селе никаких бумаг, понятное дело, не выдавали, просто староста привел на проверку ребенка примерно десятилетнего возраста. В легионе этим занимался сержант на первой же неделе обучения. А тут вон, бумажка.

— Хорошо. Только со службы? — Храмовник оказался достаточно молодым мужчиной, с суетливыми движениями, одетый, как и большинство местных, в легкие штаны и рубаху. Лишь вязь письмен на лбу выдавала в нем служителя культа Одарённых.

Я кивнул, рассматривая странного вида кресло: массивное, тяжелое, полностью квадратное. Создание явно не для комфортного сидения. Выше какая-то колба с жгутами, тянущимися вниз. Зашуршал разворачиваемый пергамент, следом послышалось задумчивое мухаканье, с поспешными ударами подошвы о калёный пол.

— Все понятно. Плановая проверка. Хорошо. Садись, — быстрыми, рублеными фразами заговорил Храмовник, указывая на стул.

Я выполнил распоряжение, с интересом наблюдая за действиями служителя Храма, он перебирал какие-то колбы и странного вида палки. Меня в первый раз проверяли странным способом, раньше все было куда проще. В том же легионе — напоили отваром, а после заставили держать меч двумя руками. Ладони тогда обожгло, а на утро тошнило.

— Дубина, меч отцепи, — выдал он требование, отвлекаясь от своих поисков, уложив клинок на ближайший стол, вернулся назад, спустя минуту он повернулся и продолжал говорить, — отлично. Так, голову держим прямо.

За спиной скрипнуло, и лоб обхватил медный обруч, после поскрипев, и в череп впились зажимы. Я нахмурился и напрягся. Сердце колотилось, чувствуя не доброе. Ох и отобьются мне те убийства...

— Расслабься. Первый раз, что ли? Больно не будет, разве что палец порежу. Так, что там дальше?..

Я почувствовал, как узкие жесткие пальцы прижали мою кисть к подлокотнику. Не успел я что-то предпринять, как большой палец пронзила боль. Я дернулся, но где там, держали крепко.

— Спокойно, — натужно проговорил Храмовник, — я же предупреждал. Так, хорошо. Вот тряпка, сожми, чтобы не капать. Вот чего вы все вечером приходите, а? Ладно, не про то. Расслабься и думай о чем-то приятном.

И снова пришлось выполнять указания в точности, куда деваться. Прикрыв глаза, попытался увидеть море, ощутить его глубину и успокаивающую гладь. Сразу ушла боль в порезе, как и неприятные покалывания от штырей. Я почти ощутил соленый запах и шум прибоя.

— Так не понятно, — выдернул меня из грез недовольный голос Храмовника, — вот как это понимать? Ты в деревне как проверку проходил?

— Положили в каменный гроб, накрыли крышкой, — про легион не спросил, я и промолчал, помня из солдатских будней, что инициатива наказуема.

— Хм, давай еще крови. Вот так, сейчас все проверим, — голосом вечно опаздывающего ремесленника, проговорил храмовник.

— А что не так? — не люблю, когда что-то идет не по плану, особенно, если это касается моей судьбы.

— Понимаешь? Кровь показывает, что у тебя что-то да есть, а прибор, что нет.

— Я Проклятых убил... двух, — робко произнес я.

— Хм, это меняет дело. Давай еще крови.

Он наполнил еще две маленьких пробирки и унес куда-то мне за спину.

— Можно встать?

— Да-да, сейчас освобожу, — проскрипели механизмы, череп перестало задавливать. Я с видимым облегчением выбрался из объятий странного прибора.

Первым делом приладил меч на законное место и, чуть помедлив, пошел посмотреть, чем так занят Храмовник. Парень вливал мою кровь в разные выемки на плоском камне —

булькало, шипело и меняло цвет. На каждое такое действие он охал, бормотал что-то невнятное и все активнее притопывал ногой.

— Ничего не понимаю, — под конец выдал он, — на тебя кровь Проклятых попадала?

— Да, — сразу признал я.

Где-то вдалеке послышался гул вечернего колокола. Парень еще больше засуетился.

— Вот, что я понял. Ты точно не Одарённый, скорей Обр... хм, Обретший, как тебе лучше? Мне удобнее Обр говорить, но официально данное сокращение никто не приветствует, — но твои умения загублены, они очень слабы изначально, обрезанный талант, чахлый и полностью не развитый. У тебя деньги есть на алхимические зелья? Нет? Так и думал, ну походишь в обычных стражниках, не страшно. Сейчас я бумагу составлю. Или ты завтра можешь зайти?

— Не могу, лейтенант требовал результат завтра с самого утра.

— Жаль. Ладно. Вот чего вы вечно вечером приходите? У меня, может, дела Деву...

Дальше я слушать не стал и отошел к ближней двери, чтобы не нервировать несчастного парня. Не успел я заскучать, как мне вручили небольшой сверток и выдворили наружу.

— Быстро ты, — Мел сидел на ступеньках и методично пережёвывал какой-то фрукт. — Будешь?

Фруктом оказалось ярко-зеленое яблоко. Взял, надкусил, забрызгав рубаху соком.

— Блин, горелый, — давясь, ругнулся я, — предупредить надо.

— Да ладно, ты свою Белинку не одеждой покоришь и явно не лицом. И вообще, не понимаю, зачем ты ей сдался.

— Мел, ты же младше меня, а ворчишь, как старый дед, — разговаривать про свои отношения с девушкой не хотелось.

— Образование и опыта у меня на семерых, как ты, — горестно констатировал приятель, поднимаясь со ступенек.

Я бережно надкусил яблоко, хотел было задать вопрос: откуда дары природы, как паршивец меня опередил:

— Ты знаешь, иногда женщине хватает пары шуток и несколько комплиментов, чтобы получить от нее желаемое. Это я про яблоки. Дирна из Уфа, будь она хоть в половину меньше размерами, заслужила бы моего более пристального внимания, — я сразу понял, что речь идет о коренастой Обре.

— А ты вообще знаешь, откуда взялись названия Одарённые, Обретённые и Проклятые?

— Из-за отсутствия фантазии у народа?

— Нет, мой глупый друг. Но я тебя посвящу, — я покорно промолчал, пусть он лучше болтает про странные темы, чем учит меня обращению с женщинами. — Кстати, ты как там, не Одарённый?

— Точно нет, так сказал Храмовник, — я бесцеремонно выбросил огрызок в общую кучу строительного мусора.

— Кхм, внемли тогда отрок... как всем известно, Одарёнными называют людей, обретших сверхспособности за гранью обычного человека. Они одарены благом богов. Разных, тут даже неважно каких, по большому счету. Углубляться не будем. Ведь так? Я так и подумал. Собственно, все источники твердят в унисон, что так и есть. А вот дальше начинаются расхождения, и чем ближе к нашим дням, тем все больше допущений и откровенного вранья. О! Смотрю, ты заинтригован. Слушай дальше. Начнем с простого. Обры — это что?

Я уловил в его голосе намек, что вопрос отнюдь не праздный. Чувствуя подвох, проговорил:

— Обры — люди, обретшие талант, или благость, — занудно ответил.

— Ха, село. Я тебе не про их способности спросил, а про название Обр, — я не обиделся, упрёк был не лично мне, а всем разом и скопом, кто придерживался такой вот версии. — Еще сто лет назад с небольшим, Обры расшифровывались, как Обрезки. Те, кто не смог получить дар полностью. То есть, если Обр умеет поджигать руками всякое, то только этим способность и ограничивается. Ни тушить, ни кидаться пламенем он уже не может. Одарённые презирали их за слабость, люди же ненавидели за ту крупицу силы, что им недоступна. Изгой, одним словом. Вот так-то. Это сейчас, когда Обров расплодилось много, и они стали приносить реальную пользу Империи, им придумали более подходящее название — Обращённые. И знаешь, они даже этим чуть гордятся, за исключением стариков.

Мел умолк, давая мне время осмыслить сказанное. Его рассказ не предстал каким-то откровением, но определено расставил кое-что по местам.

Мы дождались, пока стихнет шум колес проезжающей телеге, и Мел продолжал непрошеную лекцию.

— Итак, мы добрались к самому интересному. Проклятые! Да-да, как бы народ не любил Одарённых и не восхищался ими, именно Проклятые будоражат умы людей. И знаешь, вот что я тебе скажу. Люди, — он указал на группу усталых строителей, — привыкли считать, что Проклятые — это павшие Одарённые. По твоему лицу видно, что у тебя те же мысли. Так вот ничего подобного, точнее, не совсем так, есть пару предателей в их рядах, но где их нет. В основном Проклятые — это самородки, постигшие силу своим путем, без Храмового вмешательства. Иногда сильные Обры. Вот так вот, мой любопытный слушатель.

Мне сразу вспомнилась Кара Пламенная и их задушевный разговор с Проклятым. И как после такого не верить, что они одного поля ягоды? Но я промолчал, опасные мнения лучше оставлять при себе.

— Природа появления Проклятых общему люду точно не известна. Даже мне в библиотеке ничего толком найти не удалось. Как и их истинные цели. Что-то мы знаем, о чем-то догадываемся, но вот четкости как не было, так и нет. Вот, к примеру, что нужно девятерым Неизвестным, — у меня непроизвольно сжался кулак от упоминая этих уродов, ненависть плотно сдавила сердце, — мы даже не знаем их состав и видели только семь номеров, не больше девятого, как ты понимаешь.

Скажем так, Личины Проклятых меняются, а цифры остаются, — он наверняка увидел, что меня уже трясёт от злости, и резко переключился, — или Братя Блайн, хотя с ними-то все ясно, они долбаные психи. Зато полная тайна с Капитаном, Люком света, Клаем искателем, Штурмо Драя, Металлическим драконом, что строит из шестеренок мост в иные миры, или великан Тотт, в северных скалах...

— Стража, помогите, стража, — к нам бежал мальчишка, изрядно перепачканный пылью, с влажными полосками на щеках.

— Что случилось? — голос у Мела стал необычно твердым и повелительным.

— Тама дядьку, того самое... оно вообще жреть и жреть... ага быстрее, — глотая слова, верещал пацан, увидев наше внимание, развернулся и побежал.

Мы не сговариваясь последовали за ним. Из объяснений паренька ничего не поняли, надо самим смотреть. Только и сказал Мелу, чтобы тот оставался настороже, ибо это может оказаться очередной ловушкой.

Стража — это не только форма, или патруль, это состояние души, ощущения порядка и правильности в мире.

К месту происшествия добежали быстро, пересекли улицу и, взобравшись на каменную гряду, оказались внутри полуразобранного дома, в два этажа. Весь масштаб случившегося открылся сразу: под светом ламп на деревянном полу лежал мужик в рабочей одежде. Его правую ногу опутывал стебель какого-то растения. То ли свет так играл, то ли мужик был полностью равнодушен к случившемуся — лицо его выражало полную беззаботность. Рядом суетился субтильного вида мужичок в простой одежде. Если бы не сумка возле ног, можно было бы отнести его к работягам. А так понятно, лекарь.

Сбоку отирались два крепких парня, в пусть и простой, но явно сшитой на заказ одежде, без следов грязи, воротники застегнуты, рукава опущены, и это несмотря на вечернюю духоту.

Пацан еще только спускался, как один из крепышей обернулся, и на багровом лице тут же отразилась злость.

— Ты кого привел, бестолочь? — едва сдерживая крик, проговорил красномордый и, недолго думая, залепил пацану затрещину. — Лекарь уже здесь.

— Дык как же, ты это... — новая затрещина лишь пригладила вихры пацана, тот ловко увернулся, и подбежал к пострадавшему дядьке. — Ты же сам того, помощь велел звать.

— Чем, по-твоему, помогут стражники? — более спокойно спросил второй, из прилично одетых. Не получив ответа, обернулся к нам. — Спасибо, господа, но ваша помощь тут явно не пригодится.

Я не успел и слова сказать, как Мел шагнул вперед и, супя брови, жестко сообщил:

— Стража сама разберется, когда и кому помогать.

Обоим крепышам такие слова явно не понравились. Менее терпеливый, с красным лицом, аккуратно уложенными волосами и наклеивающейся бородкой клинышком, по последней моде дворянства, двинулся вперед. Все это не могло скрыть его уголовного прошлого, безнаказанность в преступлениях накладывает на человека определённую печать. Они явно не привыкли, когда им перечат.

— Тебе сказано валить, — с максимальным пренебрежением выдал краснощекий, выпячивая вперед челюсть и сжимая кулаки. Он явно привык решать вопросы грубой силой.

— Сааран, остынь, — его напарник, бледный и высокий, стиснул плечо озлобленного типа. Тот сразу потерял весь запал и, казалось, даже чуть поежился от страха.

Кто тут главный, ясно без лишних слов.

— А вы, собственно, кто? — Мел не мешкая приступил к выполнению своих обязанностей.

Я же подошел к бедолаге, он мерно дышал, глядя пустыми глазами в не до конца разобранный потолок. Лекарь посторонился, лишь мельком покосился в мою сторону, и достал флакон из сумки. Ногтями аккуратно извлек затычку и, придерживая голову мастеру, влил резко пахнущую жидкость в рот.

Взял лампу за металлическое душно, поднес к поражённой ноге, приседая на колени. Росток, что оплел конечность, выглядел необычно: ярко-зеленый, чуть пульсирующий, вроде и обжимает не плотно, но вот так просто ногу не выдернешь. Возле корня, что впился в доски, обнаружил несколько зарублен, его уже пытались срубить. Я покосился на лекаря — тот по-прежнему поил больного. И если опираться на мой опыт батрачества, то становилось ясно: лекарь всеми силами создает рабочий вид, явно боясь бандитов за спиной. Вроде все

время что-то делает, но процесс не движется. И все это наводило на нехорошие мысли по поводу состояния мастерового и его шансов на спасения.

— Как тебя звать? — разворачиваясь к пострадавшему, спросил я. Разговор всегда лучше начинать со знакомства или приветствия, если, конечно, обстановка позволяет.

— Марк Камневс, третий в роду каменщиков, — почти безжизненным голосом проговорил пострадавший. При его словах лекарь лишь громко сглотнул ком в горле.

— Больно?

— Нет. Поначалу было больно, но как рубить стали, боль ушла, но и сил не осталось.

— Как угодил в это?

— Кура на земле лежала. Я ее ногой подвинул, и вот это штука выросла и впилась, — говорил он без пауз, спокойным или даже мёртвым голосом.

Ситуация складывалась приотвратительнейшая. Мужик нарвался на один из оставленных сюрпризов от Проклятых.

— Отстань от мастера, видишь, человеку плохо, — послышался озлобленный голос за спиной.

При этих словах лекарь вжал голову в плечи. Я же резко выпрямился, не давая возможности подошедшему схватить меня за плечо.

— А ты, собственно, кто? — спросил, прежде чем младчик успел хоть слово вставить. О чем расспрашивал их Мел, я не расслышал.

Он попытался испепелить меня взглядом. Когда не вышло, презрительно усмехнулся, отступая на шаг. Что же, волк пытается прикинуться домашним псом, но под личиной все равно остается хищник, жаждущий власти и крови. Повадки уличного бандита не так и просто вытравить. И тут главный вопрос: зачем головорезам рядиться под простых граждан? Они явно не способны вступить на тропу исправления.

— Они говорят, представитель строительного дома Грейс и Дорн. А этот бедолага — их главный мастеровой, — вступил в разговор Мел, его привычка все и всем разъяснять сейчас была к месту.

— Вы разобрались в ситуации, можете продолжить свой путь. Пока еще... не темно, — предупредил более умный представитель строительного дома.

Напускная вежливость не могла сбить с толку. В более ранние времена Вечного города они с радостью убили бы нас, и скорей всего это сошло бы им с рук. Такое бывает, стражники забрели, куда не надо. Случилось непоправимое, бурлящий город такое может и не заметить. Но сейчас их сдерживает страх перед кем-то, кто не прощает ошибок и проволочек. И это явно не закон.

— Эй, пацан, беги... Э-э-э, Мел, где находятся Знающие? — я не сводил взгляда с бледного лица костолома. Вроде спокоен и даже расслаблен, но я буквально чувствовал его ненависть и главное желание решить вопрос старым, проверенным методом — при помощи дубинки и кулаков.

— Насколько мне известно, он на Прямой улице, — Мел стоял сбоку от нас, и начнись заварушка, то меч он успеет обнажить раньше, чем костоломы впечатают меня в землю. — Пацан, ты понял, о чем я говорю?

— Так точно, — резво откликнулся он, метнулся к каким-то чудом уцелевшей двери, ведущей внутрь здания, — я мигом.

— На кой выкормыш Скарба, здесь нужны эти... — он явно подавился ругательством, после слабого удара кулаком по щеке от бритого напарника, — тут лекарь. Он справится.

— Но я тут бессилён. Я вам сразу сказал, — голос за спиной звучал жалко, хотя хозяин и пытался выдать его за уверенный и знающий.

— Ты, плесень, знаешь, во сколько обойдётся нам помощь Знающих? — не унимался краснощекий, он даже попытался шагнуть к лекарю, по прежде ему следовало оттолкнуть меня. На такой шаг он не решился из-за Мела и моего меча. — Господа из строительного дома Грейс и Дорн не любят лишних трат.

— Сааран, остынь, — уже не столь мирно проговорил бледнолицей, — мастер нам все компенсирует, до последнего медика.

Мне такие речи не нравились, но я сходу не смог придумать достойный ответ.

— И если мастер Марк Камневс умрет, не дождавшись помощи, то вы, уважаемый мастер Ульфрас, последуете за ним, — обещание прозвучало холодно и буднично, словно речь шла о мелком долге, что легко погасить при первом же наличии монет в кошельке.

— Я так не думаю, — я старался, чтобы голос прозвучал также решительно и твердо, как у бандита, но вышло хуже. Сказывалось отсутствие практики.

— Меня не сильно интересует мнение стражника по вопросам бед строительного дома Грейс и Дорн, — мне показалось, что это название должно произвести на меня какое-то впечатление, но увы я тут только пару месяцев и не знаю, к чему может привести неудовольствие такого дома.

Дальнейший диалог не имел смысла. Мы сказали все, что хотели, когда вернулся мальчонка с Знающим. В полуразобранном помещении все так же оставалось тягостное молчание, а мы старались сохранить скучающий вид в напряжённой ситуации. Жалел ли я о том, что пришел на помощь? Нисколько. Я даже понимаю, зачем парнишка, рискуя быть избитым, привел стражников к мастеру. Не будь нас, ситуация, скорей всего, решилась бы очень скверно для всех, кроме костоломов.

Удаление ловушки Проклятых заняло у Знающего не дольше, чем если бы я срезал ветку хорошо заточенным ножом. Одарённые и Обры — это сила, конечно, но вот в таких бытовых мелочах Алхимики куда предпочтительнее. Я вырос в деревне и знаю толк в подобных вопросах.

Знающий подошёл к костоломам, перекинулся с ними парой фраз и ушел. Представители торгового дома даже не посмотрели в нашу сторону и последовали его примеру.

— Мастер Ульфрас, с ним все будет в порядке? — спросил Мел.

— Да-да, конечно, все будет хорошо. Э-э-э, Линь, беги за мужиками, отнесем его. — Три дня, и он будет как новенький, — последние слова лекарь произнес наиграно весело.

Парень снова убежал. А я подумал, что из него вышел бы отличный легионер, исполнительный и хорошо бегающий.

— А где, собственно, его бригада? — подивился я.

— Когда пришли эти, — лекарь так и не отважится назвать костоломов по именам, — все разошлись подальше от... ну вы понимаете, от неприятностей. Город, конечно, меняется, но не так быстро, и память простого люда на диво... крепка.

— Так что это за дом Грейса и Дорна? — раз Мел в кои-то веки молчал, я продолжил расспрос.

— Они отстраивают кварталы Нижнего города, и дают ссуду простому народу. Они восстанавливают город.

— Понятно, — хмуро кивнул я.

Услышанное мне откровенно не понравилось. Мысли пока лежали в голове разрозненными кучами, осталось лишь собрать их в нужном порядке. Попрощавшись с лекарем, мы вышли на более-менее расчищенную улицу.

— Я так понимаю, поход к Белинки отменяется?

— А ты проницателен, — блуждая в своих мыслях, отозвался я, — завтра с утра зайду.

— Ладно, я в казарму, а то и так поздно, — хлопнув меня по спине, Мел поспешил удалиться.

Вернувшись в свою комнату, засыпал я в крайне дурном расположении духа.

Часть вторая Глава 2

Глава 2

Скрипя колодезным воротом, поднял деревянное ведро с водой. Перехватил за ручку, споро вылил в такие же ведра, стоящие на лавке. Выпрямился, улыбнулся заспанной девчонке, ожидающей своей очереди.

— Тебе набрать? — опуская ведро в темный провал, спросил я.

— А? — рассеяно произнесла она, пытаясь растереть глаза свободной рукой.

Каждое утро начиналось с обыденного ритуала — наполнения бадьи водой для моей домовладелицы. Всего пять ходок, пустяк. А если идти, когда едва проклюнулся рассвет, то и очереди не будет возле колодца. Подобные поручения я привык выполнять с юности, еще в бытности батраком. В легионе даже скучал по подобным нагрузкам. Там с утра только одно занятие — бег. Не скажу, что это не пригодилось, но привычный сельских труд радовал куда больше.

Снова проскрипев, достал воду и наполнил ведро заспанной девушки. Я-то больше привык к «журавлю», когда палка с противовесом и толстая веревка, а тут город. Тут, как это — прогресс (тьфу, чтобы Мелу было пусто с его словами): балка, веревка и крути. Не скажу, что проще, но место занимает определено меньше.

— Топай домой, — девица в ответ протяжно зевнула и совсем уже не сонно подмигнула, мол, одурачила дядю. Я ухмыльнулся, показывая, что ее хитрость раскусил еще в первый раз.

Девчонка поплелась назад, я же подхватил свою ношу и так же поспешил. Дел по дому больше не было, но надо успеть поупражняться с мечом. Оказалось, сержант должен владеть клинком, без щита — вот такое непотребство. Нет, когда надо будет гасить беспорядки, то выдадут все необходимое, надеюсь. Но вот в простом патруле следует ходить с мечом. Хорошо, алебарды отменили, а то не знаю, чтобы и делал. И уметь работать с клинком нужно, не как топор — взмахнул, рубанул, но и знать пару финтов. А показал мне приемы клинкового боя старый сержант. Коему больше бы подходило обучать новобранцев застольным здравницам и последующему передвижений в невменяемом состоянии, чем владению оружием. Ибо выглядел он как знатный пропойца. Я не роптал, мне и тех нескольких движений с клинком пока хватало. Я помню легионерскую поговорку «в простоте сила».

Заполнив бадью, оставил себе одно ведро с водой, поставив так, чтобы солнце обогревало. Вздохнул и взялся за меч, лежащий под тряпицей возле навеса. Даже не продолжительное расставание с оружием вызывало тягость на душе. Словно бросаю верного пса, служившего мне не один десяток лет.

Стоило только взяться за рукоять, как губы сами пошли вверх, выдавая улыбку на поллица. А внутри образовалось стойкое желание помахать клинком, хотя бы просто так, как сельский дурачок палкой по крапиве. Взмахнул мечом, разогревая тело, и приступил к заучиванию приемов, показанных пропойцем-сержантом.

Тренировку окончил, как только луч солнца ударил по глазам, выскочив из-за конька соседнего дома. Тело пылало энергией, усталости не ощущал, но надо знать меру — еще весь день впереди трудиться. Тетя Палли стояла в дверном проеме и, недовольно щурясь, обтирала руки о полотенце.

— Здравствуйте! — неожиданно даже для себя прокричал я.

— Здравствуй, сержант! Давай мыться и завтракать, — сказала и скрылась в тёмном провале.

Она часто наблюдала за тренировками, при этом загадочно улыбаясь. Словно мои упражнения ворошили какое-то ее воспоминание. Но лезть с расспросами было не удобно, а она не спешила откровенничать. Обтер клинок, вернул в ножны, чувствуя полное удовлетворение от проделанной работы.

Забрал ведро, отошел к дальнему углу, где существовала маленькая клумба, жившая, казалось, своей жизнью. Быстро умылся возле стока воды и отправился уплетать вкусный завтрак. Тетя Палли шуршала на кухне, не мешая мне уничтожать яичницу с мясом. Быстро, по-армейски переоделся и в лучах рассветного солнца поспешил к лавке купцу Лейма.

Выбрав направление, спорым шагом отправился к своей девушке. Времени хватало, успею еще к лейтенанту с отчетом. Миновав пару закипающихстроек, вышел на относительно очищенную улицу и наткнулся на Мела с Михланом. Оба моих товарища стояли возле подвода с яблоками, сияли бодростью и рвением свершать благие дела.

— Здорова, сержант! — крикнул Мел и даже взмахнул рукой с зажатым огрызком. Едва я подошел, он продолжил. — Чую, сдобой несёт. Опять без нас пирожки трескал. Нет, Михлан, яблок ему не дадим. А все почему? Правильно, он не делится, и я не буду.

Иногда его ребячество было к месту, разряжала обстановку, давая понять — мир не так и плох. Но последнее время такое поведение раздражало.

— Вы что тут делаете? — после сухого приветствия спросил я.

— Тебя ждем, командир, — проговорил Михлан, обтирая фрукт о рукав, — этот с самого утра ноет про скуку. Пошли гулять и вроде как случайно встретились с тобой.

Я промолчал и лишь кивнул. Мел явно хотел влезть в мою личную жизнь со своими советами и бесконечными историями. Ну что же, чаша моего терпения скоро переполнится, и тогда будет серьезный разговор.

К дому купца вела прямая дорога, но все городская стройка как обычно удлинит путь. Проходя мимо одного из домов, я заметил бегущую воду из стены возле фундамента, превращающуюся в настоящий поток. Я удивился, но самую малость — город сейчас наполнен разными явлениями, одно чуднее другого.

— Это проделки Одарённого Самрайза, — тут же внес ясность Мел. — На верхушке дома осталось заклятье, резко снижающее температуру. Воздух сначала замерзает, после под лучами солнца тает, отсюда и вода. Вот народ и ждет, пока развеется, ну а после будет перестраивать. Кажется, мелочь, как камешек в сандалии, но пока не вытрусись, дальше идти — одна морока.

— Да, после драки нет разницы, за кем разгребать: за Одарёнными или за Проклятыми, — весомо заметил Михлан.

Мы с Мелом кивнули в знак согласия.

— Ага, только если бы победили Проклятые, то восстанавливать было бы нечего и некому. Тяжелый труд по возвращению городу прежнего вида, не самая большая плата за спокойную жизнь. Впрочем, как и за жизнь в целом, — я изо всех сил гнал крамольные мысли из головы, но факт, что сверхлюды дерется, а простой люд за ними убирает, назойливой мухой жужжал в голове, норовя время от вымени вырваться наружу.

— Кстати, куда они все подевались? Могли бы выйти помочь народу, — продолжал разговор Михлан.

— Уши в Освободительный поход, или же Отомстительный. В общем, пошли бить морды Проклятым на их территории. Парад же еще прошел за городом, славили их и заодно провожали, — наш всезнайка, как всегда, не подвел.

Я загруженный сержантскими делами такое событие просто проигнорировал.

— Вот и хорошо, — коротко сказал Михлан, подводя итог теме разговора.

Дальше Мел развлекал нас, угадывая, кто из Проклятых что сломал. За месяц сменилось несколько версий, но каждый раз это была не пустая болтовня, а вполне себе логичная цепочка из фактов.

Лавка купца Лейна заработала с новой силой, чуть ли не наследующий день после нападения. Когда-то она специализировалась на тканях, но сейчас многое изменилось. На прилавках легко можно найти почти все что угодно рядовому горожанину. От гвоздей, до свежей выпечки — быстро строящемуся городу надо все и сразу, и желательно в одном месте. Не знаю, насколько это выгодно, но серебряную бляху гильдии просто так не дают.

Вокруг лавки, несмотря на общую стройку, все было расчищено и даже имелся коврик возле дверей. Само здание в два этажа слабо пострадало при нападении. Вставили новые окна, да один угол светился новой кладкой. Двухстворчатая дверь приглашающе распахнута, рядом подпирал стену вышибала: рослый, невысокий, с круглой шапочкой на голове и тонким прутиком в зубах; рукава рубахи закатаны до локтей, обнажая жилистые предплечья с якорными татуировками.

— Здравствуй, Сом! — приближаясь, поздоровался я, ответа как обычно не дождался. Вышибала, по-видимому, предпочитал ничего не делать, если труд не оплачен. Такой принцип у человека. Будем уважать.

Внутри властвовал полумрак, в паре с ароматами каких-то благовоний. По мне, честный запах древесины и металла лучше, чем ширма из неестественных ароматов, но кто меня спрашивает.

— Грант, мой милый друг, как я рада тебя видеть, — послышался радостный голос девушки. Спустя миг она явилась во плоти.

Белинка, высокая, с меня ростом, немного худая, но это компенсируется живостью движений и некой грацией уверенного в себе человека. Складывалось впечатление, что она всегда двигалась не просто так, а к конкретно обозначенной цели. И стоило девушке замереть, как ты понимал — она пришла к тебе, мгновенно заполняя сознание и разум. Я не сильно удивлюсь, если окажется, что не я один так реагирую на эту красавицу. Простое симпатичное лицо. Черные волосы сплетены в хитроумную косу. Мне, как совершенно не разбирающемуся в женских прическах, казалось, подобное с волосами невозможно соорудить без помощи десятка чутких рук и магии. На губах улыбка, глаза горят интересом — это хорошо видно в прямоугольнике света из окна. Она уже точно выбрала данное место неспроста. Внутри меня сразу образовались легкость и пресловутое счастье.

— Здравствуй, Бел! — не скрывая улыбки, поздоровался я.

— Какой ветер принес тебя в мою скромную обитель? Дай угадаю. Ножны? Или нет. Шейный платок. Стоп, стоп, — ее указательный палец игриво забегал туда-сюда по прилавку, — перчатки. Точно они, порт — это соль, гниль, грязь и всякое другое, что касаться голой рукой мало приятно. Вот отличная пара перчаток, как раз по цене молодому сержанту. Бери и не благодари.

Бодро говоря, она шагнула вправо, изящно наклонилась, потянулась, выказывая всю грацию тела. Еще миг движений, и я в руках сжимаю пару добротных перчаток. В этом вся

Бел — умеет продать все, что угодно и кому угодно. Ненавязчиво, весело щебеча, или же сурово и непреклонно, когда того требовал случай. Так я обзавелся умывальным тазом, двумя дверными ручками и плащом, прежде чем додумался оставлять деньги дома.

— Ты же знаешь, я не ношу с собой деньги, — я положил перчатки на стойку рядом с двумя десятками баночек.

— Грант, ты такой скучный, — в голосе, как и прежде, витали веселые нотки провокации. — Тогда что же тебя сюда привело? Стоп, стоп, неужели я?

Легкий неприкрытый флирт, пожалуй, способен вести в смущение и более опытного стражника, чем я.

— Да, — иногда хорошо быть простым служакой, можно позволить себе краткость с не слишком витиеватыми комплиментами, — ты сегодня необычно свежа и на удивление... чудесна.

— Приятно слышать, — она неожиданно приблизилась ко мне и нежно поцеловала в щеку. — Пусть и тебе достанется немного приятных воспоминаний.

В горле пересохло и я окончательно смутился. Хоть до этого, казалось, что опыта общения с девушками хватает. Но Бел умудрялась выбивать меня из колеи каждый раз своей непосредственностью.

— Бел... — начал было Мел. В отличие от Михлана, он также зашел в лавку.

— Белинка, — немедленно поправила приятеля девушка, улыбка ее стала деловой.

— Кх, Белинка, я куплю перчатки, — я же удостоился сокращать ее имя после третьей встречи. В этот почетный круг друзей, кроме меня, еще входил Сом.

И тут же мне пришли на ум слова моего наставника Жельбана из Струка: «Если тебе девушка хоть немного симпатична, сделай все возможное, чтобы остаться в ее сердце. Иначе после совесть тебя сожрет до состояния вечного пропойца». Тогда я не слишком понимал значение этих слов, но сейчас стал догадываться.

— Грант, у меня клиент, — наигранно серьёзно сказала девушка, поворачиваясь к Мелу. Все правильно, дела в первую очередь. — Подожди, пожалуйста, возле чучела, я скоро освобожусь.

Я углубился в лавку и замер возле чучела одного из ящеров мертвого легиона. Посмотрел в стеклянные глаза монстра из легенд (я сначала не поверил, что стекло можно вот так бездарно тратить). Стоя на подставке, нелюдь не вызвал ни толики страха: нескладная ящерица с плохеньким оружием. Такую при удаче и мужики топорами забьют. Но стоило вернуться в воспоминаниях к той памятной битве с мертвым легионом, как волосы на загривке начинают шевелиться. После Мел сказал, что они ментально давили нас, туманя разум.

Благодаря этому чучелу я и познакомился с Бел. Меня нашли люди купца Лейна, уже на третий день моего сержанства, и пригласили на разговор. Сам купец серебряного пояса до меня не снизошёл, разговор от его имени вел поверенный. И суть сказанного была проста: раз мы с друзьями бились с мертвым легионом, то нам следует взять часть трофеев в виде денег. Но чтобы не мешать продаже и налету мистики, не трепаться про драку с ящерами, кому не попадая, а лучше вообще никому. Уже тогда я понял, что таким не хитрым способом покупают наше молчание. Я принял предложение, ибо деньги мне нужнее, чем мутная история с непредсказуемым финалом. А задавать вопросы по типу: «Почему легион напал именно на купца?», «Почему у него в охране прятался Проклятый?» и «Откуда взялась та девица с иглами?» не стоит, даже если очень хочется.

Мы с Михланом отдали деньги Вилки для взноса на покупку патента лейтенанта. Тихий всю сумму отправил семье, ну а Мел — не знаю, как распорядился монетами.

Тогда в лавке я и заметили Бел. Она стояла возле окна, поливая цветок из медной лейки (ее после продала одной зажиточной хозяйшке), а я залюбовался грацией и живостью движений юной продавщицы. После набрался смелости заговорить и, что самое удивительное, как-то выманил на прогулку по городу. Сейчас я даже не скажу, как все произошло, и что я нес в неудержанной болтовне, пытаясь наполнить разговор шутками и интересными историями. Я приезжий и она не местная, прибыла после атаки на город Проклятыми торговать в лавке. Так и завязались наши отношения, кои плавно, но уверенно движутся в романтическое русло. Главное теперь не облажаться.

— Ты его взглядом не прожги, а то мне еще это страхолюдину продавать, — в запах благовоний вмешался легкий аромат трав, когда Бел почти вплотную подошла ко мне.

— И как, раскупают? — поворачиваясь, спросил я.

— О! — она скользнула в сторону, резко развернулась и присела на стол, упирая ладони в край, наклонилась ко мне и, плутовато щурясь, сказала. — Сначала разбирали, что вино из Сорна сейчас берут, как хорошее пиво в жару, но, думаю, неделя-другая и будем отдавать по цене крынки молока. Сам видишь, чучело оно и есть чучело.

— Поэтому больше не вытаскиваете на солнцепёк, — я не устоял перед соблазном, шагнул вперед, несколько мгновений смотря ей в глаза. А после неожиданно поддался порыву и поцеловал. Быстро и даже испуганно, но Бел подержала мою дерзость и ответила на поцелуй. Пусть он и продлился всего несколько ударов сердца, но и этого нам хватило.

— Сержант Грант, оказывается, вы можете застать врасплох, — дыхание ее сбилось, впрочем, как и мое.

Повисла пауза. Чем ее заполнить, не имел ни малейшего представления. В сознание отпечатался только вкус губ Бел.

— Грант, ты на службу не опоздаешь? — она скользнула мимо меня, поправила прическу и быстро стала перебирать бумаги на прилавке.

— Э-э-э, да, — я хотел было уйти, но вовремя вспомнил про подарок. — Вот это тебе. Вроде новая.

На прилавок легла головоломка.

— Хм, вот странный ты, обычно девушкам дарят цветы и сладости, а ты это? — она провела пальцами по металлическим кольцам.

— Ты необычная девушка, и подарки должны быть под стать тебе, — все же поцелуй, особенно первый, изрядно портят мышление у нас, мужиков. Хочется нести чушь, что менестрель на сеновале.

— Спасибо, — она улыбнулась, взяла меня за плечо и чуть толкнула к выходу, — опоздаешь.

— До скорой встречи?

— Да, беги давай, — она прыснула смехом. — Завтра увидимся.

А я подумал, что надо купить цветы и сладости к следующей встрече. А еще обязательно принести книгу. Повторяться с подарками, видимо, не очень хорошая идея.

На улице я застал Михлана, неловко подкидывающего яблоки, в попытке научиться жонглировать. И грустного Мела, зато с перчатками и одним сапогом в руке.

— А чего один? — вопрос вырвался помимо воли.

— Не начинай хоть ты, — простонал приятель, отворачиваясь.

Михлан хохотнул, сказал:

— За вторым придет, когда деньги будут, а этот в залоге.

Смену приняли возле неаккуратно сбитого сарая, где раньше развешивали то ли сети, то ли еще какие-то тряпки. Его выделили под нужды стражи, но это выглядело скорей издевкой, чем благостным поступком. К лейтенанту на доклад зайду позже, лучше получить нагоняй за опоздание с отчетом, чем за пропуск дежурства.

— Не знаю, как ночным, а вот мне кажется, надо делать опорный пункт вместо этого убожества, — предложил Тихий и пнул хлипкие доски сапогом. — Нужно место, подчёркивающее нашу значимость, где можно отдохнуть и нормально пообедать.

— Я уже отправил запрос лейтенанту, но ты должен понимать, сейчас не до хотелок стражи, — горестно проговорил я.

— Боюсь, если не сейчас, то позже будет куда сложнее добиться своего. И этот кусок земли срочно понадобится какому-нибудь толстосуму.

— Если уже не понадобился, — тихо проговорил я, но Мел меня услышал.

— Кх, сержант, — он качнул голову, отзывая в сторону и отойдя на десяток шагов, заговорил, — я тут кое-что узнал про Строительный дом Грейсов. Так вот... раньше они промышляли мелкой починкой домов: крышу подлатать или ступеньки сбить. Ничего серьезного, но после нападения резко пошли в гору. Ну, то есть заказы поплыли как из рога изобилия. И строительного люда они нанимают очень уже много, вербуют еще на подъезде к Вечному городу.

Повисла многозначительная пауза. Вкупе с настойчивым взглядом Мела, мне ничего не осталось, как спросить:

— И что дальше?

— А дальше пару удачных вопросов, и я выяснил, что строительный дом принадлежит местному главарю бандитов — Рыбе. Нам про него рассказывали, ты должен помнить, — я кивнул, лейтенант зачитывал сухие факты про банды и их главарей.

— И? — когда пауза из интригующей перешла в нудную, спросил я.

— Ну, как-то это странно все. И ставлю кувшин Сорного вина против скисшей браги, все это плохо закончится, — последние слова он проговорил едва слышно.

— Мел, дружище, мне кажется, нам не стоит влезать во всю эту историю, — я слегка хлопнул его по плечу. — Наше дело малое — обеспечивать дневной порядок на пристанях Ямы.

Приятель резко расслабился и даже заулыбался. Ему явно полегчало от моих слов, а вот мне совсем наоборот.

— Фу, я-то думал, что ты... в общем, решил, что хочешь выслужиться и как следует тряхнуть эту контору. Очень уж ты сильно лицом поменялся вчера.

Я улыбнулся и, еще раз хлопнув его по плечу, пошел к Сэмсу, который, активно жестикулируя, что-то втолковывал изрядного пьяным матросам.

— Что случилось, Сэмс? — я помимо воли повертел большим пальцем кольцо.

— Господин сержант, они требуют, чтобы я сопровождал их к Гостевым дамам и немедленно.

— Слышь ты, — грязный палец матроса бессильно уткнулся мне в грудь, — нам нужны шлюхи. Или я за себя не отвечаю... или мы ща... первую попавшуюся... ты что такой тупой.

Поджав губы и стараясь не вдыхать перегар, замешанный на чем-то еще более пахучем, вывернул руку пропойцу и без особого труда дотащил безвольное тело до дверей сарая.

Седой уловил моё намерение и споро открыл дверь. Я швырнул пьяницу на доски, под невнятные крики, его собутыльник приземлился мгновением позже. Сэмс умеет решать проблемы, если ему подать подходящий пример.

— Седой, присмотри за ним, пока не протрезвеют, настолько, чтобы понять, где они и как сильно их глоткам требуется рассол.

Получив кивок, посмотрел на удаляющегося Тихого и Михлана. Седой у нас всегда был третьим лишним, ему никак не удавалось выбить напарника. Я поджал губу. Ведь очевидно, что возле сарая лучше оставить капрала, но за Мелом требовался пригляд. Очень уж он болтлив и любит лезть на рожон там, где следует промолчать. И еще тяга к алкоголю никак не желала отпускать бедолагу. Думаю, какая-нибудь смазливая девица вполне может уговорить его на чарку-другую, а там уже Мела не остановишь. Два легких срыва за месяц уже доставили нам пусть и маленькие, но всё же проблемы. Михлан от капральства отказался, а Тихий банально не был готов взвалить на себя такую ответственность. Зато второе капральство легко принял на себя Седой.

Из четверых новобранцев он единственный оказался более-менее рассудительным. К тому же четко понимал, кому обязан должностью стражника, а не каторгой. Если Сэмс был чистым новобранцем, едва знающим, как доставать клинок из ножен, то Бугор, Седой и Скоп пришли из штрафников, что попались на мелком мародерстве. Мне выдали их виде издевки, мол, ничего нет, только каторжники (тогда нас, к слову, еще определяли в ночную смену). Сомневаюсь, что их повесили бы, но перспектива работать на каторге за еду долгие годы — не самый удачный вариант. А так ссылка в Яму, в недодесяток, выскочке-сержанту — вполне сопоставимое наказание, без возможности выслужиться.

— Сержант, не волнуйся, я все сделаю, — прохрипел у меня за спиной капрал.

Я снова кивнул, думая, что опорный пункт — это все же не хотелки ленивых стражников, а суровая необходимость.

Выдвинулся в патруль я, попутно посмотрев на морскую гладь. Улыбнулся, внутри сразу разлилось спокойствие и умиротворение. Воспользовавшись случаем, память вынесла на самый верх воспоминание о поцелуе. И я сразу же превратился в глупо улыбающегося стражника.

Остаток дня прошёл в суете. Румфуса не оказалось на месте, так что книгу одолжить получится только завтра. Сдали смену. Седой отчитался, что пьяниц забрал злой боцман и предложил серебряный, чтобы мы подержали еще нескольких его матросов, когда те выйдут из кабака «Три пальца». Капрал отказался, но дал понять, что сержант в моем лице рассмотрит данную идею. Забивать голову подобными вещами не стал, надо спешить к лейтенанту сдавать листок с результатами посещения Храма. Это куда важнее пьяниц и всего остального.

В казарме оказалось людно, почти всю площадь занимали небольшие группы людей, с лёгкостью записанные мной в новобранцы. Разномастная одежда, любопытные и слегка растерянные взгляды, нарочито громкие возгласы и грубый смех. Молодняку явно не комфортно, вот они и пыжятся, желая казаться уверенными и равнодушными. Помню себя таким в первые дни легионерской службы. Но сержанты с капралами быстро расставят все по своим местам. Смущало лишь одно: кто и когда их будет обучать?

Пройдя около навесов, кивнул нескольким стражникам и, подойдя к массивной двери, потянул за ручку, чуть отклоняясь назад. Створка весила пудов десять, рассчитана на сдерживание таранного удара. Проскрипели петли, и я проскользнул внутрь. И снова

пришлось тянуть теперь уже в другую сторону, приказ лейтенанта «дверь должна быть всегда закрыта» не обсуждался. Дежурный и не подумал помогать, лишь лениво спросил:

— Тебе чего?

— К лейтенанту, надо храмовую запись отдать.

— Подпись оставить сможешь? — лениво почесав ногтями щетину, спросил он. Без сомнения этот флегматичный тип прекрасно знал о моей грамотности, но люди капитана всегда снисходительно относились к другим стражникам.

Поднялся на второй этаж по новеньким деревянным ступенькам. Ни одна дощечка не скрипнула, плотники постарались на славу. Возле неприметной двери замер, оправил форму и постучал бронзовым молоточком по металлическим набойкам. Звук вышел приятный, раньше били кулаком, раздражая всех вокруг глухим стуком. Выждал немного времени и вошел к лейтенанту.

Кабинет выглядел просторным и, не побоюсь этого слова, изящным в своей простоте. К примеру, небольшой стеллаж сейчас практически пустой. Обычно стойки делают из бруса, а тут круглые. Полки с небольшими резными бортиками — мелочь, но дает понять: хозяин кабинета не обделен практическим взглядом на вещи. Или вот стол — массивный, явно сделанный под старину. Когда с деревом обращались куда менее почтительно, предпочитая основательность, а не легкость и красоту, и тут было на что обратить внимание. Ножки с множеством граней, между ними сетчатое полотно, скрывающее ноги хозяина. И вместо обычных табуреток по бокам два стула со спинками и подлокотниками.

Я прошел до первого стула, чуть развёрнутого ко мне, так и приглашая присесть, или на худой конец опереться рукой на спинку. Я с легкостью подавил желания, в первый раз почти попался в эту ловушку. Говаривали, кто садился без спроса, того лейтенант словесно размазывал в тонкий блин, поселяя внутри чувство вины и страха.

Стоило приблизиться, как в нос заплыл приятный аромат вина из кувшина на краю стола. Одинокая тара среди письменных принадлежностей — ни чарок, ни стаканов, ни даже захудалой кружки, куда можно было налить алкоголь. Казалось, вино стоит для аромата, но это верная глупость, а в глупости лейтенанта заподозрить никак нельзя.

Сам же хозяин кабинета Маил Ан Ворн мерно вписывал буквы в пожелтевший свиток. Острое спокойное лицо, почти без морщин, грубый рот приоткрыт; длинные волосы с локоть длиной бесконтрольно спадают на плечи. У любого другого это ассоциировалось с рассеянной неряшливостью, но про лейтенанта такого не скажешь. Мне казалось, и с каждой новой встречей все больше и больше, что весь его образ — это только ширма, за которой прячется зловещая сущность, идущая к своей цели. И единственный здравомыслящий вариант для всех — это просто не стоять у него на пути.

Закончив писать, Ан Ворн поднял на меня необычайно ярко-зеленые глаза, больше подходящие менестрелю, чем суровому, никогда не улыбающемуся стражнику. Его силуэт в простом, но удобном кресле, на фоне большого полукруглого окна, казался неестественно мистическим, как мрачные легенды прошлого.

— Сержант?

Я неожиданно суетливо положил на стол бумагу из Храма. Заметив недовольство во взгляде начальника, пояснил:

— Это из Храма, про мои силы.

Он быстро развернул свиток, пробежал взглядом по тексту и напоследок кивнул, одобряя прочитанное. Претензий к срокам сдачи не предъявил. Это не ввело меня в

легкомысленное заблуждение, что лейтенант не заметил моей оплошности. Я остался предельно собранным.

— Какие происшествия на службе?

Я кратко отчитался, упомянув про пьяных в сарае, и желание обустроить нормально укрепленный пункт. Получил на запрос короткое: «Капитан этим занимается». Я продолжал доклад.

— Как дела у Вилмона ан Дорна? — вопрос хоть и простой, но все же застал меня врасплох.

— Ну-у-у, постигает науку. Э-э-э, мы рады, что один из наших друзей продвинется дальше сержантской бляхи.

Меня словно пришили взглядом к стене, с намерением выпотрошить, дабы докопаться до глубинных мотивов. Не будь за спиной легионерской учебки и капральской муштры, высказал бы все как на духу про свои корыстные мотивы, по отношению к карьерному росту Вилки. А так выдержал.

— Хорошо. Откуда у него средства на патент? — это допрос, и я не уверен, что выдержу его.

Пусть лейтенант и не был Одаренным или даже Обром, но давить на людей умел. Я всеми поджилками чувствовал, этот человек при желании размажет без всяких угрызений совести.

— Мы одолжили... после вернет... без процентов, — тут я сказал чистую правду.

— Можешь быть свободен. И это последний раз, когда ты опаздываешь с выполнением приказа, — его палец стукнул по принесенному мной листку бумаги.

Я почти выполнил приказ и даже повернулся, дабы уйти, но внутреннее желание справедливости подтолкнуло сказать:

— Вчера вечером случилось нечто, что меня обеспокоило, — я спешно рассказал про вчерашний инцидент с ловушкой. Не забыл упомянуть, кому принадлежит строительный дом.

— И что тут такого? Проклятые оставили после себя много неприятных сюрпризов. И я хорошо осведомлен о целях и владельцах Строительного дома Грейс и Дорм, — ан Ворн тембром голоса дал понять, мои опасения услышаны. И они были связаны далеко не с Проклятыми, а с обычной жадностью и легализацией бандитов. — У тебя есть какие-то предложения?

Очень тщательно подбирая слова, проговорил:

— Так нельзя. Понимаю, напрямую стража не способна с этим справиться, да и не хочет, если честно. Все пущено на самотек. А простой люд хочет жить, не сильно думая, как ловушка ростовщиков скажется на их будущем.

— Проблему надо выжигать каленым железом, — слова прозвучали как удар ножом в печень: резко, быстро и неотвратимо в своих последствиях, — но пока мы боремся с симптомами, а не с причиной.

— Я простой стражник, — пожал плечами, — и только могу выполнять приказы. И следовать тем правилам, что предпишет начальство.

Намек на мою готовность преступить закон выглядел настолько жирным, что годовалый хряк перед ним казался тощим подсвинком. Повисла пауза из тех, когда любое движение может все круто поменять. Лейтенант думал, а я старался не двигаться.

— У капитана много других забот, у него карьера, это главное, — неожиданно

заговорил ан Ворн, — а этой проблемой придется заняться нам. Но прежде. Зачем обычному стражнику взваливать на себя ненужный груз проблем?

Снова пауза. Теперь думал я, не над ответом лейтенанту, а зачем это именно мне? Какая разница, кто будет править городом: тем, кто вылезли из теней или те, кто всегда находились на пике света? И ответ пришёл как обычно из прошлого.

Я вспомнил братьев Тофелей из соседнего поселения. Их дед в свое время неплохо так пограбил караваны, и на эти деньги основал лесопилку. Отец приумножил богатства и даже помог поселку выжить в голодную пору. Но вот внуки решили, что они хозяева жизни. Брали что хотели: избивали в кабаках забулдыг, а если получают отпор, натравливали отцовских батраков на обидчиков. А если ситуация обострялась, то слишком наглый человек пропадал в лесах. Красоток на сеновал таскали тоже за милую душу. Несчастные жаловаться властям, но братья в один голос кричали, что они сами по доброй воле шли с ними. А староста все подтверждает за страх и монету.

Когда люди устали терпеть и пошли мстить, то оказалось, закон стоит на стороне сильного и жестокого. Когда шалит простой люд, на них находится управа. Закон есть закон. Когда шалют отпрыски бандитов с большой дороги, закон отступает в сторону, ибо бандиты живут по понятиям. Но как водится, помог счастливый случай: братьев убил заезжий Обор, раздавил им грудные клетки. Ну а когда появились дед с отцом, поступил с ними так же. И что закон? Внезапно прозрел и наказал убийцу.

Как говорит Император, закон слеп к чужим и своим. Но жизнь частенько и с удовольствием подменяет его понятия. А понятия распространяются только на своих. И мне не хочется жить в городе, где правят криминальный устав, и тем более не хочу, чтобы там жили мои дети. Так что ввязаться в проблему сейчас куда лучше, чем после приспособливаться и прогибаться.

— Я всегда мечтал быть стражником, ни на словах, а на деле. А когда берёшься за дело, трудностей не избежать.

Ан Ворн откинулся в кресле, скрестив тонкие пальцы над столешницей. Его взгляд холодных зеленых глаз уже ощупывал меня на пригодность не только физическую, но и моральную. Сочтя результат удовлетворительным, он проговорил:

— Хорошо. Значит, у нас сговор? Сговор сделать город лучше, прибегая ко всем возможным средствам, — с трудом сглотнул ком в горле. Не знаю, зачем мы играем во все эти полуобмолвки и намеки, но, кажется, я ввязал во что-то крайне серьезное и не менее опасное, чем дуэль с Проклятым. — Я поставлю в известность капитана, и вы будете получать от него приказы.

Капитан. О, это человек полностью поглощённый своей карьерой. Он это не скрывал, говоря: «Нет более целеустремлённого и честного человека, чем тот, что старается стать лучше и выше серой массы». Сомнительные слова, но кто будет спорить со ставленником самого Императора. Капитан Эльмон Ан Корн, потомственный дворянин, Одарённый, начинавший служить в столице в чине лейтенанта. Куча связей, прихлебателей, долгов и спеси и непомерных амбиций. Дар его заключался в управлении водой, чистой, без примесей. Кинь в стакан с водой щепотку соли и все — он бессилен. При прочих равных был бы Обром, но связи меняют углы обзора ситуации.

Капитан и лейтенант были назначены в один день. Первый, чтобы взлететь вверх на пик славы и политической карьеры; второй, чтобы обеспечить ему взлёт. Маил ан Ворн хоть и числился дворяном, но был беден как храмовая кошка, и имел столько же связей, как тот

самый кот в собачьей своре. Весь его путь — это драка за миску с едой, и шанс на лучшую долю. Но мир помнил случаи, когда ум, свирепость и целеустремленность ломали преубеждения, и дворовые кошки становились у стражи империи.

Про кота в страже Императора мне рассказал наставник Жельбан из Струка. Как-то раз один хвостатый охотник на крыс упал с балки на подосланного убийцу. Распорол тому морду вместе с глазом и попутно предотвратил покушение на Императора.

— Все, сержант? — мои раздумья опять затянулись, от чего вопрос лейтенанта прозвучал раздраженно.

— Да. То есть, нет, — что же, момент не совсем удачный, но когда это мешало нормальному сержанту задать неудобный вопрос, — среди вновь прибывших на службу, есть люди, что пополнят мой десяток?

— Нет, — ответ как удар меча, плашмя по голове, выбил любое желание к продолжению диалога, — твои будут позже. И поверь, там будет из чего выбрать.

Последние слова не вселяли добрых надежд. Когда тебе обещают щедроты на пустом месте, это всегда выливается в проблемы и долги.

Вышел из кабинета, спустился вниз, окинул взглядом вновь прибывших. Все молодые, крепкие и явно плохо подготовленные. Тут скорей начальство решило взять не качеством, а количеством.

Обогнуло площадь, зашел в казарму. Из моих ребят на месте оказались только Михлан и Тихий. Перекинулся с ними общими фразами, и узнал, что Мел утащил Вилку в библиотеку пополнять знания. Попрощавшись, отправился домой. Хотелось еще немного попрактиковаться с мечом, заодно подумать, во что я ввязался и насколько это глупо.

Неделя прошла своим чередом, по накатанной колее бытовой рутины: дежурство, тренировка, мелкие стычки с моряками, свидания с Белинкой. И если вот так отстраненно посмотреть не только на стражников, но и на весь город, то складывалось впечатление, что неделя сузилась до рамок дня — настолько все однообразно и медленно двигалось.

Обновления получили не только здания, но и верхушка власти. Император прислал нового наместника, посчитав старого слишком продажным, и вместо заботы о городе, тот набивал деньгами свой кошелек. Только из-за его халатности случилось столько массивных нападений. Поэтому новый наместник всеми силами боролся с коррупцией. На этом фоне преступный мир замер, но никуда не ушел. Он, как опытный хищник, отступил в тень, ожидая, когда более сильный зверь в виде армии уйдет.

А еще разговор с лейтенантом заставил посмотреть на некоторые вещи под нужным углом. Совместить, казалось бы, разные моменты и случаи, прислужиться к тем обрывкам фраз, что ранее казались пустым трепом. За прошедшую неделю у меня открылись глаза на происходящее в порту и его окрестностях. Ранее казавшиеся разрозненными банды оказались подчинены одному центру. Никто не воровал дорогостоящие материалы, и не было ни одного случая избиения в кабаке более-менее умелого мастерового.

Армия пугает только крупных рыб, но шушера всегда ищет пропитание в мутной воде. И отсюда вывод: мелкому отребью не дает разгуляться более организованные бандиты. А авторитеты тем временем подминали под себя город официальными путями, загоняя людей в кабалу долгов. Ведь сейчас многим плевать, из какого кошелька льются деньги, и какие будут потом проценты по расчету. И как мне думается, капитана это полностью устраивало, ведь за все будут платить те, кто внизу, а не наверху.

Я всем нутром ощущал неправильность ситуации. Не пройдет и года, и мы все сильно

пожалеем о нынешней беспечности. Когда стражники начнут выбивать долги для бандитов.

И чем больше я размышлял, тем отчётливее понимал, что влез во что-то очень серьезное. И может так получиться, что моя жизнь и жизни моих парней окажутся разменной монетой. Червь сожаления уже выгрыз внутри меня солидную дыру, через которую вывалились все мои смелые решения и жажда действий. И теперь червь активно поглощал мою уверенность и решимость.

Закончив очередной обход, вернулся в казарму писать отчет о дневных происшествиях. Нововведение капитана раньше докладывали устно. Мой десяток отправился приводить себя в порядок, я же уселся за небольшой столик, больше смахивающий на широкую и высокую табуретку, под одной из ножек имелся клин для устойчивости. Широкого окна над столом хватало, чтобы не напрягаясь писать даже в сумерках. Достал письменные принадлежности из полки, развернул лист, прижав углы чернильницей и ножом. И замер с пером в руках, писать не хотелось, ибо получалось у меня отвратительно. И еще вылезла неожиданная проблема — я не знал, как начать отчет. В голове вроде все разложил, но как это сжато перенести на бумагу, пока не знал.

— Грант, — послышалось из глубины казармы. Мой внутренний голос даже обрадовался отсрочке.

— Тут, — отозвался я, вставая с колченогой табуретки.

— Сюда подошел, — прозвучало это с такой долей пренебрежения, что я, поджав губу, опустил зад на место.

Надо иметь уважение к себе, иначе и другим незачем относиться к тебе соответственно. А хамский приказ из темноты никак не соответствовали нормам приличия.

— Ты там оглох? — нервозность в голосе кричащего прибавилась.

В полосках оконного света двигался стражник внушительных размеров. Походка его преображалась с каждым шагом: от лениво-валяжной, до раздраженно-агрессивной. Я поднял руку, обозначая свое местоположение и крутя перо в пальцах. Шаги умолкли, и послышался хриплый озлобленный возглас:

— Эй, сюда подошел, — громила явно привык, что его слова воспринимают как приказ, — когда сержант приказывает.

Отложил перо, наклонился в сторону, облачиваясь на подоконник и показывая всем видом что жду послания. Я узнал громилу, он служил под началом капитана, умел мало, но выглядел эффектно, к тому же числится в Обрах. Амбал что-то невнятно проговорил и швырнул приказ на пол, а после развернулся и, громко топая, направился на выход. И даже его спина выказывала полное презрение ко мне, как к человеку.

— Голан, ты видел, как нынче относятся к приказам капитана? Бросают, словно мусор в портовой забегаловке, — голос Мела раздался откуда-то из темноты. — Вот мне интересно, капитан одобрит такое или нет?

Здоровяк замер, словно только что ощутил острие копья у шеи. Видимо, до него только дошло, куда может привести спесь, но гордыня все еще держала амбала за горло, не давая возможность повернуть назад. Мне даже стало интересно, как он выкрутится из сложившейся ситуации. Однако удача не разбирает, кому подкинуть счастливый шанс. В дверь казармы вбежал молодой парень из нового призыва. Он почти проскользнул мимо, как амбал схватил того за ворот куртки и, притянув к себе, пробасил:

— Там приказ упал, подними и отдай... сержанту Гранту.

Отшвырнув от себя бедолагу, посыльный обернулся вполоборота и зловеще проговорил,

в попытке меня запугать:

— Еще встретимся, сержант Грант, — его холеная морда исказилась в обещающе зловещей улыбке. Тут не отнять, он эффектен в своем образе, даже мурашки по спине пробежали.

Парнишка положил приказ на стол, и к этому моменту ко мне приблизились Мел и Тихий.

— Сержант, и оно того стоило? — вкрадчиво спросил всезнающий приятель.

— Мел, пойми, наша стычка всегда была лишь вопросом времени.

— Почему? — неожиданно спросил Тихий, на его лице отразился усиленный мысленный процесс.

— Потому что, друг мой, — Мел хлопнул приятеля по плечу, — некоторые живут старыми понятиями, а мы кх... новым законом.

Тихий кивнул и отошел к стене, я же сломал печать и развернул свиток. Мел как обычно торчал у меня за плечом.

— Ого, — послышался за спиной встревоженный голос приятеля. Читал этот гаденыш враз быстрее моего, — Тихий, зови парней.

А приказ действительно не внушал оптимизма. Вроде все просто и обыденно: рейд по складам и лавкам. Но номера вписанных помещений знающего человека заставят изрядно поволноваться. А я уже давно причислился к их рядам.

— Встретимся под навесом, — проговорил я.

Как-то так сложилось, что все совещания нашего десятка проходят или возле сарая в порту, или под навесом. Сейчас в казармах прибывало необычно много народу, и наша лавка оказалась занятой каким-то молодняком, но Тихий кинул пару слов, и ребята ушли без лишних вопросов, или возмущений.

— И что ты им сказал? — влез со своим любопытством Мел.

— Сообщил, что у нас совещание, и нам нужно это место, — меланхолично ответил Тихий, и в этом он весь, ищет простые решения для любых проблем. Я бы действовал через сержантскую бляху. Мел наверняка бы съязвил и наговорил колкостей, а тот же Седой применил бы угрозы.

Расселись. Половина из нас на лавки, остальные полукругом.

— Что стряслось сержант? — прогудел Бугор.

Коренастый мужик с переломанным носом, и взглядом, ищущим жертву. Иногда складывалось чувство, что вся его жизнь — это повод для драки. Но при этом назвать его дураком не повернется язык.

Я поджал губы и после паузы глянул Бугру в глаза. Он было дернулся, принимая вызов, но сразу успокоился. Набить морду мне не получится: во-первых, меня защищает невидимая стена устава. Стоит ее сломать, как тут же окажется на дне. А во-вторых, я драться хоть и не люблю, но умею. Был у нас дружеский поединок, где я продемонстрировал, что меч в моих руках не просто кусок железа. На кулаках или ножах он меня скорей всего одолеет, но кто даст ему такую возможность?

— Приказ от капитана, — я хлопнул свитком себе по колену, — нужно проверить несколько складов. Понимаю, смена закончилась, но и это не просьба, а приказ. И раз мы стражники, то вопрос у нас может быть только один: как быстро нужно это сделать?

— Монет хоть добавят? — спросил Мел, приваливаясь плечом к опоре навеса, после моего кивка продолжил. — Тогда другой разговор.

— Значит, по-быстрому собираемся, — я, Тихий и Мел еще не избавились от брони, остальные успели переодеться. — Раньше начнем, раньше закончим.

Ноги хоть и не сильно, но все же гудели после смены, но сил на еще один заход точно хватит.

— А почему все-таки мы? — просипело Бугор.

Я ухмыльнулся и проговорил:

— Начальству виднее, кому какие задачи выполнять.

Спорить с таким стальным доводом более никто не решился. Да и какие могут быть споры, когда есть приказ?

Я спрятал свиток в поясную сумку, посмотрел на заходящее солнце. Крыши покрывались красным светом, словно кострища. Казалось, что воздух становится все более жарким и жарким. Действительно, надо спешить, чтобы в ночь не рыскать по не слишком благоприятным переулкам.

До места добрались быстро и без лишних происшествий, разве что достали мечи, входя в лабиринт складских улиц. Так спокойнее, и лишний повод подумать тем, кто прячется в темноте — стоит ли сомнительная нажива нападения на вооружённых стражников. Когда мы остановились возле нужного склада, Бугор зажег фонарь. Молодец, я вот упустил тот факт, что мы будем действовать в темноте.

— Сержант, — взволнованно проговорил Скоп, — тут знак волчьей лапы.

Я кивнул, прекрасно понимая, во что ввязываюсь, еще читая адреса. Волчья лапа означала, что склад под охраной местного уголовника Рыбы, по сути, негласного владельца Ямы. И совсем недавно его слово весило больше, чем кого-либо из городской управы. Ибо власть далеко за золотыми воротами, а люди Рыбы — вот тут рядом, и в любой момент крепкие ребята могут выбить дверь и объяснить любому в Яме, кто прав, а кто нет.

Я что есть силы ударил рукоятью меча по двери. Звук получился увесистый — разнесся далеко, несмотря на гул вечернего порта. Любой склад имел сторожа, это было чуть ли не важнее, чем дверь. Ибо без пригляда на складе мигом заведутся «крысы», уменьшающие количество товара.

Открыли после третьего удара.

— Чего? — буркнула заспанного вида женщина. Концы длинной юбки заткнуты за пояс, видимо, оголённые колени девицу несколько не беспокоили.

Не вступая в длинные разговоры, я оттеснил ее внутрь:

— Проверка, указ капитана, — мои слова не произвели на девицу никакого впечатления, на невзрачном лице по-прежнему отражалось желание спать.

Я продвинулся вперед и остановился, соображая, с чего начать. Опыта у меня в подобных делах не имелось. Девица окинула нас еще раз заспанным взглядом, пошла в угол, едва подсвеченный свечой.

— Рас, это к тебе, — равнодушно проговорила женщина.

Мы замерли как по команде. Тьма, левее нас, сгустилась, образуя огромный силуэт, выше меня чуть ли не на три головы.

— Таска, зажги лампу, — прогудела тьма, моя рука непроизвольно задавила рукоять меча.

— Да, сейчас, — отозвалась девица.

Свет нашего светильника вырвал из тьмы несуразный женский силуэт, стоящий на высокой лестнице. Она неряшливо пыталась засунуть красный уголек в болтающуюся лампу.

Никто ничего не предпринимал, пока девица не справилась со своей задачей. Свет разгорающегося огня медленно поплыл по помещению, надевая предметы объёмом и цветом желтизны. И вот его сил уже хватило, чтобы обрисовать фигуру гиганта. Огромный, слегка сутулый, лицо вытянутое, нижняя челюсть словно от лошади приделана. Стоит в одних портках, руки необычайно длинные, но возможно это из-за согнутых в ногах, он словно бы присел для прыжка. Внушительных мышц не видно, скорей жилы, что стягивают массивный скелет в одно целое.

— Что вам нужно, господа? — учтивость громилы никак не сочеталась с внешностью.

— Обыск, именем капитана, — проговорил я, прикидывая, как мы будем вязать такого амбала. То, что дело закончится миром, не верилось.

— А почему не самим Императором? Это склад господина ан Роскаана. Страже тут делать нечего. Поэтому я вас прошу, выйдете вон.

— Стража не подчиняется господину ан Роскаану. У нас приказ, — говоря это, я почувствовал, как ладонь вспотела на рукояти меча.

— Тогда я вас вышвырну. Таска, я же говорил, что стража окончательно потеряла уважение к достойным людям, — он еще произносил последние слова, как необычайно резко сместился вперед. Так быстро, что слова еще звучали на старом месте, а тело стояло вплотную ко мне. Его необычайно огромные лапищи сжали наши с Мелом головы. И не будь шлемов, дело бы приняло крайне печальный оборот. Я чувствовал, как металл дрожит под давлением.

Чтобы мне всю жизнь свиньям хвосты крутить, Обор. Я едва подавил стон разочарования.

— Так и есть, Рас, так и есть. Долбаная стража вконец распоясалась, — спускаясь со ступенек, проговорила шлюха.

Я воспользовался моментом, ударил наверху клинка гиганту в грудь. Получилось не слишком сильно, но и этого хватило — здоровяк охнул, и этот звук послужил сигналом к активным действиям. Михлан, стоящий справа, что есть силы врезал сторожу в морду. Тот пошатнулся, ослабляя хватку. Я присел и скользнул в сторону. Следующий удар пришелся гиганту в грудь от ноги Тихого, и как только достать смог.

Гигант отшагнул назад, лицо его перекосило яростью, мне даже почудилась пена во рту. Шлюха пронзительно взвизгнула и, задрав юбку еще выше, опрометью бросилась на выход. Гигант снова присел, почти касаясь зарницей пяток. Прежде, чем он выпрямился, я отпрыгнул в сторону, плашмя бухаясь на дощатый пол. Воздух разом покинул тело, я закашлялся, повернулся на бок, прикладывая руку к отбитой груди. И в этот момент заметил, как гигант появился на том месте, где ранее стоял я и Мел. Доски под ногами Обра разлетелись щепой, и стоящий неподалёку Тихий тряпичной куклой улетел в стену.

Без пожри всех этих Обров. Но впадать в отчаянье не стал. Долбанный гигант чувствовал боль и вполне плохо уклонялся от атак. К тому же сейчас тяжело дышал и уже точно не от ярости, каждый такой прыжок вытягивал из него огромную часть силы.

— Эй, придурок, — проорал Мел и швырнул кусок доски Обру в голову, — мордой в пол.

Гигант развернулся, присел и прыгнул, но Мел повторил мой маневр, только более удачно с кувирком. Доски в этот раз не разлетелись, видимо, сила прыжка зависит от свежести Обра и глубины приседания. Я поднялся на ноги, возле Тихого уже суетился Сэмс. Там все будет хорошо, ну а нам пора заняться озлобленным сторожем. Обломок пола

прилетел громиле в голову — это уже постарался Седой.

Снова прыжок и снова нулевой результат. Если понять логику его передвижений, то гигант становится не опаснее быка в стойле. Понятное дело, один на один с ним не совладаешь, но на то мы и ходим десятком. Новый кусок дерева прилетел от Бугра, и угодил крайне удачно прямо в нос. На переносице сразу образовалась сечка, и кровь заструилась по лицу. В этот раз гигант не прыгал, он решил по старинке пробежаться, выглядело это плачевно. Двигался амбал очень медленно и нелепо, слишком уж большой и неуклюжий. Бугор отпрыгнул в сторону, а здоровяк лишь сграбастал воздух.

— Как Тихий? — крикнул я.

— Не знаю, что-то с боком, — ответил Сэмс, помогая пострадавшему принять более удобную позу.

— Убью! — заревел гигант и даже ударил себя кулаком в грудь.

Не знаю, кого он пытался напугать, но выглядело это печально, словно нищий на паперти изображает из себя героя былинных песен.

Гигант снова присел, за недолгий бой стало понятно — все его атаки происходили строго по прямой линии. Так что не составляло труда угадать направление прыжка. В этот раз Обр целился в Сэмса и Тихого, места для маневра у парней почти не было. И атака могла закончиться серьезными травмами, но Седой подсуетился вовремя, с разбега ударив плечом долговязого. Тот качнулся, сбиваясь с траектории. Но каким-то чудом умудрился схватить капрала за рукав куртки. Они покатались по полу. Миг, и гигант вдавливая Седого в деревянный пол. Одна лапища на груди, другая стискивает горло. Я не помню, как сорвался с места, осознал себя с занесённым мечом над головой сторожа, и только в последний миг смог развернуть клинок плашмя. Второго удара не потребовалось, Обр обмяк, придавливая Седого.

— Мать вашу! — заверещал придавленный капрал. — Снимите это с меня, сейчас задохнусь.

Мы в четыре руки с Мелом стащили обмякшее тело сторожа. Помогли подняться на ноги задыхающемуся Седому.

— Только начали и сразу такое, — покрасневшийся капрал попытался пнуть Обра, но носок сапога лишь скользнул по спине гиганта. Седой едва удержался на ногах, зло сплюнул и отошел. — Кто в здравом уме нанимает Обра склад охранять?

Я вернул клинок в ножны, почесал отбитую грудь и приказал:

— Михлан, ищи веревку, надо этого связать.

А сам подумал: «Не так страшен Обр, как его рисуют деревенские байки».

По всей видимости, он привык пугать людей своими размерами и демонстрацией прыжка. Я с лёгкостью могу представить гуляющие про него слухи: «Огромная верзила в один миг расплющивает человека». Вот только если немного подумать, получается, что все его способности не настолько и страшны. Седой умудрился сбить его атаку простым ударом плеча. Да и выдыхается он очень уже быстро, три-четыре прыжка и все. А чудовищные размеры и сила, заключённая в неуклюжее тело, никак не спасут от удара ножа под ребра.

— Всем стоять! — проорали от дверей.

А вот и ночная стража, даже странно, что прибежали на шум. Насколько я знал, дальше освещённых улиц они не совались.

— Спокойно, капрал, — я узнал этого вислоусого служаку, пересекались несколько раз в казарме.

— Э-э-э, сержант? — сбиваясь с грозного тона, проговорил он. — Вы чего это, грабите?

Поворот его корпуса явно сигнализировал о готовности в любой момент сбежать подальше от проблем.

— Нет. Обыск. Вот и бумага есть, — я похлопал себя по поясной сумке.

Вислоусый стражник неуверенно шагнул внутрь, за ним последовало еще двое подчинённых.

— Я бы приказ посмотрел, — видимо, наше миролюбие и пара крепких ребят за спиной придали служивому больше смелости.

— Вот эти на Раса напали. У-у-у вас ща всех, — в дверном проеме показалось помятое лицо шлюхи.

— Умолкни ты, — раздраженно прикрикнул ночной стражник, оглаживая усы.

Хм, ночная стража бежит на зов шлюхи. Интересно, очень интересно. Боюсь, тут без звонкой монеты не обошлось. А значит, эти славные парни из ночной смены уже подкуплены, а еще и месяца не прошло, как сменилась власть.

Я извлек приказ из сумки, аккуратно выпрямил помятости, передал усачу. Света от одной лампы на удивление хватило, чтобы разобрать написанное, пусть и пришлось пройти прям под нее. Капрал ночной стражи, активно шевеля губами, принялся читать. Сбивался, поминал Проклятых и начинал заново, но в итоге справился.

— Значится, у вас четыре адреска, — и, если судить по движению губ, он явно пытался их запомнить.

— Именно, — я забрал бумагу, прекрасно понимая, на складах мы более ничего не найдем, — а теперь помогите обыскать помещение.

— У нас служба, — заявил он, намыливаясь уходить.

— Именно, и вы ее сейчас выполните, — я надавил голосом, давая понять, что спорить нет смысла.

Он помялся немного, прикинул что-то для себя и, утвердительно кивнув, спросил:

— Что ищем?

— Наркотики и оружие, в приказе все сказано же, — поддел я вислоусого стражника. Видимо, кроме нужного адреса более ничего в голове не задержалось.

— Так, хлопцы, вы слышали приказ, начинаем досмотр, — рыкнул недобросовестный капрал на своих парней. Мои же тоже зашевелились.

— Эй, сержант, — неожиданно окликнула меня шлюха, — у этого ребра поломаны.

Я приблизился к ним, Таска стояла возле Тихого на одном колене, другая нога оголилась почти до бедра, тем самым смущая наивного Сэмса.

— Это точно? — спросил я, хмурясь.

— Будь спокоен, я не раз такое видела, когда наш Тур девочек учил, — буднично, спокойным голосом проговорила она.

— Ты как, Тихий?

— Хреново, сержант, — он делал короткие вздохи, боясь лишней раз напрягать грудь.

— Капрал, как там тебя?

— Карал Колон, — подсказал Таска.

— Капрал Колон, сопроводи пострадавшего до лекаря. А мы пока закончим обыск.

Ночная стража словно только и ждала повода смыться. Они бережно подняли Тихого, и под заверения, что сделают все в лучшем виде, споро ушли. Сам обыск ничего не дал. Склад оказался заполнен стройматериалами. Думаю, и в остальных ничего запретного не найдем.

Тут скорее всего цель — не поиски чего-то запрещённого, а демонстрация силы, мол, неприкасаемых более нет. От подобных умозаключений у меня засосало под ложечкой. Быть козлом отпущения, в случае чего, очень неприятно.

— Будем продолжать? — спросил Бугор.

— Да, Райд, будем.

До этого желание ползать в ночи по складом было ниже голенища, сейчас так и вовсе переместилось к подошве.

— Как прикажешь... сержант, — ох, сколько недовольства в голосе, тут не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять: случись что серьезное, и он будет действовать сугубо в своих интересах.

К следующему адресу шли не скрываясь. Ибо кто хотел, уже знал про рейд. Я волновался за Тихого, но думаю, капрал не рискнет как-то навредить парню. В противном случае им придется убивать нас всех.

Встали полукругом возле двери, я трижды ударил кулаком.

— Хоть бы тут Обра не оказалось, — едва слышно проговорил Сэмс.

Стучать пришлось еще дважды, прежде чем дверь открылась, и на пороге застыл старик. Подслеповато шурясь, он приподнял лампу повыше и, пригладив ухоженную бороду, спросил:

— А вам чего?

— Обыск, — повышая голос, сказал я.

— Зачем орать, я слышу. Вижу плохо, а слышу хорошо. Стража?

— Да. Парни, заходите, — я же достал приказ. — Э-э-э, читать будете?

— Хе-хе, если бы и умел, то наврал, смог бы. Слеповат я. А вы что, волков совсем не боитесь?

— Не боимся, но опасаемся, — выдал я чистую правду, и потом совсем уже не обязательно продолжил, — сейчас новая власть и в город пришел закон.

— Ну да, ну да, — покачал он головой и опустил лампу к поясу. — Что вы тут ищете? Склад пустой, завтра к ночи приходите, когда «Веселая вдова» трав разгрузит. А сейчас тут пусто.

И в подтверждение его слов изнутри послышался голос Мела:

— Сержант, тут пусто, — в проеме показалась фигура приятеля, — мы даже походили, постучали по полу и стенам немного. Все пусто. Продолжать обыск?

В интонациях приятеля я не разобрался, то ли он хочет еще побродить, то ли наоборот уйти. Но распоряжение я отдал, исходя из своего мнения.

— Зайдем завтра. Уходим.

Когда мои люди оказались на улице, старик привалился плечом к дверному косяку, потер подслеповатые глаза, исказил губу в ехидной улыбке. И у меня сам собой напросился вывод: если на предыдущем складе наняли пусть и никудышного Обра, чтобы внушать страх, то этот старик явно бы не столь прост, как казался. Пройдя шагов сто от склада, я тихо проговорил парням:

— Не расслабляйтесь. Сомневаюсь, что мы этой ночью что-то найдем, но потрепать нас могут.

Со следующим адресом пришлось повозиться, прежде чем нашли. За это время луна взобралась на небо, рассеивая неряшливые сумерки. Усталость изрядно подъела нашу решимость и желание трудиться. Но приказ не давал место для маневра, приходилось

изыскивать резервы. Ветер успокоился, переставая доносить до нас зловония, а стены стали давить жаром, так что под легким доспехом я весь вспотел. Пока бродили, один раз наткнулись на троих типов откровенно бандитской наружности. Они при виде нас лишь покривили рты и удалились во тьму. Связываться с вооружённым отрядом — дураков нет.

— Как бы подмогу не привели, — нервно заметил Михлан.

— Хотели бы напасть, давно бы так и сделали, — раздраженно отозвался Мел, изливаясь потом.

Подходили к следующему складу куда как более осторожно, а причина проста. Возле входа сидел мужик, и откинувшись на стену самозабвенно курил трубку, подсветом висящей лампы. Словно боцман погожим летним деньком, наблюдал за слаженной работой такелажников.

— А вот и вы, — радостно сказал он, взмахивая трубкой, — заходите, дверь открыта.

— Мел, возьми троих и посмотри, — приказал я, и, уже обращаясь к сторожу, спросил. — Давно ждешь?

— С вечера, — хохотнул он, отлипая от стены, после скребком поковырялся в табачной камере, очищая трубку.

— Сержант, — ко мне подошел Сэмс, — там склад забит до отказа. Там и двум человекам не разместиться, все плотно уложено досками.

— Тогда открой ворота, — поджав губы, приказал я.

Прекрасно понимая, там будет так же не протолкнуться, но формальности нужно соблюдать.

— Ну, сержант, ты и зануда, — проговорил весельчак, вставая с удобного стула и продолжая улыбаться, пригрозил, — сопрут мое сидельце, будете откупать.

Вступать в спор не было никакого желания, и так понятно — ничего не случится. Пресловутая «Лапа волка» хорошо защищала имущество от посягательств мелкого отребья. Огромный навесной замок он отпирал на удивление долго. Вроде все время что-то да делал, но процесс двигался крайне медленно. Наконец мягко отворилась створка и перед нами предстала стена из аккуратно уложенных досок.

— Вы, сержант, через денька три приходите, когда посвободнее будет, — возвращая створку на место, сказал сторож.

А мне стало окончательно ясно, что наша вылазка — показательный спектакль, а не реальная операция по поиску оружия или наркотиков. Но хоть парни чуть расслабились, видимо, до них тоже дошла абсурдность наших действий.

Четвертым адресом на удивление оказалась продуктовая лавка, совмещённая со складом. Я ее даже узнал, заходил пару раз за продуктами для тети Палли. Тут нас никто не ждал, пришлось долго барабанить по двери. После слушать ругань и угрозы сторожа. Но стоило сменить тактику и начать бить в дверь ногами, да так, что петли затрещали, как недовольный сторож, не прекращая угрожать «волками», отпер дверь.

— Вам хана, Шрам вас всех... — договорить он не успел. Седой ловко схватил хама за руку и вывернул так, что потрёпанный жизнью мужик взвыл и упал на колени, а после и на второе.

— Если завтра на нас хоть щепка упадёт с крыши, мы придем к тебе. Покушение на жизнь стражника карается смертной казнью по законам военного времени, — прорычал Седой. Ерунда, конечно, но с такими типами по-другому просто нельзя.

— Да я что? Я просто подменяю. Совсем не в курсе того, что тут. Отпусти, а.

Седой ослабил хват, мужик, придерживая травмированную руку, отполз в сторону, более не предпринимая никаких попыток встать. Вся сила такого отребья держится только на страхе перед их хозяевами. Однако стоит столкнуться с сопротивлением, как они тут же дают заднюю. Я с легкостью могу предсказать, что творится у него в мыслях: как он пожалуется тому самому Шраму, и как головорез нас поставит на колени, а этот будет глумиться над поверженными стражниками. Самые отсталые слои общества еще не понимают, что время поменялось, что на горло криминалу наступает закон.

Захотелось сплунуть от омерзения, но я сдержался.

— Обыскиваем? — спросил Седой, вырывая меня из мыслей.

— Конечно.

Я едва успел осмотреть пару коробок с фруктами, как ко мне подошел Мел и едва слышно прошептал на ухо:

— Пойдем, тебе надо взглянуть, — я подивился такой секретности, но последовал за ним.

Спустились в небольшой подвал, с отчетливым запахом гнили. На земляном полу стоял ящик с ручками. Куча тряпок валялась сбоку, явно они раньше закрывали ящик. Взяв лампу из рук Бугра, что нервно переминался с ноги на ногу, склонился над находкой. Хиленький замок со сломанной дужкой лежал рядом, приоткрыл створку... и выругался. Помянул всех Проклятых разом и Беззликого, в частности. Трясущейся рукой захлопнул крышку и даже тряпку накинул сверху. Выпрямился, окинул взглядом присутствующих, они выглядели не менее ошарашено. Я облизал губы, и с трудом сглотнул ком в засохшем горле.

Паузу нарушили приближающиеся шаги.

— Мел, — коротко бросил я, толком не успев сформулировать приказ, но приятель уже действовал.

— Скоп, мы тут справимся, — вставая в проходе, крикнул Мел.

— Парни я все правильно понял, это алхимические взрыватели? Из гвардейских частей?

— Ага, — сказал Мел, Бугор лишь кивнул.

Вот мы попали. Одно дело найти мечи, да ножи и совсем другое — Алхимические взрыватели. Ими, как и пистолы с пушками, могли пользоваться только имперская гвардия, без всяких скидок и допущений. Найдут у тебя хоть щепотку алхимического порошка и каторга обеспечена, а если пистоль — так это смерть на месте, без суда и следствия. И Проклятых мне в друзья, тут в гнилом подвале ящик взрывателей. И мне совершенно не хочется объяснять Храмовникам, откуда это взялось. И почему именно мы нашли запрещённые артефакты. Беззликого мне на голову, куда не кинь, всюду клин, это как найти гору золота в пиратском притоне, и не взять и не рассказать — все едино смерть.

— Пока молчим. Я доложу лейтенанту, — стараясь, чтобы голос не дрожал, сказал я.

Оба стражника кивнули. Про то, что нужно держать язык за зубами и так было ясно.

— Давай в окно его, а там перепрячем, — предложил Бугор. Не самая лучшая идея, но, как говаривали в порту, на безрыбье и рак рыба.

— Нет. Лучше пока оставить как есть. Рисковать нам ни к чему, узнают, что мы тащим, и нам конец, — сухо проговорил я. — Бугор останется присматривать снаружи, пока я с лейтенантом не поговорю.

На том и порешили. Прежде чем выбраться, закидал ящик ветошью и гнилыми овощами. После обтёр руки об тряпицу, словно специально повешенную рядом с выходом. И, немного подумав, выдавил окно, чтобы с той стороны можно было подковырнуть и забраться.

— Тут ничего нет, — тут же отчитался Седой, стоило мне выбраться.

Я кивнул и подошел к сидящему на полу сторожу.

— Значит, ты тут на замене? Так?

— Да, Марк попросил подменить, Безз его задери. Если чего нашли, то я не в курсе.

— Не нашли, — я постарался, чтобы голос прозвучал недовольно.

— Э-э-э, — он впал в ступор, не зная, как реагировать, но после взял себя в руки и продолжил, — тем более я не в курсе.

— Хорошо, — не определено сказал я, разворачиваясь к выходу, и уже своим парням, — заканчивайте.

На улице столкнулся с Бугром, тот испуганно затараторил.

— Все чисто, — Бугру я хоть и не доверял, но он единственный, кто мог приглядеть за товаром, не вляпавшись в проблемы. Тип он скользкий, но знает, когда и кого надо держаться, чтобы не оказаться под пирсом в неприглядном состоянии.

А в голове уже вовсю бегали мысли, о неожиданной находке. И все они наматывали круги возле одной-единственной: это находка определенно не случайна. Какой шанс найти запретное оружием в грязном подвале. Такой же, как обнаружить гору золота при ловле крыс в трактире молодой вдовушке. То есть, тут или чудо богов, или же кто-то намерено его оставил, дабы мы нашли. И этот нелепый приказ сразу заиграл новыми красками. Нас послали найти именно данный ящик.

Вопрос: почему мы? Не знаю, надо говорить с капитаном. Стоп, нет. Лейтенантом. Зная капитана, он бы лично нашёл такой ценный груз с помпой и толпой прихлебателей. В какую игру меня втянули? Я поджал губы и помассировал переносицу безымянным и указательным пальцем. Вот я идиот, сам же говорил лейтенанту: мол, готов на все ради борьбы с преступниками. Хм, оказывается, одно дело говорить, что прокатишься на взбешённом быке, а совсем другое — лезть ему на спину.

— Сержант, — меня тронул за плечо Михлан, — идем дальше?

Я кивнул. Последний адрес прошел как в тумане, из-за взбесившихся мыслей в голове. Рыбную лавку проверили без особого усердия. Вернулись в казарму под полуночный колокол. попрощался с парнями, после убедился, что свет в кабинете лейтенанта не горит, отправится домой. Надо умыться и хоть что-нибудь перекусить, а поутру заниматься проклятым ящиком.

Передвижение по ночному городу, захваченному стройкой, то еще испытание. Все мысли только и сводились, куда поставить ногу и где пригнуться. Свет луны в этом отношении не сильно помогал, тени удлинялись и искажались, путая и направляя, куда не надо. Как тут патрулирует ночная стража, ума не приложу.

Обходя в очередной раз небольшой навал блоков, я оказался на маленькой незнакомой площади. В свете луны мусор не бросался в глаза. Казалось, это единственное чистое пространство на километры вокруг, что в наше время удивительное дело. Медленно шагая, попытался определить направления дальнейшего пути, как внезапно заметил одну странность.

С краю на площади аккуратно напротив луны стоял жердь, а на верхушке прыгал тенью кот. Создавая впечатление, что усатый хочет сорвать луну с неба. Кошачья тень взмывала в воздух, махая лапами, после падая и снова разбегаясь по жерди, устремляясь вверх. Зрелище вроде и смешное, но от чего-то по спине побежали мурашки, и страх заставил оцепенеть. Я поискал ответы на столь необычную реакцию и не нашел. Мистический ужас овладел

древними инстинктами, уже забытыми и почти отброшенными.

Медленно выдохнув и преодолевая оцепенение, попытался продолжить путь. Разбираться в происходящем уже точно не буду. Я едва продвинулся на метр, как заметил, что кот завис в воздухе, а после медленно сполз вниз, оставляя светлые засечки на темной стороне луны. Я вздрогнул, протер глаза. Нет, так и есть, царапины остались. Не помня себя от ужаса, ускорил шаг. Завернув за угол, прижался к горячей стене, силясь отдышаться. Казалось, что меня сдавило невидимым коконом, и еще чуть-чуть и воздух перестанет попадать в легкие. Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем дыхание стало относительно нормальным, и я смог продолжить путь. До самого дома не смел поднять взгляд на луну.

Само собой основная дверь в лавку тети Палли была закрыта, и пришлось обходить со двора. Взявшись за ручку двери, я переборол свой страх и посмотрел на луну, царапины никуда не делись.

— Это все наваждения Проклятых, — тихо проговорил я, объясняя невозможное.

Зайдя на кухню, без труда нащупал лампу, что по обыкновению стоит на полке слева. Немного повозился с углем для розжига, и вот мягкий свет растворил тьму. А запах сдобы, словно оживший при свете, накинулся на меня, залез внутрь головы, поглощая все ненужные мысли. Немного поборюсь с совестью, я все же решил поискать что-нибудь съестное. Быстро не получилось, а шуметь кастрюлями и чашками уже перебор. Не солоно хлебавши, пошел к себе.

Нет, съёмное жилье все-таки не самый удачный вариант. В своем доме я точно нашел бы, что поесть, не стесняясь жены. Да и навряд ли любящая супруга отправила бы мужа голодным спать. За таким мыслями поднялся по ступенькам. Но резко замер, увидев свет в щели под дверью. Кольнул страх за хозяйку дома. Ох, все это неспроста, тетя Палли точно бы не упустила гостя в мою комнату. Я поджал губы и осторожно переложил лампу в левую руку, разворачиваясь боком, дабы удобнее выхватывать меч. Клинок еще находился на полпути из ножен, как створка двери отворилась, и в проеме появилась фигура.

— Сержант, меч-то убери, — голос тети Палли не был дружеским, но и страха в нем тоже не слышалось.

— Доброй ночи, — проговорил я, не спеша прятать оружие.

— Мужики, — в голосе моей хозяйки проскользнула всеобщая женская усталость от нашей глупости.

И тетя зашла внутрь. Держа клинок наготове, я проследовал за ней, не ожидая ничего хорошего от ночного визита. На пороге чуть постоял, привыкая к свету. Когда зрение сфокусировалось, я удивленно вскинул брови. Ждал кого угодно, а пришел лейтенант. Он сидел на стуле с таким расслабленным видом, словно это было его рабочее кресло. Левая кисть лежала на закинутой на колено ноге, пальцы второй руки, неспешно прокручивают кружку, на небольшом столике.

— Не стесняйтесь, сержант, заходите. Это как-никак твой дом, — проговорил лейтенант необычно благодушным тоном.

Я шагнул вперед, обращая внимание, что единственное окно плотно закрыто ставнями. От скопившегося народу и в комнате стало тесно, даже клинок в ножны не убрать, чтобы кого-то не задеть. Я, немного подув, прислонил оружие к стене, где висела сменная одежда.

— Все, сержант, развлекай своего гостя сам. А я внизу похлопочу по-своему, по-бабьи, — недовольно и нарочито грубо проговорила тетя Палли, протискиваясь мимо меня.

Лампу не взяла, видимо, ориентировалась она в своем доме прекрасно без всякого лишнего освещения.

Я закрыл дверь и, подавив неуверенность, сел на край кровати. И после, когда пауза неприлично затянулась, спросил:

— Чем обязан столь позднему визиту? — положила руку на сердце, ответа я слышать не хотел, но это не тот случай, когда мои желания имели какой-то вес.

Лейтенант прожег меня взглядом, спина враз покрылась потом, и после проговорил:

— Что ты сделал с ящиком?

— Оставил на месте, — вопрос удивил, но не настолько, чтобы выбить из равновесия.

— Хорошо. Кто видел? И что ты думаешь делать дальше? — разговор заходил на опасную территорию, где любой ответ мог изменить мою судьбу.

— Доложить вам, видел я и Бугор, — нечего Мелу впутываться сюда.

— Хорошо. И главное, что ты думаешь по этому поводу, — а я думал, что зря оставил меч возле стены. Возможно, он мне не сильно и помог бы в драке, но шансы повысил бы однозначно.

— Что ящик оставили специально, дабы я нашел, — бесстрастно лицо лейтенанта чуть изменилось и стало понятно: такой ответ его не слишком устраивает, нужно нечто большее.

Я мысленно вернулся к разговору недельной давности. И понял — более нет смысла играть в намеки и полутона. Надо отдалиться судьбе и поставить на карту все.

— Думаю, у вас есть некий план насчет этого ящика, и без моей помощи вы уже точно никак не обойдетесь. Осталось узнать детали.

Кружка замерла в своем беге — это единственное, что выдало напряжения ан Ворна.

— Давай я поделюсь кое-какими соображениями, а ты уже сам делай выводы. Наш любимый Император затеял большую перемену в Вечном городе, — на последних словах он не смог сдержать едва уловимую усмешку, адресованную мне. — Второй по величине город кишел преступниками, и что важнее, большая часть дохода оседала в руках бандитов. Нужно выжигать преступность каленым железом, и тут подвернулись Проклятые со своим нападением. И такой шанс упускать никак нельзя. Вот поэтому сейчас идет активная перестройка не только стен, но и быта Вечного города. И скоро будет результат, пусть и промежуточный. Начало зимы, когда вернутся с похода Очищения наши Одарённые. Сюда прибудет Император, дабы наградить их за удачный поход. Пока все ясно?

— Не совсем, — раз у нас вечер откровений, стоит попытаться прояснить кое-какие моменты.

— Спрашивай.

— Зачем Проклятые напали на город?

— Да кто их знает, у всех наверняка были свои причины. Кто-то начал, кто-то поддержал, кто-то воспользовался моментом, как, к примеру, Второй Неизвестный... Истинный поиск причин — не наша задача, — и прежде, чем я открыл рот для нового вопроса, он проговорил, — это не правильные вопросы.

Я кивнул и проговорил:

— А правильные сейчас — это про бандитов?

— Именно. Те преступные элементы, что поумнее, всеми правдами и неправдами пытаются стать на путь законности. Один из них не безызвестный Рыба, преступный глава Нижнего порта. Редкостная мразь, убившая столько народу, как не каждый Проклятый, а испоганил жизнью еще большему количеству горожан. Ему уже точно не отмыться, но своих

отпрысков он пытается отбелить и вытолкнуть в приличное общество.

Император провозгласил, что отныне в Вечном городе закон на втором месте сразу после него, и от своих слов отказываться не намерен. И теперь Рыбу не придавить законным путем, все у него схвачено, а боле ошибок он не совершит. Очень уж он скользкий. И ты наверняка понимаешь, что не пройдет и пары лет, как Рыбы отпрыски вернутся к корням и, сменив понятия на закон, станут давить простой люд. Но теперь их будут защищать стражники и империя. И наша задача — не допустить этого.

Кружка снова зашуршала по столу в повисшей паузе. А мне подумалось, с каких пор это его стали заботить простые люди?

— Может, это задача не по нашему плечу? — робко спросил я.

— Наверняка, но больше некому. Капитану плевать на прошлое Рыбы и его детей, он озабочен настоящим и будущим. И как ты помнишь, у денег нет запаха, — намек на продажность капитана меня серьезно расстроил. — Поговорили о возвышенном, теперь давай про более приземленное, — ну кто бы сомневался. — Войска скоро выведут из города, неделя-две максимум, и они уйдут. И вот-вот пойдут приказы о ликвидации бандитов, тех, что неуспехи приспособиться, и этим будет заниматься угадай кто? Правильно, ты и тебе подобные. Те, кого не жалко; те, кого можно пустить в расход; те, на кого потом спишут все беды и предадут суду. По сути, вы уже приговорены, как, впрочем, и я. И у нас только один путь, путь на опережение. Ты мне можешь не верить, но если призадумаешься, то увидишь все признаки надвигающейся беды.

Он умолк, давая возможность поразмыслить. И долго копаться в памяти не пришлось, уже сейчас чувствовалось разделение стражников на правильных и остальных. Уже поступают странные приказы, вроде нашей проверки складов и более жесткие, по типу зачистки злых трактиров. Из бытовой жизни то тут, то там всплывали обрывки фраз, неудобные приказы, странные назначения.

— Хм, возможно, вы и правы. Что будем делать?

— Ты знаешь, какой любимый девиз наших Одарённых?

— Атака — лучшая защита, — не задумываясь, ответил я.

— Хорошо. Вот мы и атакуем. Наша задача — убить Рыбу. Все банды держатся только на авторитете лидера, и стоит ему внезапно умереть, как начнется разлад и шатание, — опасные слова, но без их озвучки дальше двигаться явно не получилось бы. — Подобраться к нему не реально, тем более в столь сжатые сроки. Да и процесс глобальной зачёски уже запущен. Еще пару дней и мы не сможем влиять на процесс. Да и капитана уже не остановишь. Кстати, ты знаешь, почему он Одарённый?

— Ну он вроде как может управлять водой, чистой водой.

— Нет, за такое при всех связях не дадут звание Одаренного, он может слушать через жидкости, воду. Капитан убил кучу сил и времени, чтобы многих запутать, выдав свою побочную силу за настоящую, — кружка остановила бег, и его палец постучал по краю тары. — Добрые люди мне подсказали, что вино с определёнными примесями начинает кипеть, когда он применяет свою Силу.

— Тогда зачем вы демонстративно ставить кувшин с вином? — я уже догадывался об ответах, но лучше знать наверняка из первых уст.

— Это простой прием: ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь. Игра в открытую не позволяет ему совсем уже нагло подслушивать. Так что будь осторожен в словах, когда рядом жидкость, — я кивнул, принимая информацию. — Теперь вернемся к нашей Рыбе.

Единственный способ выманить бандита — это ловля на живца.

Он умолк, выразительно посмотрев на меня в ожидании, смогу ли я продолжить мысль, или только и годен, чтобы дуболомно исполнять приказы.

— Мы продадим Рыбе Алхимические взрыватели. Слишком опасный груз и слишком ценный, чтобы кому-то доверить. Сыновья не могу быть в этом замазаны, а прихвостни с большой долей вероятности сами захотят разыграть столь ценный приз.

Спросить, как лейтенант добыл столь запретный груз, я не решился.

— Именно. Ловушка проста, поэтому и должна сработать. Бывшее легионеры с мародерами находят ящик с взрывателями. И, подавшись соблазну, хотят продать горячий товар и бежать за моря. И это надо сделать быстро, ибо Храмовники не дремлют. Спешка, жадность и недоверие — вот что поможет нам выманить Рыбу.

Я вытер тыльной стороной вспотевший лоб и призадумался. Храмовники также отвечают за внутреннюю безопасность империи, ловили шпионов предателей, Обров; изымают запрещённые артефакты. Столкнуться с ними — это проигрыш в чистом виде, и еще они слабо различали свой или чужой. У них только одна задача — благо империи. Ну а стражников под ногами можно и затоптать.

— И как мы его устроим? — задал я самый насущный вопрос.

— Уверен, ты придумаешь. Я верю в тебя, — он улыбнулся одними краешками губ.

— Допустим, — голос у меня все-таки дрогнул, хотя в голове уже намечался план устранение бандита, — хорошо. И как нам выйти на Рыбу?

— Легко, — ну хоть где-то просто, — не вы их должны найти, а они вас. Походите по скупщикам, попредлагайте товар, только очень осторожно и только намеками. Вы же тупые легионеры, жадные мародеры. Ну и я уже пустил кое-какие слухи. Главное не сболтните лишнего. И да, это наш с тобой последний разговор до конца операции. Завтра у вас отгул, послезавтра прикрою, а потом капитан почувствует неладное.

Я кивнул, ибо слов уже не было. Лейтенант резво встал, едва не опрокинув стул, взял кружку и не глядя выплеснули содержимое в таз для умывания. Не прощаясь вышел из комнаты, оставляя меня с тяжелыми мыслями в голове. Со всей этой свалившейся информации у меня нашлась одна, пусть и запоздалая, но здравая мысль. Я кинулся за начальником вслед. Застал его на кухне возле двери.

— Ан Ворно, я хотел бы вывести из-под удара несколько своих людей.

— Ты же уже этим занялся, — сказал он, прикрывая дверь. — Вилман ан Дорм на учениях, Марк в лечебнице. Только смотри, не останься один среди чужаков.

На последнем предложении он заострил мое внимание.

— Еще бы хотелось куда-то отправить Сэмса из рода Колмов.

— О! Не стоит. Лихой парень, живое воплощение поговорки «в тихом омуте Проклятый обитает». Его отца отправили в город и именно в стражу, чтобы умерить его пыл. У себя в родных краях он покалечил изрядное количество людей. Я же говорил, стражники в нижнем подобраны так, чтобы легко было списать в утиль.

Подобное заявление про скромнягу Сэмса меня уже не сильно удивило, а скорей прояснило некоторые моменты в его поведении. Лейтенант растворился в тени, я же вышел на свежий воздух, дабы хоть немного проветрить голову. Ночь все же сумела остудить воздух и дышалось не так тяжело. Помимо воли снова глянул на луну, отметины черного кота остались на прежнем месте. Я выдохнул и протер веки большим и указательным пальцем, не столько надеясь избавиться от морока, сколько размять уставшие глаза.

— И что-то ты там увидел? — голос тети Палли прозвучал неожиданно, а у меня проскользнула досада, что она увидела мою слабость. Первый порыв отшутиться задал. После захотелось обрубить разговор коротким «нет», но в итоге пришел к выводу — совет мудрой женщины не помешает.

— Я видел, как кот расцарапал луну. Можно снять как-то этот морок?

Она легонько похлопала меня по спине, после вздохнула и произнесла:

— Это лунный демон, мы, местные, так его называем. Давно, лет, наверное, пятьдесят назад, Скучный поймал демона и обманом вынудил того сорвать луну с неба. Вот он и прыгает по ночам. Его многие видели, обойди — и никаких проблем. Ну а если попал под морок, тот тут два пути: переждать, и если не пройдет, то надо идти к демону и палкой его согнать с шеста. Но лучше потерпеть пару недель.

— Спасибо, тетя Палли, утешили.

Я почувствовал новые шлепки по спине, а следом едва слышный голос моей хозяйки:

— Иди спать, у тебя куда большие проблемы, чем лунный демон.

Я кивнул в темноту, ни на миг не сомневался, что она слушала весь наш разговор. Но раз лейтенант не усомнился в ее преданности, мне тем более не стоит.

Часть вторая Глава 3

Глава 3

Уснуть так и не получилось. Отвалялся в кровати почти до рассветных лучей, вертя в голове сказанное лейтенантом и пытаюсь найти хоть какой-то вариант, где не надо подвергать опасности свою жизнь и жизни друзей. Но так ничего и не придумал — нас загнали в угол. Остается надеяться, что лейтенант играет в открытую, иначе конец у нас будет незавидный — суд или смерть.

Встал, свесив ноги, голова чуть шумела, а в глаза словно песка насыпали. Не самое лучшее состояние начинать опасную игру, но куда деваться. Выдохнул, и в одних кальсонах дошел до закрытого окна. Снял запирающий брус и, приложив усилия, отворил ставни. Холодный воздух мигом укусил тело. В комнате оказалось значительно жарче, чем я думал. Чуть высунулся, посмотрел на край неба, где занимался рассвет. Что же, отсутствие сна — это не повод отлынивать от работы. Да и не впервой мне после бурной ночи трудиться. Когда служил у мельника, частенько летом бегал в соседнее село по девкам, без особого результата, но это не отменяет самого факта ночного недосыпа.

Оделся, тихо спустился вниз, поставил лампу на ее законное место. Подобрал ведра, направился к колодцу. Заспанная девица явилась, когда я делал последнюю ходку, видимо, сегодня я пришел значительно раньше.

— Привет! — пискнула она, проходя мимо.

— Здравствуй! — ответил я, наблюдая, как она жалобно протягивает мне деревянную емкость для переноса воды. — Нет, моя хорошая, иногда надо потрудиться и самой.

Девушка недовольно засопела и уставилась на меня укоризненным взглядом. Столь простой девичий фокус не сработал, все же цинизма я за последний год поднабрался.

Поставив ведро под навес, вспомнил про меч, так и лежащий в комнате. Плохой знак, рассеянный с самого утра. Вдыхай не вдыхай, а за клинком подниматься надо. Открыл дверь, проскользнул в кухню и едва успел поставить ногу на ступеньку, как меня окликнули:

— Сержант, утра доброго! — голос тети Палли лучился свежестью и энергией.

— Здравствуйте, тетя! — вяло ответил я, несмотря на попытку придать голосу излишнюю бодрость.

— Подойди сюда, — я подивился такому повороту событий, но все же послушался и зашел в зал для посетителей.

Хозяйка небольшой лавки еще на входе всучила мне в руку деревянную кружку с приятно пахнущим отваром. Улыбнулась как родному племяннику и проговорила:

— Пей, это поможет взбодриться, — сегодня она была в длинной юбке и жилетке вишневого цвета; такой же расцветки платок, завязанный на затылке, прикрывая волосы. Что-то в этой немолодой женщине неуловимо изменилось, словно она получила предложение от завидного жениха, но до официальной помолвки нужно терпеть еще неделю.

Я благодарственно кивнул и уселся на высокий стул. Первый глоток чудо-зелья вошел стремительно, даже вкуса не почувствовал. Остаток осушил столь же стремительно, нет времени на смакование.

— Быстро же ты, — охнула тетя Палли и по-доброму заворчала, — а теперь за меч и тренироваться. У меня дел много.

Если первые выпады клинком дались мне только благодаря силе воли, то дальше пошло легче. Тренировка увлекла, отсекая все ненужное и оставляя меня один на один со смертельным железом. И когда луч солнца ударил в глаза, отмечая конец вольным упражнениям, я с сожалением отложил клинок. Очень уже хотелось продолжить работать. Все получалось, я будто порхал, словно одаренный богами. Теперь пришлось применить силу воли, дабы умерить пыл. Я едва успел умыться, как на площадку вышел Мел.

— Ты чего тут? — удивлено спросил я, обтирая свежим полотенцем лицо.

— Я всю ночь не спал, все про тот ящик думал, — может, это и так, но весь внешний вид приятеля говорил об обратном. Выглядел он опрятным и собранным, — чуть сам к лейтенанту не побежал. Да не хмурься ты так, я же с пониманием, кто и что должен говорить и тем более делать.

— Это хорошо, — немного подумав, решил, Мел должен узнать обо всем первым. — Присядь, мне есть, что тебе рассказать.

Я кратко изложил наш с лейтенантом разговор, стараясь передать суть и не вдаваясь в подробности. Под конец рассказа мой приятель выглядел не лучшим образом. Взгляд уставился в пустоту, рот приоткрыт, а губы едва уловимо перебирают какие-то слова.

— Грант, — в голосе бывшего библиотекаря отчетливо слышалась тревога и какая-то детская обида, — за что с нами так?

— Ну, во-первых, потому что могут. Во-вторых, им нет разницы, чьими руками жар загребать.

— И что будем делать?

— Действовать по плану, — я хлопнул его по плечу. — У нас хороший шанс выбраться из этой передрыги, главное не суетиться. Когда придешь в себя, собери парней, я им все сам расскажу.

Я успел переодеться, а приятель все так же сидел под навесом. У меня промелькнуло сомнение: а справится ли он с возникшим давлением? Но стоило выйти из дома, как Мел сорвался с места и быстрым шагом приблизился вплотную ко мне.

— Мы сделаем это, — уверенность пропитала его слова, как отвар тети Палли сдобную булку.

— Конечно. Помни, я сам всё расскажу. Хорошо? — получив кивок, продолжил говорить. — Я к Белинке, и после привою парней на склад возле верфей. Там, где Седой разливал вино в честь назначения. Помнишь? Отлично, тогда ко второму колоколу я буду там.

Мы вышли на бурлящую улицу Вечного города, долго ждали, пока подводы с камней пройдут мимо нас. Все возницы выглядели сурово, собрано и словно бы готовые к драке. Они понукали бедных животных, буквально заставляя их врезаться в зады впереди идущих телег. Это не прибавляло скорости колонне, но внушало ложное чувство ускорения процесса. Наконец-то нам удалось пересечь улицу. Мел молча свернул налево, я же пошел прямо.

Немного поплутав по стройке, вышел к знакомому зданию, вышибала все так же подпирал стену молча и флегматично. Я поприветствовал его и юркнул внутрь. Меня сразу же окатило волной холода, даже озноб пробежал по спине.

— О! Приветствую вас, мой юный господин! — задорный голос Бел прозвучал откуда-то из глубины здания.

Я было двинулся на звук, как мне наперерез выскочил суховатый мужчина, с заостренным носом и взглядом прожженного торгаша в теплой куртке.

— Вам чего? — после того, как мы смерили друг друга взглядами, спросил он.

— Я к Белинке, — отчитываться перед неизвестным мужиком не хотелось, но и устраивать конфликт тоже глупо.

— Все личные визиты вне рабочего времени, — сухо проговорил он и подался вперед с намеком вытолкать меня наружу.

Но я, будучи простым стражником, намек не понял и, улыбаясь, шагнул вперед, поворачивая корпус и оттесняя грубияна в сторону, а не опрокинуть на пол.

— Сом, — взвился озлобленный торгаш, неожиданно звонким голосом.

Свет за спиной померк, и я услышал быстрые тяжелые шаги. Развернулся и столкнулся взглядом с вышибалой, в его водянистых глазах не было ничего кроме лени. Он переложил травинку с правой стороны рта в левую и, выдавливая слова, проговорил:

— Господин Сорм Ан Нерм, это Грант, он к Бел, — более ничего не говоря, Сом поспешил обратно на жаркий воздух. Сам же господин ан Нерм ошалело смотрел ему в спину.

— Сержант, вы снова вернулись к нам в лавку, какая честь, — Бел, словно клинок умелого фехтовальщика, вклинилась между нами, прижавшись непозволительно плотно ко мне. Миг, и она тащит смущённого меня в сторону, не прекращая щебетать. — Грант, ты как никогда вовремя, у нас новый завоз. Ремни, сумки, есть несколько ножен для мечей, даже новый вид упряжи для коней, ведь ты купишь коня, а у тебя практически уже есть упряжи. Замечательная и дальновидная покупка. Упряжи в доме — это залог твердых намерений.

Под ее непринуждённую болтовню я и не заметил, как оказались в закутке возле стены. А пальцы каким-то мистическим образом уже перебирали конскую упряжь. Бел неожиданно скользнула руками по моим щекам, а после страстно поцеловала. Я едва успел обхватить девушку за талию, как она отстранилась. Грудь девушки вздымалась в тяжёлом дыхании, лицо покраснелось, словно мы пробежали марш-бросок под надзором капралов. Она закусила нижнюю губу, выжидаяще глядя на меня.

— Знаешь, без этой упряжи меня обнимать куда как удобнее, — под ее едва слышный смешок, я откинул снаряжение и поцеловал уже без всякой спешки. Когда она отстранилась от меня, проговорила, — хватит. Всего надо в меру.

Я снова растерял все способности здраво складывать слова в нужной последовательности, проговорил:

— Неожиданно... это... было.

— Знаешь, ведя торгом, часто, вижу, как люди упускают хорошие возможности. И вот я решила, это не про меня, и нужно действовать... Вы, хорошие парни, всегда медлительны в отношениях, боитесь обидеть нас, милых дам. Поэтому часто в любовных делах и проигрываете плохим ребятам и задирам. К тому же я не готова ждать месяцами, пока мы пройдем все надлежащие романтические процедуры.

Ну да, за последнюю неделю после памятного поцелуя мы более таких вольностей не допускали.

— Белинка, — опять этот звонкий голос. Лицо девушки отразило недовольство, она ловким движением сместилась в сторону, разрывая объятия. И спустя миг раскладывала на столе целый набор ремней. Шторка распахнулась, и перед нами застыл крайне злой господин ан Нерм, — в зале покупателя, а ты тут прячешься с...

Договаривать он не стал, лишь окатил меня презрительным взглядом.

— Так и займитесь ими, вас сюда за этим и прислал господин Лейм. Или я что-то не

так поняла в словах: «Передаю его в помощь тебе, Белинка», — моя ненаглядная все это время улыбалась, словно разговорилась со старинным другом, а не озлобленным ворчуном.

— Скоро все изменится, — кинул он угрозу, вперив взглядом в мою девушку.

— Надеюсь. Там люди ждут, — и уже мне, — Грант так что скажешь насчет вот этого отличного ремня? Привезли из провинции Альм-торн. Удобный, неброский, качественный.

Стоило удалиться шагам, как она снова стояла вплотную ко мне.

— Надеюсь, твоя поспешность в отношениях не скажется на репутации?

— Вот даже сейчас ты занудствуешь, — она легонько ударила меня указательным пальцем по носу. — Репутация девушки зависит, к сожалению, от чести парня. Но я в тебе не сомневаюсь, — резко повысив голос сказала. — Кстати, о ножнах. Наш мастер может быстро подобрать их под твой клинок.

Я честно и без всяких затей наслаждался ее обществом, взбалмошностью и дерзостью в отношениях. Как и неумным желанием торговать и болтать обо всем на свете.

— Кстати, всегда хотела спросить. Как простому, хоть и крайне симпатичному сержанту разрешили носить на бедре столь нестандартный меч? Как мне думалось, устав у стражников послабее, чем армейский, но все же подобных вольностей не допускает.

— Скучный подарил мне клинок, — я непроизвольно пробежал пальцами по металлическому кругу из серебра. Упомянуть про кольцо не хотелось, к тому же я с ним свыкся, почти не ощущал.

— Да-да, я знаю это историю, — задумчиво проговорила девушка, — но я думала, ты меч оставишь дома. Он слишком дорог и стоит столько, что тебе бы хватило денег на небольшой дом и садик, — лукаво проговорила она.

— Ты все торгуешь, — я поправил воротник на ее рубашке, попутно провел пальцами по щеке.

— Ты стражник, я торговец, — она улыбнулась и небрежно пожала плечами, — обменять клинок на дом, мне кажется, умным выбором.

Мы умолкли. Я неожиданно вернулся мыслями к своей проблеме. Сначала надо выжить в намеченной аванюре, а уже потом думать про дом и семью.

— Все, беги давай, а то эта ворчливая зануда наверняка уже несколько докладных на меня написал господину Лейму, — аккуратно подталкивая меня к выходу, проговорила она, — и ножны я закажу, будь уверен. Через дня два заходи на примерку.

Я поймал себя на жгучем желании поцеловать девушку на прощание, но Бел уже стояла на недосягаемом расстоянии. Уловив мой порыв, она совсем уже по-детски показала кончик языка и помахала ручкой.

— До вечера, — сказала и упорхнула к недовольного вида даме, в простой, но добротной одежде.

На улице оказалось на удивление очень жарко, и я припомнил тот холод в лавке. Посмотрел на скупающего Сома и все же спросил:

— А что там так холодно? — кивая на выход.

— Разбили какой-то артефакт, проветриваем, — не очень понятно ответил вышибала.

До нужного склада добрался на удивление быстро, никто не мешался на пути, и дорога радовала отсутствием препятствий. Даже как-то не привычно просто шагать, не думая, куда ставить ногу и где лучше свернуть.

Возле верфей к привычному запаху водорослей и рыбы примешался густой дух смолы. Пройдясь вдоль моря, заметил невдалеке двух скупающих стражников. Подумав, свернул в

сторону, дабы не мозолить понапрасну глаза. Прошел по узкой улочке меж складами, вышел на небольшой пустырь. Слишком маленький для складского помещения, и слишком большой, чтобы быть частью улицы.

На расчищенном от травы пятачке игралась ребятня, азартно улюлюкая и прыгая. Я бы прошел мимо, но тут заметил странность: семь булыжников на разной высоте висели в воздухе. Дети, по очереди бросая камни, пытались их передвинуть за некую неизвестную линию. Вот один из камней упал на землю и разлетелся каплями воды, забрызгав девочку в изрядно поношенном платье. Она выругалась не хуже портового грузчика и отошла, остальная четверка продолжила игру.

Сердитая девчушка, увидев меня, нахмурилась и вскинула руку в непристойном жесте. Ее взгляд перешел на меч, и прошлый знак ловко превратился в приветливое махание ручкой. Я серьезно кивнул и продолжил путь, за спиной услышал новый всплеск камня, и следом недовольный вопль мальчишки. Дети даже аномалию могут превратить в забавную игру.

Проигнорировав большие ворота в склад, скользнул дальше в узкий проулок. Дернул за свежеструганную дверную ручку. Закрыто. Пришлось стучать. Открыл Бугор — раскрасневшийся, со слезящимися глазами, а льняная рубаха распахнута почти до живота.

— Сержант, заходи, — давясь словами, проговорил он, отступая в сторону.

Пригнув голову, вошел. Запах разогретой древесины и пыли разом вытеснил морской дух, но вот побороть смолу не вышло. Я махнул рукой сидящим за столом парням, те вяло повторили мое приветствие. Все активно что-то жевали, один лишь Седой, раскачиваясь на стуле, попивал нечто из кувшина. Я поднялся на небольшой помост, ногой почти беззвучно отодвинул табурет, уселся за стол, где в хаотичном порядке стояли миски с едой и кувшин с вином.

— Вина? Или чего еще? — спросил Седой из вежливости, — только не салат на краю, а то Бугор отведал, до сих пор плачет.

Я отрицательно махнул рукой и спросил:

— Где Мел и Сэмс? — и уже куда более пристыженно. — Что там с Тихим?

— Мел Сэмса ищет, а Тихий как у богини за пазухой. Лежит и наслаждается обществом сестер милосердия. Говорит, еще неделю придется восстанавливаться. Но вроде как домой завтра, — продолжил отвечать за всех Седой, смотря на меня через луч света, засоренный пылью.

— Хорошо. Дождемся их тогда, и поясню, зачем вас собрал.

— Да мы так и поняли, — прогудел Бугор, беря миску со стола, и уже Михлану. — Спор еще в силе, я сержанту открывал.

— Конечно, конечно, и помни, ты сам отказался от воды, — Седой отсалютовал ему кувшином.

Ухмылка на лице Михлана приобрела издевательский вид, словно он знал исход пари и уже заранее глумился над побеждённым. Не знаю, в чем спор, но есть Кенийский салат я уже точно не стал. Без должной подготовки он сожжёт горло не хуже, чем Пламенная Кара.

— На что поспорили? — дабы не сидеть просто так, спросил я.

— Да сущий пустяк — сходить в исподнем до лавки булочницы Мирии и купить пирожок с капустой. — Я мысленно представил расстояние и ревность мужа Мирии, и посочувствовал проигравшему.

— Грант, — после небольшой паузы, когда все смотрели как, Бугор старательно

пытается захихнуть очередную порцию ядерного салата в рот, неожиданно заговорил Седой, — может, что слышал про этих Проклятых марионеток?

Я поджал губы и потер нос. Очень хотелось чихнуть то ли от пыли, то ли из-за специй. Но пока лишь находился в пограничном состоянии, что было крайне неприятно.

— Вроде все по-старому. Бегают, воду мутят. Храмовники пока не сильно этим обеспокоены. Или у тебя другая информация?

— Есть слушок, что скоро нас заставят их ловить. Скажем так, до победного конца: вроде мы или они, — говорил он это задумчиво, словно на ходу переделывая разговор в приемлемое состояние.

— Откуда такая информация? — спросил Скоп.

— Капрал Сеиф из Кульна сказал, их лейтенант уже получил уведомление.

После нападения в городе появилось множество аномалий и других пакостей. Одна из них — это разного размера деревянные марионетки. Их замечали от золотого кольца города до Ямы. Мелкие пакостники воровали всякую алхимическую дрянь, иногда вместе с алхимиками или другими травниками. Семь трупов на счету этой мелюзги. Вроде если сам не лезешь, то марионетки тебя не трогают. Поэтому население и терпит пока. От несчастных случаев на стройке и то погибло двенадцать человек.

— И что так спохватились? — спросил я.

— Говорят, они капитану на глаза попались. И уши целые и невредимые. Бесится, — если словами можно было бы плевать, то стол под Седым изрядно бы увлажнился.

— Завтра с лейтенантом поговорю, сейчас у нас заслуженный выходной. Так ведь, Бугор? Если управишься до полуденного колокола, то Мирия еще будет в лавке, а нет — придется идти к ней домой.

Лицо бедолаги покраснелось, словно бурак, и столь же вытянулось, портили картину только ручейки слез. Но он не сдавался и засовывал ложку за ложкой в рот.

— Как он купился? — спросил я Михлана.

— Переоценил свои силы и умение одной милой дамы смешивать специи, — туманно ответил приятель, довольный собой донельзя.

В дверь постучали, и Бугор сорвался открывать, словно ему принесли воды или же алхимическое средство от ожогов рта.

В сарай валились Мел, все так же в одежде стражника, но хоть без меча; и Сэмс в новенькой и даже щегольской рубахе и новомодных бриджах.

— Сержант, что мы тут делаем, почему не нормальный кабак? — с порога возмутился Сэмс.

Его можно понять. Когда к нам в десяток попали штрафники, то Бугор на радостях пообещал проставиться, но его клятва никак не согласовывалась с наличествующими деньгами. Поэтому, скинувшись, парни только и смогли купить несколько кувшинов дешевого вина, пару стейков и кучу солёной рыбы. А место встречи без потусторонних глаз, послужил сарай, где когда-то Бугор работал сторожем. А пустовал он по причине судебной тяжбы между двумя братьями. Я до сих пор удивляюсь, что суды могут длиться так долго.

— Ну, мне нужно было уединённое место, чтобы поговорить, не привлекая лишнего внимания, — ответил я.

Всем места за столом не хватило. Сэмс привалился плечом в опорной балке. Мел же прошагал к окну, давая понять, он в курсе происходящего и лучше последить за периметром.

Повисла тишина, нарушаемая только шумом гудящего порта, да всхлипыванием Бугра.

— Ну, — простое слово Седова прозвучало, как приказ к атаке.

Я помимо воли облизал губу, окинул всех неспешным взглядом. И почувствовал себя стоящим на краю обрыва безысходности. Перед новым, еще не опробованным мостом доверия, что раскачивался под тугими порывами ветра сомнений. Надо сделать шаг и молиться, чтобы дойти до конца, ведь гибель может ждать в любой момент, даже на последней ступеньке, или еще хуже на другом берегу, когда чьи-то сомнения скинут меня вниз.

— Вчера мы нашли ящик с алхимическими взрывателями, — предложение вроде и простое, поймет и ребенок, но это только если не задумываться о последствиях и весе слов.

— И ты не рассказал лейтенанту? — медленно, словно рыбака, идущий по первому льду, проговорил Скоп.

— Да, я...

— Надо ее продать, — прошамкал Бугор.

Все умолкли, обдумывая риски.

— Нас убьют, как только мы предложим продать. Храмовники, — последнее слово почувствовалось острием на шее.

— Пожри мои потроха, Девятый Неизвестный — это шанс, — заговорил Скоп. — Кто из вас хочет горбатиться всю жизнь на блага этих жирных уродов и золотого города? Я не хочу.

— Тебя не научил прошлый раз? — мягко спросил Седой.

— Научил. Не попадаться, — Скоп вскочил, стул с грохотом упал на пол.

— Тише, — я схватил нервного сослуживца за рукав, — я еще не закончил. Прежде чем продолжим спор, скажу кое-что еще. Я видел приказ, где нам придется зачищать логово бандитов и их притоны. И если мы после этого выживем, то, кто даст хоть ошметок гнилой рыбы за наши жизни? Нас поведут на убой. Шваль не будет думать про тех, кто отдает приказы — они запомнят только злые лица стражников и будут мстить. Я тоже хотел бы рискнуть, в разумных пределах и при четком плане.

Все умолкли на краткий миг, а далее разразился спор, сводящийся к простой мысли: стоит ли овчинка выделки? И если от бывших мародеров я ожидал легко принято решения, то от своих братьев по легиону нет. Отмалчивался лишь Сэмс. Перед самым полуденным колоколом мы сошлись во мнении.

— Будем рисковать, — озвучил общую мысль Мел, и все уставились на меня, — какой план сержант?

— Для начала надо переместить ящик в надежное место. После пустить слух, что у нас есть запрещенный товар, и мы готовы его продать за приличную сумму. Далее встретиться с покупателем и после сбежать. Это кратко и без подробностей, а теперь давайте все обдумаем, как следует, и если хоть один пункт из плана окажется гнедым и не надежным, то все отменим. И дальше будем думать, как сбежать от уготованной нам участи.

До конца вечера мы до хрипоты обсуждали детали плана. И, к моему удивлению, пришли к вменяемому результату. Что удивило еще больше, так это очень дельные комментарии Сэмса. Парень явно имел талант к криминалу. Он выдал схожие мысли с лейтенантом: нужно не искать продавцов, а чтобы искали нас. Да, у нас появился план, который еще полгода назад показался бы мне отчаянной авантюрой, и нормально бы смотрелся только в рассказах моего наставника Жельбана. И хвала удачи, что никто из присутствующих не обмолвился и словом, чтобы привлечь Вилку и Тихого к плану.

Все с неприкрытым энтузиазмом разошлись выполнять свои части плана. Михлан с Седым отправились доставать ящик. Оба уверяли, что сделают все в лучшем виде, и дознаватель носа не подточит. Ну и спрячут, понятное дело. Бугор со Скопом прошмыгнутся по своим старым приятелям, что не гнушались скупкой краденого. Мы же с Сэмсом решали просто прогуляться по порту и послушать, о чем шумит народ.

Когда все ушли, внутри меня разгорелся спор. Пользоваться людьми в темную для меня — не самое привычное дело. Пусть они и мародеры (Мел посвятил Михлана в план лейтенанта), но заслуживают ли такой участи? Вся наша авантюра держалась на словах лейтенанта о смертельных приказах капитана. Был соблазн рассказать всем, но тут гарантировано — всему предприятию конец. Тот же Бугор не поставит свою жизнь на благо города. Разве что Сэмс может подержать и то не факт. Знать бы, как его вывести из игры. А еще эта назойливая мысль о провале: что будет, если нам не удастся убить Рыбу? Смерть или каторга?

Я встряхнул головой, словно надеясь выкинуть пораженческие мысли, как дворовая собака воду из шкуры после дождя.

— Идем, сержант? — вопрос Сэмса прозвучал без интереса, словно был высказан по причине надобности сотрясти воздух.

Смотря на почти наивное лицо парня, внутри меня рос протест. Нет, пока доверять свою жизнь я не готов, есть в Сэмсе что-то неправильное.

— Да. А ты чего согласился на эту... авантюру? — во время обсуждения все так или иначе подходили ко мне и обозначали свою мотивацию на риск.

Первым был Седой. Он долго молчал, стоя рядом, после заговорил, будто бы сам с собой:

— Я с детства хотел быть стражником. Отец мой нес вахту на северных воротах. Даже было время, когда он в золотом порту ночные обходы делал. В его незамысловатых историях стражники всегда были окутаны неким ореолом бесшабашной легкости с флером веселья. Такие герои на каждый день.

Но стоило мне надеть мундир, как все оказалось не столь прекрасно. Много ходьбы, еще больше призрения от жителей и командиров и самая малость счастья в жизненных мелочах. Я прекрасно понимаю, почему отец так много рассказывал историй — потому что другого у него не было. Я один раз попытался быстро разбогатеть и меня поймали, но тогда не было четкого плана, да и куш, честно говоря, выглядел бледновато. Сержант, я с тобой до конца. Иначе от каторги не уйти.

После, когда я вышел освежить голову под морской бриз и насладиться чарующим видом моря, ко мне подошел Михлан. Едва поравнявшись, он четко произнес:

— Я верю в тебя, сержант, как верил Кол. Ты вытащил меня из легиона и наверняка вытащил из бедности, — и ушел, оставив меня в растрёпанных чувствах.

Кол верил мне и шел рядом, пока не был ранен и брошен. Но судьба никогда не была простой штучкой со скучными капризами. Я встретил Кола на вторую неделю сержанства, он шел в колонне Неизвестных монахов. Полностью лысый, с белой как молоко кожей и взглядом полным надежды и любви. Проходя мимо, он чуть повернул голову и медленно опустил веки, словно давая знать: узнал и все идет по плану. Я не стал его разыскивать, всему свое время.

Бугор и Скоп оказались куда проще в своих желаниях. Их интересовали деньги и последующая возможность кутить, не думая о завтрашнем дне. Странные желания, ведущие в

никуда. Они трижды подходили и уверяли в преданности. Правда, мне думается, их уверенность в словах продлится только до того момента, пока деньги не окажутся в наших руках. И я брал это в расчет.

Сама сумма запроса за артефакты вызвала не менее ожесточённые споры, чем сам план. Хотелось как можно больше, но следовало понимать реальность, и тут уже пришлось обговаривать нюансы. Моя доля по итогу выглядела внушительно, и если вернуться в родные края, то с легкостью смогу выкупить мельницу со всеми батраками.

— Сержант?

Я моргнул и посмотрел на недовольное лицо Сэмса.

— Ты что говорил?

— Говорю, я как все, — ухмыльнулся, внутри поражаясь флегматичности его характера.

— Идем, нам тоже следует выполнить часть своего плана. Пока она заключалась лишь в том, чтобы рассказать про взрывателей Румфосу, и получить хоть какой-то совет.

Порт кипел своей жизнью, сновали люди, стучали колеса подводов и скрипели снастью кораблей. Вроде все то же самое, что и при патрулировании, но некая свобода окрашивала все в другие тона. Казалось, можно все бросить, подойти к вербовщику и уже вечером уплыть в синюю гладь на поиски приключений. Я улыбался всеми силами, не давай уйти духу авантюризма. Но приобретённая натура стражника взяла верх. И вот я уже высматриваю сомнительных личностей в узких проулках. Отмечаю суету на пирсе, сборщика налогов, где вот-вот должен пришвартоваться очередной купец. И если со склада я выходил рискованным авантюристом, то к лавке скупщика пришел скучным стражником.

— Сэмс, подожди тут. Хорошо? И ради всех Одаренных разом, будь наглее с девками, — получив кивок, я указал на приближающихся двух особ, явно не отличающихся кротостью нравов.

Толкнув дверь, колокольчик исправно сообщил о приходе посетителя. Зачем он нужен — неясно, ведь хозяин всегда находился на своем месте. Румфос сидел за стойкой и внимательно изучал шкатулку, словно библиотекарь древний фолиант с точным указанием места захоронения первого императора. Брови сведены, нижняя губа оттопырена, а массивные пальцы, больше годные для разлома орехов, нежно гладили деревянные бока.

— Привет, Румфос, — непривычно первым поздоровался я.

— Сержант? — не поднимая глаз, удивился он, — даже в столь сложный час я рад тебя видеть. Один миг и я весь твой, и охотно выполню пару твоих заказов.

Я кивнул, хотя собеседник этого и не видел, и отошел в сторону, разглядывая полку с диковинами. Взгляд не долго блуждал и наткнулся на корабль в бутылке из настолько тонкого стекла, что даже тусклого света из окон хватало, дабы рассмотреть судно в мельчайших деталях. Я даже не сразу понял, чему больше удивился — искусно сделанному макету или же мастерству стеклодува. Я только углубился в детали искусной работы мастера, как хозяин лавки окликнул меня:

— Грант, чем обязан? — я развернулся, глаза моментально наполнились слезами, пришлось протирать пальцами. — Отличный сувенир. Корабль Проклятой любви Элоизы, говорят, его заточил в бутылку Первый Неизвестный, приревновав к капитану. Тому самому, что прошел все моря и был в каждом порту; и тому, что по слухам, может отвести тебя к лютым сокровищам мира. Может, это всего лишь искусная подделка, но тем не менее, это несколько не мешает любоваться ею днями напролет. Говорят, один кормчий умер от голода, пока рассматривал мельчайшие детали судна. Предлагать тебе столь экзотический

товар не буду. Ты же все по головоломкам и книгам.

Я улыбнулся и, подойдя к стойке, посмотрел на шкатулку.

— Очередная головоломка?

— Если бы, там заначка от жены. Собирался купить себе удочку, выдвигающая, в десять локтей, легкая как перо и крепкая как слова Скучного. Но вот беда — сам забыл, как открывается. Но, как говорится, это не главное, главное, что принесло сержанта к моим дверям. Следующий привоз товара будет только через неделю.

— Помнится, ты мне книгу обещал про Черные берега, — Бел очень понравилось читать, и теперь я регулярно носил книги вместо цветов.

— Было дело. В аренду, — я кивнул, — тогда возьму ее чисто за символическую плату на две недели. Я сейчас.

Он скрипнул стулом, встал, вышел в подсобное помещение, отодвинув шторку. А я, выдохнув, пытался найти слова, как перейти к главному вопросу. Идя сюда, в голове прогнал с десятков вариантов, и все они тянули разве что на обозначение «неплохо».

Послышался шум отодвигаемой ткани, и на прилавок лег прямоугольник обернутой жесткой бумагой.

— Держи, пусть Белинка порадует, — он хлопнул по книге и назвал цену. Я ожидал большего, но вышло приемлемо.

Я отсчитал монеты, Румфос улыбнулся, сгрэб все в выдвижной ящик. Видимо, сдача в этом расчете не подразумевалась.

— Приятель, — нерешительно заговорил я, настолько косноязычно, — если, скажем, у меня есть сведения про товар... очень дорогой товар. То... ты можешь подсказать, кто его может купить?

— Ох, сержант, ты нашел что-то в развалинах? — голос скупщика посуровел. — Мой совет — верни хозяевам.

— Понимаешь, — мне отчаянно не хватало слов. Оказывается, быть преступником — не такая уже и легкая работа, как многие думают.

— Послушай, Грант, ты мне приятен как человек, и как стражник тоже, что уже немало. Так давай сойдемся на том: ты оступись, получил дельный совет от старины Румфоса и вернулся обратно к честной жизни.

Я кивнул, забрал книгу и пристыженный вышел наружу. Будем надеяться, у остальных дела с переговорами обстоят куда лучше. На улице не сразу понял, что Сэмса нет рядом. Обеспокоено завертел головой, не обнаружив парня, поспешил в сторону проулка, откуда выходили дамочки. И не ошибся. Две назойливые шлюхи под локти тащили слабо упирающегося парня куда-то в склады.

— Стоять! — гаркнул я, но это лишь прибавило скорости злосчастной троице. Сорвался на бег и нагнал их ровно в момент поворота за угол. Выскочив в узкий проулок, снова закричал. — Стоять! Сэмс из Рода Колмов, какого Безза ты творишь? — парень съёжился, подернул штаны и даже оттолкнул одну из шлюх. Девица к этому времени зачем-то стягивала со скромняги бриджи.

— Простите, сержант, — пролепетал он, отступая мне за спину, — я говорил им, что не хочу, но они меня не слушали. А я не могу ударить женщину или еще как-то применить силу.

— Сержант, твою налево да поперек живота, у мальчонки выходной, и вы не при ошейниках. Так что дай ему развлечься, — бойко подбоченившись, заговорила чернявая шлюха. — С такими друзьями ты, парень, так и помрешь девственником.

— Потому что так и не поймешь, с какой стороны к жене подступиться. Будешь тыкаться, как слепой щенок к мамкиной титьке, — вторила ей другая, усиленно поправляя вырез на груди.

Вступать в перепалку с этими языкастыми стервами равносильно приговору. Как опытный мечник каждый день оттачивает мастерство махания мечом, так они — владения языком. На любой твой словесный выпад у них было пять-шесть заготовок.

Одарив девиц злобным взглядом, я толкнул растерянного Сэмса в бок, направляя его на оживлённую улицу. Войдя в общий поток людей, я спросил парня:

— Кхм может, я того зря пришел, и тебе действительно надо было... — мне подумалось, что навязывать свои моральные принципы другим, не спросив мнения, как-то грубо.

— Да нет, что ты. Я просто не знал, как от них избавиться. Я так воспитан — нельзя применять силу к женщинам, никак нельзя. Ну, если, конечно, нет прямого приказа.

— Ситуация, — проговорил я, обходя столпившихся докеров.

— И это, — заговорил парень, стоило нам снова поравняться, — я не девственник. У меня была девушка, даже две, — я всеми силами старался скрыть улыбку от парня, дабы не обидеть. Мне не было дела до его личной жизни, просто то юношеское рвение, с каким он доказывал, что может считаться мужчиной в определённых кругах, не могло не вызвать улыбки.

— Иди на склад и жди парней, я скоро буду. И да, приказываю с девицами легкого поведения никуда не ходить. Если, конечно, тебя самого не приспичит.

Отдать книгу Белинке собственноручно не вышло, в лавке объявился донельзя нервный клиент, с большим кошельком. Этой информацией поделился Сом, ему же я и отдал посылку с просьбой передать Бел.

Чувствовать себя необременённым делами, оказалось неудобно. Всю жизнь работал, бегал по поручениям, служил и всячески настраивал быт. А тут свободное время на безделье, а мне только и остается ждать развития событий.

После разговора с Румфосом стало понятно, переговоры из меня крайне плохой. И лучше не продолжать, иначе каторга ожидает не только меня, но и моих подельников.

Вернулся к себе домой. Спросил у тети Палли, чем могу помочь. Получил замечание не путаться под ногами, и сообщение о пришедшем письме. Последнее сильно удивило. Единственный, кто мог написать — это наставник Жельбан из Струка. Вот только делать это ему незачем. Поднялся в комнату и сразу на кровати обнаружил два свертка, им оказались приказы. Один разрешение на хранение алхимических взрывателей на тот случай, если нас поймут Храмовники. Это бумага хоть какой-то шанс давала попасть в камеру до расследования, а не быть казнёнными на месте. Вторым оказался приказ взорвать бандита по прозвищу Рыба. Так и было написано: «Взорвать Рыбу». И столь прямое указание капитана говорило, что он сам не ведает, что подписывает. За подобные приказы можно лишиться не только статуса, но и жизни.

Засунул бумаги под матрас, не таскать же их с собой. Отправился выветривать дурное настроение силовыми нагрузками. Но получилось едва ли размяться, как во двор вошел парнишка в добротной одежде, с неуверенным шагом.

— Сержант Грант! — на почтительном расстоянии от меня крикнул он.

— Да, — кратко ответил я, опуская клинок.

— Мастер Михлан просил передать, чтобы вы на склад возвращались, — и, не дожидаясь ответа, убежал прочь.

Я лишь вздохнул с сожалением, обтер клинок, сполоснулся и поспешил по знакомому адресу, прихватив с собой приказы. До самого склада дойти не успел, стоило приблизиться к порту, как меня перехватил Бугор.

— Сержант, давай сюда, — махнул он рукой, уходя в проулок, относительно чистый от строительного мусора, но в противовес этому заваленный бытовым мусором, что сопровождалось изрядной вонью.

— Что случилось? — кривясь от зловония, спросил я.

— Скоп нашел покупателей, вернее, они его нашли, — говорил бывший мародер быстро, между словами то и дело облизывая губы.

— Хотелось бы подробностей?

— Ну, он пошел к дяде закинуть удочку насчет продажи кой-чего ценного. Вот дядя ему и предложил идти в контору ростовщика Рута. Серьезный человек этот Рут, говорят, третий после Рыбы. Если не он, то больше в порту никто за такое и не возьмется, — выслужив его, я мысленно попенял себя. Месяц хожу по порту и не знаю, чем дышит криминальный мир. Хотя у меня есть слабое оправдание, мир этот сейчас сидит тише полевой мыши.

— Значит, берем Скопа, Мела и идем договариваться, — немного подумав, сказал я, — ну и образец надо взять для наглядности. И чего мы тут топчемся?

— Ситуацию обрисовываю прежде, чем на склад двигать, — немного обескураженно сказал Бугор.

Я кивнул, а сам подумал: для стражника у него слишком много мелких преступных замашек. Легко можно предположить, что он раньше тесно общался с криминалом, куда плотнее, чем рассказывал нам. Ох, нужно быть настороже.

— Пошли, что ли, — сказал я и шагнул в сторону, под подошвой что-то чивикнуло. Я посмотрел вниз и едва удержал ругательство на языке, сапог угодил в какую-то мерзкую жижу. Оперся рукой о теплую стену и тщательно обтер ногу о близь лежащий камень. Удалось снять основную массу, но грязь так и осталась тонким слоем размазанная на сапоге. Бугор рядом язвительно скалился, его обувь была в полном порядке. Всегда поражался, как у некоторых людей в голове умещалась юношеская наивность и житейская жестокость.

Склад в вечерних сумерках преобразился в лучшую сторону. Солнечные лучи из окон больше не рассекали пыльное помещение, создавая атмосферу надежды и оптимизма. Теперь повсюду мелькали тени, а потолок давил своей мрачностью. За столом сидела вся наша компания. Заметно нервничая, словно их вот-вот кинут в бой против неизвестного противника только с обещаниями, что все будет хорошо. Я громко поприветствовал собравшихся и тут же нахмурился, увидев в руках Мела кружку с вином.

— Сержант, тут вина ровно для запаха, — тут же принялся оправдываться мой приятель, — нервы надо успокоить.

Лезть с занудными упрёками не стал, возможно, так и лучше. Тем более зная секрет капитана. К тому же будет смелее, где надо и лишний раз не полезет со своими байками, чувствуя вину за выпитый алкоголь.

— Михлан, что с ящиком?

— Все хорошо, — чуть заторможено отозвался он, — взяли телегу у одного пропойцы, пришли подворотнями к складу, перегородили улицу, пока я грузил камни, Седой сползал в подвал и достал ящик. После привезли сюда и телегу отдали назад пьянице. Он о нас даже и не вспомнил.

Столь подробного отчета я не ожидал, видимо, муштра все же попала на благодатную

почву, и даже за столом с друзьями он тарабанит по уставу.

— Хорошо. Что за пацан ко мне прибежал? — я качнулся на потрёпанном табурете.

— Подмастерье отца, рядом отирался, — Михлан запнулся и поджал губу. — Он сильно испугался, когда я сказал, что нужно позвать сержанта для разбирательств на складе. Даже монету забыл попросить.

— У детей хорошая память, — тут же заворчал Скоп, — а я...

— Отставить. Когда они придут к ребенку, мы будем уже очень далеко, — так и подмывало сказать или «за морем» или же «под землей».

Нарочито громко оставил табурет, прошагал в висящей на веревке тряпке, найдя более-менее освещённый участок склада. Приступил к очистке сапога, морщась от легкой вони. Все молчали, явно ожидая новых указаний.

— Скоп, что там с ростовщиком?

— Самый крупный в Яме, и возможно, в серебряном порту, — в голосе бывшего мародера не прибавилось ласковых ноток, скорей, наоборот, зазвучало раздражение.

— Хорошо. Тогда так. Я, Скоп, Бугор и Мел идем на встречу к ростовщику, как его там?..

— Руг, — неохотно буркнул Скоп.

— Седой, будь другом, принеси один из взрывателей. Надо, так сказать, показать товар лицом, — капрал тихо поднялся и плавной походкой исчез в надвигающихся тенях. — Остальные действуем по плану.

Пусть план и заключался в том, что Седой с Михланом забьются в самую дальнюю нору, что смогут найти, а остальные просто не будут мозолить глаза. Ожидая пока, мы вернемся.

Я вздохнул и откинул тряпку. Сапог стал выглядеть ненамного лучше, чем раньше, грязь размазалась еще более мелким слоем, приобретая серый оттенок.

— Придется нести сапожнику или в бельевой квартал, может, еще и отмоют, — проговорил Седой, почти бесшумно появляясь из темноты.

Я вздохнул и протянул руку. Капрал двумя пальцами поднял мешочек, чуть покачал его и опустил в раскрытую ладонь.

— Есть провинции, где кусок заточенной стали и кольчуга плотного плетения, это верх... — он пощелкал пальцами, тужась вспомнить слово.

— Прогресса, — лениво проговорил Мел.

— Вершина прогресса. А тут шарик обладает такой силой, что может убить Одарённого, — его слова рубанком прошли по моим эмоциям, снимая стружку ненависти. Разметать все эти стружки получилось только благодаря большому опыту. Когда десятки лет практикуешься, результат придет, не всегда качественный, но все же.

— Надеюсь, когда-нибудь прогресс их убьет, — проговорил я настолько тихо, что едва ли Седой смог расслышать, и уже громче. — Выдвигаемся, до второго вечернего колокола надо внести ясность в ситуацию.

Послышался грохот поднимающихся людей, все засуетились. Я зашагал к выходу и чуть не сбил Сэмса.

— Сержант, я пойду с вами, — возможно, в понимании юноши слова прозвучали твердо и непреклонно, но у меня свой план и мешать его воплощению, детским потугам в геройство я не собирался.

— Сэмс, ты выполнишь что сказано. Или же твое рвение приведет нас в руки

палачей, — сказал и, хлопнув парня по плечу, направился к выходу.

Вечерний порт и не думал умолкнуть, разве что звуки стали чуть громче и реже, да вонь, казалось, усилила натиск. И что удивительно, плеск волн в отблесках фонарей нисколько не затрагивал мою душу. Видимо, обрывки моря не способны воодушевить, только полная бескрайняя глубина. Всю дорогу до ростовщика рука не покидала эфес меча. Видимых причин для тревог не было, но внутренний настрой твердил о необходимости данного действия.

Лавка ростовщика пряталась среди складов. Рядом соседствовал кабак в два этажа, с горящими окнами, легким шумом музыки. Полное отсутствие пьянчуг на не большой площади, утыканной фонарями, удивляло. Мне на ум сразу пришла сельская ярмарка в вечернюю пору, когда часть молодёжи ушла в поля искать семицветик, а другая часть уже тихо перешучивалась на лавку возле домов. А уважаемые и степенные люди пили в кабаке, обсуждая дела.

— Ну что, Бугор, действуем по плану, — проговорил я, переминаясь с ноги на ногу возле входа.

Ответа я не удостоился. Бывший мародер поводит плечами, уткнул большой палец за пояс и потянул дверную ручку под звон колокольчика. Скоп перехватил створку, пропустил Бугра, после вошел сам, слегка столкнув Мела с пути. Я же вступил в помещение последним, едва не уткнулся Мелу в спину, пришлось сместиться в сторону.

Контора ростовщика выглядела не совсем так, как рисовала моя фантазия. Первое, что привлекло взгляд — массивные обитые кожей стулья, стоящие вдоль стен. И чтоб мне опять в батраки податься, тонкий слой пыли явственно говорил, что ни один зад из посетителей так и не коснулся их. Далее возле дальней стены стоял новомодный стол, с виду легкий и не способный выдержать сильного удара. За ним находился человек в белой рубашке, и аккуратно зачёсанными волосами; худое суровое лицо, длинный нос, и губы привычно изогнуты в раздражительной полуулыбке. За его спиной почти во всю стену висела картина — зеленый луг с огромным дубом.

Слева послышалась возня, с последующим вдохом человека, уставшего от рутинных действий. И из плохо освещённого угла вышел огромных размеров детина, с лицом головореза, выдавшего не один десяток уличных ножевых драк. Он вальяжно прошел к столу, повернулся на каблуках в нашу сторону и абсолютно лениво положил руку на эфес огромного ножа. Весь его вид говорил, как он устал изображать вышибалу и то, насколько это бесполезное занятие. Поведение вышибалы давало понять окружающим, что грабить данного ростовщика осмелятся только Имперские сборщики налогов, с бумагой от самого императора. Ведь основная защита ростовщика Рута заключалась в репутации.

— Слушаю вас, — не отрываясь от бумаг, сказал Рут.

— Это. Мы хотим кое-что продать... — забубнил Бугор.

— Идите в лавку, — перебил его хозяин конторы.

Пока все не выглядит солидно, общаемся, словно разнорабочие, что пытаются всучить лишний мешок раствора. Но скорей всего Рут все понимает и это спектакль.

— Слушай, уважаемый, у нас горячий товар, и нам бы хотелось его сбыть по-быстрому.

— Я ссуживаю деньги, а не торгую, — наконец ростовщик отложил бумагу в сторону и поднял взгляд, полный недовольства.

— Слышь, — Бугор шагнул вперед, выпячивая нижнюю челюсть, — нам шепнули верные люди, что ты покупаешь артефакты. Так что не фиг нам тут голову полоскать.

Повисла пауза. Детина скучающе зевнул, ростовщик смотрел на Бугра, словно мясник на вырезку, ожидая от нее самопроизвольной за жарки.

— Покажи, — шепнул Скоп.

Немного поразмыслив, я остался доволен поведением бывшего мародера. Он вел себя как полный дилетант, каким на самом деле и являлся. Не приходилось изображать, дабы усыпить бдительность криминальным личностям.

Бугор повернулся ко мне, позорно неумело щелкнул пальцем. Звук получился жидким и вялым. Я не мешкая отдал мешочек. Подойдя к столу, он положил укутанный артефакт, после паузы развернул, показывая взрыватель.

— И что это? — вопрос прозвучал совсем уже равнодушно, что говорило лишь об одном — местный воротила явно в курсе, что за артефакт оказался у него на столе.

— Взрыватель. Алхимический, — неуклюже пояснил Бугор, и его голова чуть дернулась, он явно собирался обернуться к нам за поддержкой.

— Хм, — громко хмыкнул здоровяк, — это смертная казнь, как мне помнится. Я кликну стражу.

И вышибала, широко шагая, направился к выходу. Мел занервничал и кинул на меня вопрошающий взгляд. Я едва уловимо качнул головой. Все это блеф и игра в дурака. Детина беспрепятственно добрался до двери, задел головой колокольчик, и тут же сухо раздался голос ростовщика:

— Подожди, Мастер Горн. Может, молодые люди способны объяснить нам, что тут происходит. Я слушаю?

— Мы хотим продать взрыватель, — занудно проговорил Бугор.

А я подумал, если выберусь из этой передраги живым, надо будет научиться не только владению мечом, но и навыку общения.

— Ясно, — прозвучало это как приговор всей нашей компании, — два серебряника и наше молчание. И вы можете быть свободны.

Ростовщик ловко закутал взрыватель в мешок, катнул его по столу, намереваясь спрятать в ящик. По его мнению, сделка совершена и дальше нет смысла торговаться.

— Не хера подобного, — зарычал Бугор и громко ударил ладонями по столу.

Я развернулся вполоборота к выходу, громила подпирал косяк и не выказывал никакого беспокойства. Хм, выходит, и этот Обор. Учтем.

— Хм, и сколько же ты хочешь за этот очень опасный товар? — вопрос явно прозвучал с издевкой.

— За этот взрыватель восемьдесят монет серебром. И никак не меньше.

— Я так не думаю... — наш переговорщик резво схватил мешок и дернул на себя. Рут явно не был готов к такому повороту, и его рука почти без сопротивления выпустила добычу.

— Мы поищем другого скупщика, — Бугор буквально рычал от злости. Он повернулся и ткнул пальцем в сторону двери, указав на Скопа, за которым стоял детина, — и эта морда нас не удержит.

В помещении повисла напряжённая пауза. Казалось, еще миг и начнется драка с непредсказуемым результатом. До этого простой план начинал уходить на откуп демонам хаоса. В гудящей тишине тихо скрипнула неприметная дверь сбоку от стола. Медленно открылась дверь, и показалась узкая спина в добротной куртке. Миг, и человек плавно развернулся, держа на руках серебряный поднос на удивление тонкой работы. Казалось, что две кружки чая лежат на тонкой водной глади. Вошедший приветливо улыбнулся и сказал:

— Друзья, зачем ссоры? Давай лучше выпьем чаю.

Каждый из присутствующих ответил на улыбку говорящего: кто вымученно, кто зло, а кто заискивающе. И было от чего — нас почтил своим вниманием сам Рыба. Узнать криминального лидера Ямы смог бы любой, даже если видит его впервые в жизни, например, как я. Вытянутое лицо, сплюснутое возле ушей, почти полностью отсутствовал нос, зато большие глаза казались мертвыми и не способными источать никаких признаков жизни. Рыба, как есть рыба.

Снова скрипнула дверь, и теперь перед нами предстал еще один человек. Долговязый, худой, в дорогой, но плохо сидящей одежде; сутулый настолько, казалось, будто голова висит между плеч. Лицо заспанное, изо рта торчит трубка, источающая огромное количество дыма. Я непроизвольно глубоко вздохнул, наполнил легкие, ароматным табачным дымом, ноздри тут же защекотало, почти до чиха. Отчего-то захотелось попросить табака у чудаковатого парня и выслушать занимательную байку.

Чашки тихо звякнули, когда поднос коснулся столешницы, одна из ручек смотрела в сторону Рыбы; другая, казалось, уставилась на меня.

— Рут, что случилось? — голос главаря банды звучал водянисто и мокро, словно у него нос заложен.

— Хотят продать алхимический взрыватель, — не слишком довольным проговорил ростовщик.

— Так в чем проблема? — Рыба обошел стол и встал вплотную к подчинённому.

— В цене, — глубоко втянув воздух ноздрями, проговорил Рут, сверля взглядом Бугра. И я готов поклясться — во взгляде ростовщика виделась печальная судьба нашего переговорщика.

— Посторонись, — прогнусавил главарь и пальцем толкнул в плечо ростовщика, тот прикрыл глаза и оперся ладонями в столешницу, поднялся. Почтения в его движениях не смог бы увидеть и самый прожжённый оптимист.

Главарь беззаботно уселся в освободившееся кресло, приподнимаясь, потянулся к кружке и поставил ее перед собой. Долговязый за это время извлек откуда-то из-за спины странного вида трубку с ручкой и положил ее возле левой руки Рыбы. Все замерли в ожидании дальнейших действий негласного хозяина Ямы. А я не без труда опознал в странном приборе пистоль. Нам показывали рисунок во время учебного лагеря в легионе. И это жест с использованием артефакта сказал мне очень много, как о владельце, так и о ситуации в целом.

Если кратко, то нам продемонстрировали силу. Владеть пистолями могли только гвардейцы Императора, без всяких исключений. В других случаях, даже хранение — это смертный приговор, даже на эшафот никто не поведет, на месте убьют. А тут бандит небрежно кладет оружие на стол, без какого-либо страха. С полной уверенностью, ему за это ничего не будет. И раз он не боится имперской кары, то и нас уже точно не испугается. И сразу стало ясно — он точно купит взрыватели, раз есть одна запрещённая игрушка, почему бы не получить и вторую.

— Так какая цена? За все? — прогудел он, делая глоток чая.

— Чего, — не сразу сориентировался Бугор.

— Я хочу купить весь ящик, — его губ тронула улыбка, с виду добродушная и открытая, насколько позволяло лицо и репутация. — Знаю, что с армейских складов пропал ящик с взрывателями. Я даже начал его искать и тут вы, с таким заманчивым предложением. Так

сколько за весь ящик?

— Э-э-э, семьсот тридцать две серебряных монеты, — сумма солидная, если ты простой стражник, но когда под тобой весь порт, то терпимая.

— Хм, я так понимаю, торг неуместен?

— Да, — похоже, роль наглого мародера Бугру дается без всяких усилий.

— Что же, я согласен, — Рыба развел руки, словно хотел обнять Бугра в знак заключения сделки.

Послышался громкий вздох облегчения, и долговязый, пыхтя трубкой, сполз по стене на пол. Стоило заднице приземлиться, как он откинул голову, та с глухим стуком ударилась об стену. Вышибала горестно вздохнул, Рут фыркнул, а Рыба продолжил улыбаться.

— Так как вы передадите мне остальное? — он сделал глоток чая, пошлепал безгубым ртом до того отвратительно, что у меня встал ком в горле.

— Мы сообщим о месте встречи. Э-э-э, завтра с утра. Паренек принесет записку. Сюда, — Бугор явно репетировал, очень уже поспешно и складно вышло.

— Замечательно. А мы пока проверим товар. Рут, будь добр, принеси, — и повелительно махнул рукой.

Скупщик с каменным лицом подошел к Бугру, тот оскалился, вкладывая мешок с протянутую ладонь.

— Свободны, — словно втыкая кинжал в горло, проговорил ростовщик.

— Я бы хотел получить аванс за первый взрыватель, — Бугра явно проняло, голос дрогнул.

— Получишь всю сумму разом, — жестко произнес Рыба.

— Э-э-э. Хорошо, — промямлил окончательно сломленный Бугор.

Я был в корне с этим не согласен, парни начали разворачиваться на выход, когда я заявил:

— Нам нужны деньги. Мы не в забегаловке на угловой, где можно откусить яблоко на пробу.

— Что? — возмущение Рута, приобрети оно вес, смяло бы меня до состояния мокрого пятна. — Мое слово крепче якорной цепи. Последний, кто во мне усомнился, уже пять лет как гниет в канализации.

Я ухмыльнулся, не сводя взгляд с Рыбы. Угрозы, когда ты изначально сильнее, верный признак сулящего обмана. Зачем платить за большее, когда и за малое денег не попросили.

— Вам нужны, Безз подери, эти взрыватели или нет?

— Конечно, нужны. Иначе и разговора не было бы, — край кружки снова коснулся безгубого рта. — Рут, выдели этим парням нужную сумму.

Ростовщик положил взрыватель на стол и, показывая всем видом свое недовольство, ушел в подсобное помещение. А я помимо своей воли прогнал в голове пяток вариантов, при которых мог бы здесь и сейчас взорвать Рыбу и не помереть. Все бы ничего, но проблем оказалось ровно две. Я не выйду отсюда живым, а очень хотелось бы. И вторая, я банально не удосужился узнать, как их активировать. Я не рассчитывал, что увижу Рыбу сразу при первой встрече. Слишком мелкая наживка для такой акулы. Это после он должен был появиться во плоти, заглатывая наживку.

— Чаю? — почти нормальным голосом предложил бандит.

— Спасибо, — сказал я, подходя к столу. Уверенно взял за ручку чашки, пригубил едва теплый напиток, — вкусно. Но я больше люблю травяные сборы своей матушки.

— Каждому свое. Скажите, а как вы планируете покинуть пределы порта после того, как совершится сделка?

— У нас есть пути отхода, — я вернул чашку на стол. — Надеюсь, ты придешь один, ну разве что с носильщиком денег.

— Конечно же, — он растянул губы в широкой улыбке. Мне на миг показалось, еще немного и уголки губ коснутся мочек ушей, — ведь вам нужны только деньги, а не смертельно опасный товар. Ну, разве что возьму своего племянника. Пусть он и обкуренный Мягкой поступью, но, когда надо, его кулаки ловко крошат головы, невзирая на преграды из стали.

Я кивнул под скрип петель, и после раздались злобные шаги ростовщика. Кошель плюхнулся на стол рядом с взрывателем.

— Жду завтра после первого колокола парнишку с адресом, — проговорил Рыба.

Протянул руку за мешком с деньгами, как кончик заострённого кинжала уткнулся мне в горло. Я замер в неудобной позе, за спиной послышался шум освобождаемых клинков и нервное дыхание. Любитель табака лишь более сильно затянулся. Казалось, это все его волнует так же, как бездомную псину отсутствие мышей в доме пекаря.

— Почему бы мне не вскрыть тебе глотку прямо здесь, а после не запытать твоих трусливых прихвостней, а, сержант? — зло проговорил Рут. С эмоциями у парня беда, или отвык от наглости в свой адрес. Вполне возможно.

— Наивно полагать, что мы не предусмотрели такой вариант. Никто в этой комнате не знает, где сейчас ящик с артефактами. И если мы четверо отсюда не выйдем, то и не узнает. Убив нас, вы получите один взрыватель и толпу разгневанных стражников, и, возможно, еще пару десятков легионеров, натасканных убивать. И ваш бизнес не настолько окреп, чтобы пережить такой удар.

— Рут, — после паузы прозвучал отвратительно холодный приказ от Рыбы, — теперь мы делаем деньги, не убивая людей.

Я бы охотно возразил, но не в сложившейся ситуации. Клинок слегка чиркнул по кадыку, оставляя неглубокий порез.

— Ты знаешь, откуда пошло слово «сержант»? — неожиданно спросил Рут, глядя мне в глаза.

Я провел пальцами по порезу, мысленно умоляя Мела промолчать.

— Нет, — еще один лектор на мою голову.

— С древнеимперского «сергент», значит «служить, охранять».

Еще намек на то, что мы псы империи?

— И? — я ждал подвоха.

— И кому ты служишь... шавка?

Оскорбление. Он серьезно рассчитывал меня этим поддеть? Или тут был какой-то намек, что я не распознал. Неважно. Я пожал плечами, забрал деньги и вышел на улицу под флегматичный взгляд детины. Теперь следующий пункт нашего авантюрного плана — избавления от слезки.

Мы миновали кабак и вошли в подворотню. После, чуть пропетляв среди складов, вышли к освещённому участку набережной. Немногочисленные прохожие в основном представляли из себя пьяных матросов. Задирать толпу вооружённых людей одиночкой не решился, хотя смотрели недобро и многообещающе.

— У нас получилось? — казалось, Мел спросил это сам у себя, не сильно рассчитывая

получить ответ.

— Еще как получилось, — взорвался хохотом Бугор и с силой хлопнул Мела по спине. Тому пришлось сделать шаг, дабы не упасть, — мы поймали долбаного Рута. Уже завтра про это будут шептаться все забулдыги Ямы.

— Надеюсь, что нет, — проговорил я, не сводя взгляда с пятёрки моряков, злобно зыркающих в нашу сторону, — завтра надо получить остальные и благополучно свалить с этого гребного города. А уже потом пусть про нас говорят, что хотят.

Пятёрка моряков о чем-то договорилась и, заложив руки за спину, уверенным шагом двинулась в нашу сторону. Намерения их читались сразу и без долгих размышлений — драка. Я не мешкая извлек меч и двинулся навстречу самоуверенным типам. Мои парни не стали задавать неуместных вопросов, так же обнажили оружие. Дерзкие моряки притормозили, после и вовсе выставили руки вперед, а главарь даже изобразил на лице некое подобие удивления.

— Мужики, вы чего? — прогудел он, когда мой клинок уперся в его массивное брюхо. — Мы просто хотели спросить, где ближайший бордель.

— Ты что, крыса бортовая, увидел в нас сводников? — проскрипел на удивление злобным голосом Мел.

— Э-э-э. Простите? — любители платной любви отступили назад, держа руки на виду, а после едва ли не побежали дальше по набережной.

— Что-то мы на взводе, — тихо проговорил я, возвращая клинок назад в ножны.

— Да все нормально. Небось, Рут послал нас пощипать, — высказал свое мнение Скоп.

— Не-а, эти сами по себе, — заговорил Бугор, внимательно осматриваясь. — Рыбе наши побрякушки нужны, он не будет рисковать зря. Вот когда получит товар, тогда да — на нас обрушится весь преступный мир Ямы.

Я был с ним полностью согласен. Пока Рыба не получит взрыватели, мы в относительной безопасности.

— Ладно, надо отвлечься, Скоп, где самый веселый и в меру приличный кабак, как-никак у нас появились деньги, — на деле я отчаянно хотел забиться куда подальше и не лезть на рожон, но следует отыграть роль туповатых стражников до конца.

— Ну, пошли, — в свете фонаря кривая улыбка Скопа выглядела наглядной иллюстрацией разбойника с большой дороги.

До кабака под названием «Белый грот» добрались быстро и в полной тишине, настроение на шутки и смешки улетучилось. Сказывался откат после тяжелой и крайне нервной сделки. Массивное двухэтажное здание с закрытыми ставнями встретило нас одиноким фонарём перед входом, где в конце освещаемого круга виднелась пара грязных сапог, и часть не менее грязных штанов. А в темноте слышались характерные звуки очищения желудка не естественным способом. Я чуть сбавил шаг, осматриваясь и прислушиваясь. За это время Мел уверенным шагом знатока добрался до двери и не оборачиваясь толкнул ее, выплеснув наружу шум и крики веселой пьянки. Мы последовали за ветераном застольных баталий.

Что же, внутри оказалось куда лучше, чем я ожидал. Воняло пивом и табаком; двое вышибал стояло возле дверей, сжимая дубинки в руках. На нас они глянули, можно сказать, приветливо, даже не оскалились. Дальше огромный зал со столами и веселящимися людьми всех сортов портовой жизни. Здесь пели, танцевали, играли в кости, смеялись над тупыми шутками, и, конечно же, пили пиво. Возле барной стойки стоял еще один амбал с дубинкой,

и сам бармен выглядел тем еще рубакой: массивные предплечья, ломаный нос, левая бровь отсутствовала из-за множества шрамов. Он лихо заправлял кружки пивом и отдавал подавальщицам, те скользили по залу не уловимыми тенями. Хороший признак, если тут не лапают девиц за просто так, то порядок наверняка присутствует. Также имелся второй этаж с балконами, там уже сидела публика посolidнее и спокойнее.

Тем временем Мел возле стойки уже что-то втолковывал бармену. Тот кивал коротко стриженной головой, не переставая заполнять кружки пивом. После очередного кивка вышибала отлип от стойки и словно таран двинулся вглубь кабака. Мел махнул нам рукой.

— Грант, дай серебряный, я нам столик организовал, — крикнул неутомный приятель, стоило только подойти поближе.

Я с легкостью расстался с монетой, за которую иной портовый работяга неделю не разгибаясь трудится в доках. Нас четверых разместили за дальним столиком как минимум на шесть человек, при этом прогнав каких-то подмастерьев. Пока мы, гроыхая, отставляли лавки и пытались рассестся, подавальщица ловко протерла стол и хорошо поставленным голосом спросила:

— Что будете?

— Пива, — крикнул Бугор.

— Пиво уже несут, я про еду.

— Ваше фирменное в хорошем качестве, — пока все прикидывали, чем забить желудок, внес здоровое предложение Мел.

Девушка упорхнула, при развороте задорно взвив юбку почти до самых колен. А с другой стороны, нам уже выставили кружки пива. Хм, вот как бывает, когда с самого начала пожертвовать серебряными. Мел споро растолкал кружки каждому под руки и не садясь приложился к своей. Его кадык заходил ходуном, и часть янтарного напитка потекла по бороде, падая на шею. Загнанные лошади и те пью медленнее. Кружка глухо ударилась о стол и Мел прокричал:

— Хорошо! — и с блаженным видом рухнул на скамью.

Я едва сделал пару глотков, как почувствовал накатывающий жар и дрожь в руках. Резко стало не хватать воздуха, меня словно погрузили в чан с плотно прикрытой крышкой над углями. Хватанув пару раз воздух, дернул ворот, оторвал пуговицу, но легче не стало. Глотая воздух, как до этого Мел пиво, я поднялся.

— Что случилось, сержант? — в голосе Скопа не было и доли сопереживания, скорей ехидство с примесью превосходства.

— Пойду подышу, — я оперся на плечо соседа, перешагнул скамью и направился на выход.

Как ни в кого не врезался и не нарвался на драку, только Беззу известно. Ибо голова кружилась, а путь я определял только по свободному пространству перед собой. Вывалившись на улицу, закашлялся от прохладного воздуха с примесью некой новой вони, словно где-то что-то сгорело. Протер тыльной стороной ладони выступившие слезы и привалился к столбу. Пока приходил в себя, осознал, насколько вся наша авантюра выглядит шатко. И, пожалуй, уцелеть в ней шансы такие же, как при лобовой атаке в легионерском строю. Только тут нет проверенных и верных товарищей, а только единомышленники, больше обеспокоенные наживой, чем общим делом.

Я помимо воли поднял взгляд на луну, не зная, зачем и с какой целью. Раньше подобных порывов за собой не замечал. Месяц отвоевал значительную часть у темноты, но все равно я

смог различить тусклые царапины от когтей лунного кота. С этим надо что-то делать...

— Что, морячок, тоскуешь по родным местам? — приятный крепкий женский голос раздался у меня за спиной.

— Нет, просто мысли привожу в порядок, — ответил я, не поворачиваясь.

— Пф, ты что, барышня на выданье, чтобы на небо пялиться? Мужик должен искать смысл в вине и пиве, но никак не в небесных светилах, — голос сочился ехидством.

Пришлось обернуться. В такое время суток на улице шныряют только шлюхи, да воровки, а с этой публикой дел иметь хотелось меньше, чем с загадками про луну. Но мои грубые слова застряли в глотке, стоило увидеть говорящую. Невысокая, кряжистая женщина средних лет, с милой улыбкой и неописуемо красивыми глазами. Небольшой нос имел следы перелома, может, и не одного, но это не портило общий вид, словно так и задумано природой изначально, как и шрам на скуле. Жесткие курчавые волосы укрывает бандана алого цвета, белая рубашка фривольно расстёгнута на три верхние пуговицы, широкий пояс обтягивал талию, дальше штаны в красную полоску и высокие сапоги. В руках она сжимала початую бутылку вина.

— В вине не больше смысла, чем в небе, да еще и денег стоит, — ухмыляясь, ответил я.

— Пф, еще один философ, — ее бутылка сделала широкий круг, прежде чем соприкоснуться с губами.

— Нет, я больше по практике.

— Станный ты, — после долгого глотка сказала женщина, — не нудишь про порядок, не кричишь про безопасность, даже не льстишь сходу. Ты вообще нормальный мужик?

— Настолько же, насколько ты нормальная женщина, — я подшагнул к ней, схватил бутылку и сделал глоток, — отличное вино.

Она ухмыльнулась, затем пристально и демонстративно осмотрела меня сверху вниз, потом назад.

— Годен? — спросил я, возвращая бутылку.

— Нет, тебя даже галюн чистить не отправишь.

— Правильно, это дело морячков, а я на палубу ни ногой. Мне и с берега море нравится.

— Бабы тебе тоже только с берега нравятся? — она гортанно засмеялась.

— Женщины — не море, с ними просто смотрелками не отделаешься.

— Тут ты прав, — ее палец ткнулся мне в грудь, — море не нуждается в мужской компании, а вот женщина одинокая, да с вином, еще как.

— Отлично, у меня как раз есть серебро.

— Тогда вперед, мой юный морячок, — с этими словами бутылка с вином улетела в темноту, расплескивая остатки по мостовой. — Вот только скажи, мой новый лучший друг, как так бывает, что один сапог вот-вот морским демонам душу отдаст, а второй будто только что из рук сапожника вышел?

— Банальная история с кучей случайностей, — я широко улыбнулся. — Все расскажу за бутылкой вина.

Я радовался случайной встрече. Сейчас разговор про пустяки без всякой оглядки на слова нужнее, чем здравый совет. Я обнял смешливую даму за плечи, как закадычного друга, и мы вместе ввалились в кабак. Моя новая знакомая, подходя, ударила острым локотком вышибалу в живот, и когда тот хмуро дёрнулся в ее сторону, подбросила в воздух золотой. Амбала блеск драгоценного металла остановил вернее, чем кусок заточенной стали возле кадыка.

— Почти всегда срабатывает, — весело прошептала она.

— Рисково, могут ведь и убить.

— И когда капитан, покоритель буранов и метелей, боялся хорошей драки в кабаке? Ха-ха, наверх и чтоб уши заворачивались, — и ее палец указал на балконы.

Отвечать не стал, вопрос был из тех, что изначально не нуждается в лишних словах. Я увидел Мела, махнул рукой. Приятель быстро подошел плавучей, чуть вихлявой походкой человека, готового к хорошей драке или же к ожесточённой пьянке. Незаметно вручил ему мешочек с серебром. Мел просиял, перехватил бегающую с пустым подносом подавальщицу, приобнял и что-то прошептал на ухо. Та прыснула смехом и изящно, как в танце, выскользнула из его объятий, убегая к барной стойке.

Мы поднялись на второй этаж по добротной сколоченной лестнице с настолько толстыми перилами, что впору использовать как таран. Уселись за небольшой столик ровно на два человека. Капитанша к стене, я же предпочел расположиться возле перил, чтобы видеть своих парней. Внизу Мел рассказывал очередную историю, активно махая рукой с зажатой кружкой. Пена летела по сторонам, но это обстоятельство никого не волновало. Когда пиво бесплатно, можно потерпеть и не такое.

— Что будете? — как возле нас образовалась миниатюрная подавальщица с огромным подносом, я и не понял.

— Мы будем лучшее вино, лучшую баранину и, пожри меня блуждающая дырка кракена, жареный лук в тесте. И побыстрее, милочка, этот юноша скоро сгорит от желания потратить серебряные в этом убогом месте, — на веснушчатом лице подавальщицы скользнула понимающая пошловатая улыбка.

— В соседнем здании есть отдельные комнаты с хорошим обслуживанием, — не подумав, ляпнула девушка, смотря на перекатывающуюся серебряную монету на подносе.

— Ха-ха, если я захочу оседлать мужика, мне не понадобятся советы соплюшки.

— Как тебя звать? — спросил я свою громогласную знакомую.

— Капитан, пожри вас демоны всех десяти морей и трех океанов, я тот человек, что слушал песни сирен и после покромсал их хвосты на суп. Знаешь, нас, баб, их песенки нисколько не впечатляют, — она снова засмеялась, но в этот раз заразительно азартно. Я сначала улыбнулся, а после уже и сам поддержал ее смехом.

Далее разговор потек, как она выразилась после, «повалом безумных пустынь», что бы это не значило. Я рассказывал про ловлю мышей в амбаре. Она поведала про старые сказки пустынь, что шепчут пески усталым путникам. Я про сома с мой рост, и как я тянул эту проклятую рыбу. Она про Первого Неизвестного, что проклял ее, обратив в змею, и как ей пришлось ползать сутки под ногами Медного великана. Я про пьяную драку наставника и вдовы Скайлов. Она как плыла по подземной реке в забытый город, за сном Первого императора. Я про драку с Колом. Она про доставку шестеренки из восточных земель чокнутому дракону, что строит мост в другой мир. Я про битву в городе. Она про осколок солнца, что плавит дно океана возле мертвых башен прошлого. Я про сделку с Рыбой. Она про драку с монстрами в чужой тесноте.

Она смеялась и удивлялась так же сильно над моими историями, как и я над ее.

Капитан оказалась удивительным рассказчиком. Начни я пересказывать ее байки кому-либо, получился бы бред, мало связанный с нашим миром. А так я верил каждому ее слову. Шутки, вино и хорошая компания не мешали мне поглядывать вниз, где тоже кипели страсти. Стол с моим недодесятком уже оккупировали с десяток человек, Мел был центром

скопления. Он пил, смеялся, много чего рассказывал, на плечах у него висела симпатичная и чуть ветреная девица, хохоча над каждым словом приятеля.

— Вот, Грант, чудесный ты человек, пойдешь ко мне в юнги? Старый ты, конечно, для этой должности, но с твоими талантами скоро в боцмана обратишься. Да и я помогу, куда без этого, — она брезговала кружками и пила исключительно из горла кувшина, частично проливая вино на шею, временами тоненький ручеек убегал в ложбинку между грудей.

— Нет, спасибо, — хохотнул я и привычно сказал, — я всегда хотел быть стражником восточных ворот. Пожалуй, к этой цели и буду стремиться.

— Скучота твоя стража. Ходи, проверяй. Не то, что море, — слова звучали весело, но смысл она вкладывала серьезный, без дураков, предлагала место в команде.

— А в штиль на корабле много веселья?

— За штиль, и чтобы он приходил только к толстопузым торгашам и занудным имперским капитанам, — выпили. — Вот интересный ты парень, Грант, — ее рука метнулась в мою сторону, расплескивая из кувшина вино, а указательный палец вперился мне ровно в лоб, — только не могу понять чем. Морда обычная, харизма стандартная, языком владеть как Аджины востока и близко не можешь, даже комплименты у тебя какие-то сухие и обязательные. Может, ты как Гурмарки — в постели девушек с ума сводишь? Нет, это бред, я-то с тобой вот за чаркой вина разговариваю и счастлива как... как сестра при встрече с мелким братцем, что не видела пару лет. В чем твой секрет?

Я пожал плечами и покосился на спорящего с каким-то богато одетым мужчиной Мела.

— Хм, я ведь просто так с мужиками среди ночи разговоры не завожу. Шла себе на корабль, смотрю, стоит паренек грустный под фонарем, на луну смотрит, и один сапог словно морж пожевал. Вот и подошла поговорить. А итог: пью и байки травлю.

— Так это твой выбор, не мой. У себя и спроси, — мягко сказал я, привставая с массивной лавки. Мела, нехорошо скалясь, держал хлыща за воротник. Бугор боролся с кем-то на руках. Скоп самозабвенно пил.

— Намечается драка! — капитан стояла на столе, подбоченившись, и несколько не беспокоясь, что из горлышка льется дорогое вино.

— Получается так...

— К демонам эти долгие прелюдии, — крикнула она и со всего маху швырнула бутылку в голову мужика, что схватил Мела за горло. Долговязого шатнуло, а Мел ударил лбом в нос хлыщу.

Я вздохнул и поспешил вниз, про кабацкие драки доводилось только слышать, в паре и поучаствовать. Мы лихо сбежали по лестнице. Капитан, не сбавляя хода, взбежала на стол, попутно раскидав ногами выпивку с закуской. Остановилась по центру и, залихватски смеясь, принялась раздавать пинки окружающим, не разбирая, кто есть кто. Я чуть зазевался и чуть не пропустил удар в голову кулаком, едва заметив движение, инстинктивно прикрылся плечом. После ударил сам, метя щербатому противнику в челюсть. Попал пусть и не слишком плотно, но и этого хватило, чтобы противник ничком рухнул на пол. Сразу же плечом сбил одного умника, пытающегося ударить в спину Бугру массивной лавкой. И как только замахнуться умудрился.

Выпрямился и врезал следующему противнику, удачно оказавшемуся возле меня. Удар пришелся в лобную кость, даже руку свело от боли. Пришлось бить ногой в колено, чтобы избежать нападения. Крепколобый заскулил и повалился на пол. А мне в спину прилетела кружка с пивом, удар не столько болезненный, сколько противный, жидкость залилась за

шиворот. Я ругнулся сквозь зубы, быстро нашел взглядом Мела и стал прорываться к нему. Приятель азартно метелил какого-то в умат пьяного моряка, пока к нему справа подбирались вышибалы с дубинками.

Уклонившись от пары выпадов, поспешил наперерез амбалу с дубьем. Но капитан оказалась быстрее. Сделав невероятный кульбит, прыгнула со стола и встала нос к носу с вышибалой. Капитан усмехнулась и жадно укусила амбала за нос. Послышался мужской визг, и только посрамлённый вышибала захотел поквитаться, как она плавно шагнула в сторону и буквально в танце ушла от цепких лап озлобленного верзилы. Замерла на миг возле двери, послала всем воздушный поцелуй и была такова.

Пока драка превращалась в полномасштабное побоище, я схватил Мела за плечо и потащил к черному выходу на кухне, где уже отирались Бугор со Скопом. Драка дракой, а плану надо следовать. Попутно врезав по башке одному из завсегдатаев, когда он нагло приставал к подавальнице, пользуясь всеобщей сумятицей, мы вбежали на кухню. Повариха и два поварёнка проводили нас равнодушными взглядами. Им наше серебро тоже пришлось по душе, мы платили не только за еду, ну и за возможность сбежать. Пройдясь по кухне пьяными медведями, роняя кастрюли и сковородки, мы наводили чуть ли не больше шума, чем в основном зале. В итоге выскочили на улицу.

Помимо прохлады, меня окутал и смрад отходов, к горлу метнулся ком тошноты. Алкоголь дал о себе знать. Толкнул замешкавшегося Мела в спину и сам отскочил назад за открытую дверь и притаился темноте. Посмотрим, кто последует за нами. Стук армейских сапог скрылся в темноте, а я едва привёл дыхание в нормальное состояние, как наружу выскочила щуплая девичья фигура. В свете открытой двери удалось заметить копну рыжих волос и резкое сосредоточенное лицо. Несмотря на платье, двигалась она очень уже резво, даже чепчик с головы слетел.

Щуплая преследовательница глянула в мою сторону — никого не увидела, слишком темно. После резкими, но скупыми движениями подалась вперед, словно белка при виде бесхозного ореха. Я же театрально хлопнул дважды в ладоши. Она развернулась всем корпусом, левая рука взлетела на уровень плеча. А я осознал, что родился счастливым, ибо маленький клинок ударился в ворот куртки. Кожаное препятствие в этот раз оказалась крепче силы броска.

— Как грубо, — совсем неожиданно для себя сказал я.

Девушка фыркнула и полным достоинства шагом удалилась в дверной пролет. Ни упрёка, ни тем более диалога не получилось, но я не расстроился. Мы оба оказались в подворотне со всем за другим. Что же, одну погоню сбил со следа. Буду надеяться, что следующая будет не столь рискованной. И я поспешил за своими приятелями.

Плутать по порту пришлось немного. Основные соглядатаи Рыбы явно ждали нас возле склада, где мы проводили совещание. Ведь это логично. Мы притворяемся, что избавлялись от слежки, они притворяются, что у нас это получилось. Осталось надеяться, что не перемудрил, а то глупо выйдет проиграть самому себе.

Зашел на склад, плотно прикрыл дверь. И в тених лунного света нащупал задвижной брус. Установил его в скобы и, оббив руки от пыли, пошел к столу. Там в напряжении расположились мои люди.

— И как, сержант? — прохрипел Бугор.

— Вроде пока все по плану. Если, конечно, твой ход выведет нас куда надо.

— Тут будь спокоен.

Когда мы обсуждали нашу авантюру, оказалось, что этот склад не так и просто, и тяжба между братьями тоже неспроста затянулась. Все банально до жути — на складе имелся черный ход для контрабанды. И наш Бугор вызнал этот секрет и даже один раз сумел воспользоваться черным ходом.

Стоило продышаться, пошли открывать люк. Пару телодвижений, и мы открыли крышку в деревянном полу. Легкий сквозняк метнул нам в лица клубок пыли и запах сырости. Мел взял лампу, перегнулся через край и только потом зажег ее. Тусклый свет мазнул лезвием по глазам, пришлось сощуриться.

— Офигеть, да тут метра два глубины, если не больше, — сразу же возмутился Мел. — Райд, вы тут что перетаскивали?

— Что надо, — я не сразу сообразил, что Мел обращается к Бугру.

Прижав лампу к стене, Мел пропустил в лаз Бугра. Тот ловко соскользнул вниз, сыпав немного земли. После уже последовали остальные. Закрывать люк пришлось мне, взгромоздившись на плечи Скопу. Створка легла в деревянный паз в опорном бруске, я сдвинул защелку, запирая люк. Просто, надежно и удобно. Выдвинулись вперед, лаз резко сузился и по ощущениям пошел вниз. Кольнул легкий страх замкнутого пространства, но с этим легко справился. Вроде нормально все, насколько это возможно под земной толщей. Опоры выглядели крепкими, земля за шиворот не сыпется. Неожиданно лаз разделился на несколько проходов, мы взяли левая.

Пройдя шагов двадцать, остановились, после послышалась ругань, и стоящий передо мной Скоп глухо произнес:

— Давай назад, не тот проход.

Вернулись к развилке. Бугор чуть помялся и вновь повел нас в тот же норок, заверив, что он уже точно уверен, куда нам двигать. К моему удивлению, вышли мы в портовую канализацию, отодвинув изрядно проржавевшую решётку. Не будь у нас запасённых заранее платков для лица, мы бы оставили все содержимое желудков, не сделав и двух шагов. Вонь, казалось, поглощала все, даже мысли. Пройдя по стокам, вышли к морю, где нас уже ждал заспанный Сэмс на лодке. Погрузились, изрядно промолив ноги, и поплыли, тихо шевеля веслами к новому укрытию.

Часть вторая Глава 4

Глава 4

Морская гладь успокаивала, унося все пораженческие мысли и внушая ложную самоуверенность. Ещё бы корабль не качался на волнах, совсем хорошо было бы, а так дурнота накатывала при каждом перекате. И это мы стоим в порту возле причала. Боюсь представить, что со мной будет в открытом море. Так что какими бы заманчивыми перспективами не сулила капитан, мне суждено расхаживать по суше.

— Сержант, ты чего такой бледный? — нарочито весело проговорил Скоп, облокотившись на фальшборт. — Все пройдет хорошо.

— Дубина, у нашего славного лидера банальная морская болезнь, — Мел как обычно, несмотря на чудовищно плохое самочувствие, не смог удержаться от комментария. Он сидел в тени бочки, неспешно потягивая разбавленное вино, дабы унять бушующего в голове демона похмелья.

Я же прилагал все усилия, чтобы не выплеснуть остатки позднего ужина. И так уже три раза через борт на воду орал.

— А вот я не уверен, что это здравая идея, назначать встречу на барже, — опять запричитал Михлан. Он по-прежнему настаивал, что на складах было бы проще уйти, — Чем плох тот склад с тайным ходом?

— Тем, что про него много кто знает, и Рыба уже наверняка поставил своих людей возле выхода, — Бугор сидел на бочонке вполоборота к нам, прячась от солнца за обломком мачты, — по воде уйти больше шансов, чем с суши, да и не сможет он перекрыть весь порт.

— Опять лезть в эти вонючие катакомбы, — простонал Мел.

Я глубоко вздохнул, сиюсь успокоить недовольный желудок. Вроде получилось. Едва взошло солнце, и Сэмс отправился за Рыбой. Таков слепой выбор жребия, еще в начале нашей авантюры мы решили, кто за что будет отвечать. И вот теперь наша славная компания парилась на полузатонувшей барже, исходя потом и скукой, нервозность и мандраж мы пережгли еще вчера ночью.

В дальнем закутке порта обнаружилось кладбище полузаброшенных барж, из тех, что владельцы все еще лелеяли шанс отремонтировать. Местные обитатели на нашу компанию не обратили почти никакого внимания. Для легкой поживы мы слишком сильны, а звать стражников нет смысла, ибо совать нос в чужие дела — это верный способ уйти на корм рыбам. Бугор раздобыл ялик, что пока прятался за бортом баржи. На нем мы и собирались уйти сначала в залив, а после и в коллекторы. И уже по ним добраться до контрабандисткой лодки, стоящей возле подводной реки.

Еще когда мы обговаривали план, Бугор сбегал и проверил на месте ли плавсредство. И если учитывать ситуацию в городе, где любая незаконная деятельность приведёт в серые казематы, то контрабанда на данный момент замерла, а все причастные затаились. Чем мы и воспользуемся. И даже если нас поймают власти, то по моему плану у нас на руках будут только личные вещи, да пару приказов капитана.

— Вроде идут, — ровным, как гладь моря, голосом проговорил Михлан.

Я перевел взгляд на пристань. Тишь и пустота под палящим солнцем. Даже заблудших тунейдцев не видно. Так что бредущую процессию ни с кем не перепутаешь. Впереди уверенно шагал Сэмс, следом сугулая фигура с солнцезащитным зонтиком на плече — это

явно Рыба собственной персоной. Дальше вразвалочку двигался долговязый Обр и замыкал процессию верзила с мешком на плече. В том, что за ветхими сараями заброшенной верфи суется еще пару десятков бандитов, я не сомневался.

— Тогда по местам, — вяло проговорил я.

— Надеюсь, они нас тут не порешат, — тихо проговорил Скоп, нервно потирая рукоять меча.

— Я же говорил, Рыба не будет в открытую нас атаковать, ему слишком сильно нужны взрыватели. Да и запрашиваемая нами сумма не такая уже и большая... для него. Самое страшное начнется, как только он уйдет с ящиком алхимических взрывателей, — в очередной раз я успокоил соучастников.

— Будем надеяться, — и Скоп обмахнул себя странным жестом, при этом скороговоркой прочитав незнакомую молитву.

Компания прибывающих неспешного прошла по пирсу. Первым по деревянным сходням поднялся Сэмс, выглядел он встревоженным, под левым глазом наливался синяк. Я нахмурился и перевел недовольный взгляд на Рыбу. Сомневаюсь, что прожжённого бандита можно пронять простыми гляделками, но и равнодушным тоже оставаться не стоит.

Криминальный хозяин Ямы ловко взошёл по сходням, растянул губы в отвратительной улыбке, и словно девица крутанул зонтик на плече. Дорогой костюм, прическа, ухоженное лицо и пальцы, прям не бандит, а франт из золотого города.

— Твой парень очень уже дерзкий, а я таких не люблю. Дерзость, как хорошая выпивка — должна быть к месту. А когда ее расплескивают почему зря, надо это присягать, — он прошел по изрядно потертой палубе к дальнему борту, перегнулся, посмотрел на спрятанный ялик и тихо хмыкнул.

— Сэмс? — спросил я, не сводя взгляда с Рыбы.

— Все нормально... сам виноват... сам ответил.

— Умный мальчик, — похвалил его Рыба.

За время нашего короткого диалога на палубу поднялось еще двое сопровождающих. Долговязый выглядел сонно, возле ворота на рубашке виднелись плохо застиранные пятна, а левая штанина оборвана почти возле самого колена. Амбал оказался обычным докерским грузчиком, об этого говорила как одежда, так и манера держаться. Он храбрился, но явно побаивался своего слегка несуразного нанимателя.

— Что же, вот деньги, — легко проговорил Рыба, словно собрался купить не запрещённые артефакты, а судака для кормёжки любимого песика. Докер опустил мешок на пол возле Мела, послышался узнаваемый перезвон.

Я кивнул, и Скоп полез проверять содержимое, ничуть не стесняясь упасть на колени. Рыба тем временем флегматично осмотрел всю нашу компанию, затем произнес:

— Сомневаюсь, что та небольшая лодка сможет увести вас от проблем. Мне даже не придется за вами гнаться, это сделают патрульные из гавани, — я чуть скривил рот, показывая свое разочарование.

— Даже если и так, ты в любом случае не увидишь деньги, — глухо проговорил я, пытаясь с жадностью смотреть на суесящегося Скопа.

— Хм, сержант, деньги заработать легко, репутацию значит... впрочем, хватит банальностей. Где мой ящик? — последние слова мой мозг распознал как приказ и чуть было не заставил тело в ускоренном темпе двигаться для его выполнения.

Но я вовремя совладал с собой. Махнул рукой, призывая вынести из трюма ящик.

Неожиданно долговязый протяжно и звучно зевнул и отвернулся к морю, раскуривая трубку. Движения при этом выглядели вялыми, но процесс на удивление проходил быстро и выверено. Чем он конкретно разжег табак, я не заметил. Докер же трусливо переминался с ноги на ногу за спиной главаря бандитов, зыряка то и дело в сторону сараев.

Хм, а ведь Рыба уверен в своей силе. И это демонстративное пренебрежение охраной. Обор — это, конечно, серьёзно, но не гарантия полной безопасности. Репутация, заберите меня Безз, иногда понадёжнее десятка парней с клинками.

Бугор пыхтя прошёл мимо меня и, едва ли не уронив, поставил ящик перед криминальным хозяином Ямы. Все дружно вздрогнули от подобной безалаберности, а Скоп даже применил крепкое словцо. Бугор кашлянул и открыл крышку.

— Кхм, — максимально недовольно произнес Рыба, а лицо его приобрело хищнический вид, разом потеряв человеческие очертания. Сразу захотелось сжимать в руке что-нибудь острое.

— Что не так? — дрогнувшим голосом проговорил я.

— В стандартном армейском ящике должно находиться двенадцать взрывателей, один уже у нас и тут всего десять, — его безжизненный взгляд пробил меня насквозь. Захотелось приложить руку к лицу и убедиться в отсутствии новых отверстий, и я все еще нахожусь по эту сторону жизни.

Я неуверенно шагнул вперед, посмотрел на открытый ящик. Так и есть — десять взрывателей в деревянных ячейках и два пустых слота. Я опустил на колени и осторожно приподнял один из смертельно опасных артефактов.

— Какого хрена, — прорычал я, проворачивая выступ на вершущке шара до щелчка.

Один из взрывателей умыкнул Седой, пока мы обменивались любезностями, давая повод приблизиться к Рыбе. Мы с Мелом посвятили его в план по устранению главаря банд Ямы. К удивлению, Седой очень благостно отнесся к нашей затее. Также за ночь мы с Мелом легко разобрались в устройстве взрывателя, и теперь у меня было не больше пяти ударов сердца, чтобы выбросить опасный артефакт. Я вскочил, ловко впечатав взрыватель в хилую грудь бандита, опрокидывая того на спину. Сам же отскочил в сторону за заранее установленную бочку с водой. Едва приземлился на доски, как прозвучал взрыв. По ушам больно резануло, а глаза мигмом наполнились слезами.

В голове удержалась лишь одна слабая цепочка мыслей: встать, атаковать Обра. Облокачиваясь ладонями о разошедшиеся доски, помог себе выпрямиться. В ушах звенело, как на день всех Святых в храме при городской управе. Вытащил меч, нашел взглядом Обра. Сутулый каким-то чудом не пострадал, так, пару царапин. Он пялился на хозяина, словно умалишённый на сложный механизм. Рыба, распластав руки, лежал в луже крови, грудь разворочена, кажется, даже ребра торчат. Чуть в сторону катался по палубе докер, зажимая оторванную руку. Как-то слабовато для сверхоружия, способного убить Одарённого. Хотя чего я, заряды наверняка ослаблены, кто же доверит мародерам такую мощь.

— Уходим, — кажется, я это проорал, не знаю. В голове шумело, и звуки превратились в одно сплошное пицание.

Михлан и Мел уже перевалились за борт. Скоп, сильно качаясь, полз ко мне, таща за собой мешок с серебром. Седой же тащил оглушённого Бугра, Сэмса я не увидел. Да куда подевалось это вечное недоразумение? Я шагнул вперед к охраннику Рыбы. Стоило острию клинка расположиться напротив Обра, как долговязый резко выдохнул. Даже под рубахой видно, как грудь впала. Я помянул Безза и замахнулся для удара, веря, что успею. Больше у

меня ничего не было, но ударить не получилось.

Заметив краем глаза, как весь дым, что витал в воздухе, тугим жгутом метнулся к Рыбе и змеей окутал его голову, приподнимая над землей. К моему дикому изумлению, бандит тут же задергался, скребя ухоженными ногтями свое лицо и пуча глаза, впустую силился порвать дым. А я, открыв рот, не знал, чему больше удивляться: предательству Обра или же невероятной живучести бандита. С такими ранами притвориться мертвым — это надо иметь стальную волю и каменную выдержку, или быть Обром.

Тело бандита резко обмякло, но хват долговязый ничуть не ослабил. Прodelал пару пасов руками, словно наматывая канат на локоть, и после резко дернул. Голова криминального хозяина Ямы сделала полный оборот вокруг своей оси.

— Ненавижу, мразь, — словно через глухую стену донеслись слова долговязого.

Меня осторожно подтолкнули в сторону. Я чуть повернул голову, готовя руку для удара. Это оказался Сэмс, он что-то сказал, но я не разобрал. Все равно поспешил к ялику, перевалился через борт и свалился вниз, приземлился неудачно. Разом потерял равновесие и, не сильно заботясь о безопасности окружающих, замахал мечом, в попытке вернуть устойчивость. И если бы не вовремя схвативший меня за ворот Михлан, то наверняка бы ушел под воду. Я только спрятал меч, как нам на голову свалился Сэмс и Обр. Все снова потянулись к оружию, даже сидящие на веслах Бугор и Скоп.

— Мужики, можно с вами до берега? А там я уже сам, — умолял он.

— Он Рыбу задушил, — глухо крикнул Сэмс в его защиту.

Разбираться не было времени или тем более затевать драку. И парни резво погребли в сторону моря.

Ловко маневрируя между барж и остовов кораблей, быстро вышла на большую воду. Я же наблюдал за творящейся суетой на пристани. После взрыва к полуразобранной барже побежало как минимум десятка два человек с оружием в руках и очень плохими намерениями. Но время и расстояние играло за нас, пара отчаянных даже прыгнули воду в безумной попытке догнать уходящий ялик.

— Хорошо, что мы не на складе, — проговорил Михлан.

Ему никто не ответил, но скорость лодки чуть-чуть, но увеличилась. Будем надеяться, нам хватит времени скрыться из виду, прежде чем бандиты оседлают лодки. Я перевел взгляд на Обра — тот со скучающим видом сидел, прислонившись к борту и прижав колени к подбородку. В безвольных руках дымилась трубка.

— Ты зачем нам помог? — некоторые вопросы надо задавать сразу.

— Этот ублюдок сделал из меня наркомана и опустил на самое дно. Без этого, — он махнул трубкой, — я бесполезный кусок дерьма. Хм, и еще я прекрасно распознаю шансы...

Его слова прервал надсадный рык блюющего Мела.

Похоже, бывший наемник Рыбы знал секреты хозяина и решил действовать наверняка. Что определенно нам на руку.

Прежде чем мы добрались до канализационного стока, на веслах менялись дважды: Бугра и Скопа сменили Сэмс и, как ни странно, Обр. Гребли они едва ли не лучше матерых и бывалых мужиков. Выход из подземной канализации представлял собой высокую каменную арку, почти в человеческий рост, с проржавевшими прутьями и тонким ручейком сильно пахучей жижи, стекающей в море.

Подгребли вплотную, Скоп достал гарпун и вполне умело притянул нас к краю каменного выступа. Первым из лодки вылез Бугор. Схватился за один из прутьев решетки и,

немного покрутив, сдвину вбок, так что появилась возможность пролезть. Мы гуськом выбрались на каменный берег, мешок с деньгами Седой аккуратно передал Скопу, прежде чем вступить на выступ. Никто рисковать деньгами не собирался. А вот я отчаянно соображал, как уговорить их избавиться от серебра. И пока на ум ничего не приходило. Ладно, сейчас есть дела поважнее, например, уцелеть и выбраться живыми. А еще не хотелось думать о глобальных последствиях убийства хозяина Ямы.

Я вылезал последним, вступил на выступ, оттолкнулся другой ногой, едва не растянулся, когда лодка отплыла в сторону. Схватился за прутья решетки, и чуть не взвыл — плечо пронзило с десятков иголок, пальцы мгновенно онемели. Выходит, падение перед взрывом не прошло даром, и пока кровь бурлила и опасность занимала мозг, я не чувял боли, а вот стоило чуть расслабиться и напрячь плечо, как и вылезла травма.

Отдышавшись, протиснулся сквозь прутья. Отойдя, тщательно обтер руку о штанину, пока Бугор возвращал прут на место. Снова перевязали рты тряпками на этот раз уже пропитанными специальным травяным раствором, уменьшающими вонь. Дышать стало чуть сложнее, зато вонь почти не ощущалась.

Неожиданно послышался легкий стук дерева о камень. Я повернулся на звук. Скоп уже держал жердь в руке, словно лесник, собирающийся пересечь болото. Вот интересно, они больше стражники или же контрабандисты? Все у них подготовлено, все у них предусмотрено.

— Мелкие уродцы, — зло прошипел Бугор и после ударил нечто лежащее возле стока. Я присмотрелся и обнаружил маленькую деревянную игрушку, сделанную явно наспех, по принципу несколько палок, обвязанных веревкой. У нас в деревне за такие подделки даже беспощадного ребенка высмеяли бы.

— Тише ты, — едва различимо из-за повязки проговорил Мел.

И более не произнося ни слова, мы выдвинулись в путь. Первым шел Скоп со своей палкой; следом мы, держа друг друга за плечи, ибо чем глубже мы заходили, тем темнее становилось. Как я понял из объяснений Бугра, лампа будет после третьего поворота. Двигаться вслепую, слыша только удары палки, шаги и бесконечно текущую и капающую воду, было крайне неприятно. Казалось, тебя проглотил монстер из сказок и вот-вот начнет переваривать. Но постепенно все страхи вытесняла боль в плече. Тупая, пульсирующая и нарастающая. Я пытался отвлечься, но, когда вокруг темно и единственное твоё действие — это переставление ног, бороться с болью крайне трудно, она оккупирует каждый кусочек свободного разума.

Не знаю, сколько мы прошли, но, когда стук палки стих, и мы замерли, я выдохнул с облегчением. Немного шуршания и глухого ругательства, и вот уже мелкая полоска пламени зарождается на кончике фитиля. Свет нарастал, придавая уверенности. Я едва смог различить мощную и полностью влажную кладку, как услышал веселый голос:

— Попались, мудаки, — сталь зловеще зашуршала, покидая ножны, настолько громко, что казалось, она съела не только все звуки, но и пространство вокруг нас.

Слева и справа из проходов вспыхнуло пятюк ламп, и перед нами предстала откровенно мрачная картина, несущая разочарование и глухую злобу. Нас окружило с десятков хорошо вооружённых людей. И лидера этой компашки я хорошо знал — тот самый флегматичный вышибала ростовщика.

— Господин Рут всегда оказывается прав, — голос здоровяка сочился иронией и скукой, — так даже не интересно.

Он шагнул вперед, кривя рот в ухмылке. Добротная куртка распахнута, рукава засучены почти до самого локтя, далее перчатки со множеством стальных пластин. Он хекнул и лихо стукнул кулаками друг об друга. Пластины вспыхнули синим пламенем. А я подавил глухой рык злости. В этом долбаном Вечном городе от Обров не протолкнуться.

Я толкнул застывшего Мела в бок и продвинулся к угрозе, раз уже назвался лидером так и самый серьезный противник тоже на мне. Вышибала глянул на меня с презрением и, переменив ухмылку на презрительную улыбку, атаковал. Я отшагнул назад, принимая удар сияющего кулака на клинок, радуясь, что отбита левая сторона, а не правая. Шум встретившейся стали, вспышка, и морда вышибалы потеряла весь свой хамский и грозный вид, черты лица исказились, и я увидел удивление и неверие в случившееся. Теперь мой черед улыбается. Его растерянность понятна — амбал явно привык укладывать всех с одного удара, а тут обычный стражник сопротивляется его мощи. И в голове у него невольно проскользнула мыслишка: а не нарвался ли часом на Одаренного?

Я воспользовался заминкой и ударил зазевавшегося вышибалу локтем в нос. Брызнула кровь, но здоровяк даже не пошатнулся. Казалось, удар лишь взбодрил его. Он рыкнул и попытался подсесть мои ноги, я едва успел отпрыгнуть назад, врезавшись в Мела. Громила поднял свои устрашающие кастеты к подбородку, и сделал маленький шаг. Теперь все серьезно, без всяких скидок на мой хлипкий вид.

Меня ждала тяжелая кулачная драка. Вот только кто приходит на разборки с кастетами, пусть и накаченными силой, против меча? Я провел несколько выпадов, вышибала умело увернулся. Удар сверху вниз с последующим переходом на единственный финт, что я знал. Бандит резко сократил расстояние и перехватил клинок за лезвие. Мы на миг замерли, я успел расслышать, как за спиной началась возня с криками и звоном стали. Там тоже идет схватка. Более не мешкая, дернул клинок на себя. И чуть вниз, рассекая перчатку вышибале, брызнула кровь и кастет погас. Старые приемы бывалого псы на мне не сработали. А других у него не было, долгие годы легких побед иссушили арсенал приёмов прислужника Руга.

Сократил дистанцию, выпад, повернул меч и привычным движением, после долгих тренировок, ударил клинком по запястью вышибалы. Бандит ухнул, присел и если бы не стена, то наверняка бы упал. Всю его браваду уничтожило всего пара ударов клинка, пусть и столько обычного как его владелец.

— ... выкормыш, — донесся до меня глухой рык стоящего за спиной главаря подельников.

Один метнулся ко мне с длинным ножом, но весь его порыв пришелся в никуда. Ибо главарь явно мешал атаковать, я же холодно и расчетливо ткнул ему в плечо. Сталь легко пробила кожаную куртку, рука нападавшего обвисла. А я про себя отметил, как легко драться с артефактом из стали.

В мерцающем свете лампы, заметил тугую полосу черного дыма, вылетевшую из-за плеча и впилась в следующего бандита. Тот закашлялся поскользнулся на влажной брусчатке и свалился в небольшой поток нечистот, отчаянно суча ногами.

— Ненавижу, — просипел долговязый у меня за спиной.

Остальные трое бандитов поняли, что расклад поменялся не в их сторону. Сначала медленно попятнулись, а после удрали, не стесняясь показывать нам спины. Похоже, спокойная и сытая жизнь последних лет сделала из криминальных псов домашних собачек. Что больше лают и надеются на силу хозяина, чем на собственные навыки. Тяжело раненый вышибала поднялся и больше хрипя, чем ругаясь, бросился в последнюю атаку. Клинок легко

оборвал жизнь негодяя.

Я развернулся, готовясь вступить в новую драку, но уже все закончилось нашей безоговорочной победой.

— Потери? — спросил я.

— Михлан ранен, и мы троих убили, — отчитался Мел, — рана не глубокая, но надо бы к лекарю.

— Понятно, — коротко бросил я.

— Сержант, я в норме, кровь не течет, так что помирать пока не собираюсь, — голос у раненого звучал бодро, — сейчас, парни, перевяжу и можем двигать дальше.

— Я займусь, — отозвался Мел, ибо более желающих не нашлось.

Дела становятся все хуже и хуже, с раненым на плечах передвижения изрядно замедлятся. Но ничего, главное выбраться из коллекторов, а дальше уже найдем, как подлатать Михлана.

Я присел возле лампы, осмотрел клинок — чистый, ни капли крови. Будем надеяться, что он ее не пьет.

— Ловко ты его клинком, — рядом на корточки присел Обр, по-прежнему дымя трубкой. — Я уже думал, хана нам. Перчатки Храна крошат все, чего касаются, даже мой дым.

Я пожал плечами, не желая продолжать разговор, и тем более обсуждать свой клинок. Мне бы кто объяснил, как он работает.

— Мог бы не взрывать Рыбу, а просто рубануть и все дела, — проговорил Седой, подходя к нам с мешком, столь ценную ношу он никому не доверял.

— Сильно сомневаюсь, чтобы вышло, — долговязый протяжно затынулся, несколько ударов сердца держал дым внутри и, на выдохе сильно хрипя, проговорил, — Рыба не так прост, как кажется. У него одежда из особой ткани, позволяет уклоняться от острых предметов... может, таким клинком и проткнул бы, но не факт. К тому же, он очень быстрый и живучий. От одной дырки в животе точно бы не скопытился. Но я наверняка эту паскуду убил.

— Понятно, — скупно ответил я, мысленно прикидывая, что лейтенант просчитал и такой момент, раз заставил меня именно взорвать бандита.

Я подхватил лампу, и мы одновременно выпрямились. Долговязый, склонив голову, спросил:

— Ты Обр?

— Нет, у него даже справка есть, — чтобы Мел не вставил комментарий, нужно нечто большее, чем вонючая канализация и жуткое похмелье. И после уже про Михлана — я закончил, крови больше нет.

Убирать и обыскивать трупы не стали, лишь забрали лампы и выдвинулись дальше. Я замыкал процессию. Пройдя метров сто, заметил, как цепляясь за дно, по ручейку плывет еще одна деревянная кукла. Странно это все, но вернувшаяся боль не позволила растекаться мыслям.

— Не бойся, сержант, дерьма больше не будет. Раньше этого добра тут, чуть ли не по пояс было, могло и унести. А сейчас город замер, и дерьма стали сливать куда меньше, — не правильно истолковав мою заминку, пояснил Скоп.

Шли долго, чем дальше продвигались, тем чётче слышался шум большой воды. Мел с радостью пояснил, что под городом сделали специальный канал для реки, дабы она смывала

все отходы. Вроде этим занимался некий имперский зодчий, тот, что построил Имперскую башню и комнату без времени. Видно, хороший мужик, никакой работы не гнушался.

В конечном итоге вышли в огромный коллектор с множеством таких же отнорков, как и наш. Целый город под землей, только еще более сложный и предназначенный для смыва жизнедеятельности человека. Расскажи мне про такое кто с год назад, назвал бы рассказчика сказочником. Легче поверить в великанов и земляных людей, чем вот в такое сооружение.

Света ламп едва хватало для разгона тьмы в пару шагов. Дойдя до бурного потока реки, закованного в каменные стены, мы двинулись вверх по течению. И через шагов двести нечетко образовался край лодки. Скоп отбежал куда-то в сторону, подобрал с пола высокий шест, приладил лампу и поднял вверх. Тьма дрогнула, отступая на десяток шагов, предлагая взамен полумрак. Бугор склонился над скобой, отвязывая лодку, и неожиданно вскрикнул:

— Вашу мать! — реакция последовала однозначная. Клинки наружу.

Не найдя угрозы, мы приблизились к кричащему. Тот склонился над каким-то телом, лежащим на деревянной ступеньке, замотанным в разные лохмотья. Тут были полотенца, детские вещи, женские юбки, даже последний нищий более разборчив в одежде.

— Что там? — тихо спросил Седой из-за наших спин.

— Это... — Бугор замялся, а после голосом полным удивления проговорил. — Это Шестой Неизвестный, Мертвая Тишина.

Едва он успел произнести последние слова, как засипел. Тело пробила крупная дрожь от ног до головы, и бывший мародер рухнул на грязные камни. Я едва успел сделать пару вдохов, как тело подельника окоченело, словно подвергся заморозке. Все ошарашено смотрели на смерть Бугра, и пока никто не успел что-либо ляпнуть, я крикнул:

— Всем молчать!

Тут не надо быть экспертом по Одарённым, чтобы понять — любое упоминание этого Проклятого приведет к смерти. Я облизал губы, зацепив горькую тряпку языком, тут же захотелось сплюнуть, пришлось опустить защиту. Все отпрянули от Проклятого, даже не подумав оттащить тело Бугра. Я же, держал меч наготове, осторожно, мелкими шагами приблизился к завёрнутому в тряпье телу. Внутри разгоралась ненависть, толкающая на безрассудные поступки. Я буду не я, если не убью эту тварь, опыт имеется, как и проверенный клинок.

Остановился на расстоянии удара, наклонился, сердце замирает в страхе, рука стала липкой от пота, выдохнул и резко взмахнул клинком. В темноте что-то заклокотало и застучало, словно деревянные трещотки бились друг об друга. У меня мгновенно перехватило дыхание, помимо воли отшатнулся назад. Из темноты выскочила деревянная кукла в черном, изрядно подранном плаще, в этот раз с деревянной мордой какого-то хорька.

Сборщик людей. Я помнил фигуру на крыше во время атаки на город Проклятых. Борясь со страхом, сделал выпад в сторону твари. Наверное, самый идеальный из всех когда-либо выполняемых мною. Плащ затрепетал, скрывая часть клинка. Я скорее почувствовал, чем увидел, как кончик лезвия замер в волоске от тела деревянной куклы. Миг и послышался дробный тихий звук, и на свет выбежала орда деревянных игрушек. Они не мешкая кинулись в атаку. Я только и мог отбиваться ногами и отступать, стоило отодвинуться от Проклятого на пяток шагов, как атака прекратилась. Этот рукотворный монстр охраняет Проклятого.

— Сержант, кто это? — промямлил Мел, и тут же закрыл руками рот, пуча глаза в страхе. Но ничего не произошло, уничтожительная сила Шестого работает только на упоминание его персоны.

А в голову вскочила неуместная мысль: «Это впервые, когда всезнайка попал в тупик».

— Это страж, а эти недомерки, по-видимому, носили сюда одежду и все остальное.

— Я не про это, я про то, как... как так получилось, что недомерки принесли одежду именно сюда? — последнее слово приятель особо выделил.

— Думаю, когда Бугор приходил проверять лодку, эти его заметили и после... ну, ты понял, одежда попала сюда, — во время разговора я косился на зависшую фигуру. Пока деревянный монстр не проявлял агрессии. Видимо, ему плевать на все, только бы не беспокоили тело хозяина.

— Сука, — рев Скопа, злым духом заметался по стенам коллектора.

Я не обернулся, но Мел точно так же охарактеризовал ситуацию.

— Сука, Седой.

Пришлось посмотреть. Седой, ловко уводил лодку от берега реки, мастерски орудуя длинным шестом, и естественно мешок с монетами лежал у него возле ног. Я ухмыльнулся — не самый плохой способ избавления от грязных денег. Навряд ли мне подельники позволят сдать деньги капитану. А отдать такую сумму парням, значит приговорить их к удару ножом в печень, с последующим пребыванием в канаве после какой-нибудь попойки. Кто из нас сможет удержаться от безумных трат, разве что действительно податься в бега. Но у меня другой план.

— Я все верну. Как только вложу в дело. Клянусь, — не уверен, что Седой прокричал именно это, но верить очень хочется.

— Ладно, уходим. Михлану нужна помощь.

— Уходи, Сержант. Деньги, — впал в истерику Скоп. Смерть друга его волновала меньше, чем упущенная выгода. А что я? Я сожалел о гибели человека, но и только, а будь на его месте Мел? Впрочем, об этом думать не хотелось.

— Ну, хочешь, плыви за ним. Кстати, а где Дымный? — не увидев долговязого Обра, спросил я.

— Ушел, когда чучело появилось, — равнодушно ответил Сэмс.

Что же, об этой потере я сожалею меньше всего. Он воспользовался нами, чтобы сбежать от хозяина, и при первом удобном случае ушел, облегчив нам и себе дальнейшей поход.

Я покосился на висящую куклу, сторожащую мертвого хозяина. Внутри меня боролись ярость и здравомыслие. Верх вязало последнее.

— Скоп, ты выведешь нас отсюда? — спросил я.

— А как же Бугор? — расстроенным или истеричным он более не выглядел, скорей озадаченным.

Я поскреб подбородок. Бросать своего, конечно, поганое дело, но и тащить труп наверх — та еще загвоздка. Да, проблема. Я приблизился к мертвому подельнику, тяжело выдохнул и произнес то, что было определено правильно:

— Потащили.

Сэмс стянул с себя куртку. Я последовал его примеру, шипя от боли, когда пришлось отклонять назад руку с больным плечом. Мел освободил жердь от лампы, подал еще одну палку, лежащую рядом. Видимо, их запасли впрок для управления лодкой. Вдели в рукава, завязали, получились носилки. Скоп взялся за руки трупа, Сэмс за ноги, на счет два дернули тело и едва не покатались по влажным булыжникам. Бугор истлел прахом.

— Э-э-э, — протянул Мел, — я про такое не слышал.

Мы постояли некоторое время над прахом погибшего. Я искал прощальную молитву, но увы, подобных знаний у себя не обнаружилось. Как-то не готовился я хоронить людей.

— А он вообще какой веры был? — разбирая носилки, спросил я.

— Не знаю, вроде Триединый с островов, — я ждал ответа от Скопа, как-никак они были знакомы дольше всех, но пояснил Сэмс.

— Ясно, — коротко бросил я, беря лампу.

Все подавленные и расстроены. Кто смертью, кто раной, а кто потерей денег выдвинулись дальше. Сложно сказать, кто о чем думал, но это авантюра явно разорвала наши и без того не слишком прочные узы. Разве что легионерские связи выставили, по крайней мере, мне так хочется думать.

Я едва сделал десяток шагов во тьму, как остановился. Вот так уйти и не добить Неизвестного Проклятого и упустить такой шанс. Ведь тварь оклемается и с новой силой начнет уничтожать людей. И что не менее важно — я поступлюсь принципами, а там и не замечу, как начну искать компромиссы и, как итог, предам цель своей жизни. Сломаюсь...

Я проскрипел зубами. Клинок сам выскользнул из ножен, ведя руку вверх. К Беззу все это, я должен убить тварь. Уверенно приблизился к валяющемуся в лохмотьях телу, остановился в двух шагах, глянул на перестукивающего деревяшками стража. Перехватил клинок двумя руками, разбежался и прыгнул, под топот деревяшек, полный безрассудности и отчаяния рывок. Лезвие рассекло черную ткань стража и после врезалась в тело, закутанное в тряпье. Брызнула кровь. А я со всей возможной скоростью развернулся, готовясь принять смертельный удар от монстра.

Шум дерева по булыжникам стих, а из черного балахона, как последний удар сердца, упал обрубок черной руки. Фигура в плащ тихо скрипнула и прыгнула, я взмахнул клинком, и рассёк воздух, спустя миг услышав плеск воды. Тварь ушла. Вот и пойми теперь, по доброй воле оно защищало хозяина или нет. Да и плевать, собственно говоря.

Посмотрел на деревянный обрубок. Забрать, что ли, для Мела, а то с трофейной головой не сложилось. Мысль глупая, от того и не получила воплощение в виде действия. Подобрал лампу, побежал догонять парней. На душе просветлело, несмотря на весь пережитый ужас.

По коллектору бродили весь остаток дня. Я чудовищно проголодался и устал. К тому же Михлану становилось хуже и хуже, и я серьёзно волновался за здоровье друга. А еще дико раздражало постоянное нытье Скопа об упущенных деньгах, даже окрики не помогали.

Оказалось, выбраться из подземного города — это задача на удачу и смекалку, когда твой основной проводник мертв. Скоп старался, но выходило плохо. Почему-то вариант с отсутствием проводника мы не проработали совсем. Казалось, опасность таилась на всем пути нашей авантюры, но не в финале под землёй, когда все закончится. Почти все найденные нами выходы были или заделаны решёткой, или же заперты увесистыми замками.

Но все-таки удача нам улыбнулась в виде дряхлого деревянного люка. Выбив ненадежное препятствие жердью, мы-таки оказались на поверхности под властью пьянящего чистотой воздуха. Я без всякого сожаления избавился от провонявшей куртки, и сапоги бы со штанами выкинул, но бродить с голым задом как-то совсем позорно. Да и ноги надо беречь, в городе битого строительного мусора в презрительном количестве.

— Где мы? — спросил Скоп, вертя головой. Спустившиеся сумерки изрядно усложняли ориентирование на местности.

— Вроде квартал Звонарей, — не слишком уверенно проговорил Сэмс. — Давайте пока прямо, я потом скажу, куда свернуть.

Мел и Сэмс подхватили полуживого Михлана, поднырнули под плечи и потащили вперед. Сам же раненый едва передвигал ноги. Прошли мы не больше двух десятков шагов, как из-за угла выскочил десяток легионеров. Их сержант наорал на нас, хотел было арестовать, но после передумал, увидев, настолько мы в плачевном состоянии. Лишь приказал валить по домам и носа не высовывать.

Следом нас задержал отряд стражников из патруля. Меня узнали, поэтому отпустили, пусть и с большой неохотой. В городе творился сущий бедлам. И я практически не сомневался, что наша авантюра дала ход пугающим событиям. В таком положении нам уже точно не добраться до лекаря. Рано или поздно кто-то заломит руки и отправит в камеру, если, конечно, раньше не прирежет.

— Давай сюда, — скомандовал я, показывая на недостроенный дом, с виду походящий на трактир.

Внутри нашли более-менее обустроенную комнату с топчанами, плохо сколоченным столом и парой ящиков, явно используемые в качестве стульев. Ночлежка для строителей, как есть. Уложив Михлана на циновку и отдышавшись, я распорядился:

— Ждите тут, я поищу лекаря, — и двинулся к выходу, как окрик Сэмса остановил меня.

— Я лучше знаю город, пойду я, — спорить глупо над очевидными фактами, а подвергать опасности жизнь друга из-за своей гордости — это последнее дело.

Я глянул из окон на спокойно идущего Сэмса. Бежать сейчас — не самый надежный способ добраться куда-либо, скорей верный шанс привлечь ненужное внимание. Парень вернулся относительно быстро, Мел только-только начал дремать, а Скоп злится на всех сразу. Он ворчал, сверлил нас взглядом и, кажется, собирался то ли кинуться в драку, то ли убежать.

— Что у вас случилось? — спросила молоденькая и до крайности симпатичная девушка в коричневой хламиде, едва войдя в комнату. Невысокая, с мягкими чертами лица и цепким взглядом, она явно представляла орден сестер милосердия.

— Раненый, — глуповато ответил я, все из-за усталости. Мысли путались, не хотели собираться в некую стройную цепочку.

— Это я вижу, — девушка присела возле стонущего Михлана, положила руку на лоб и тихо запела некий мотив. На миг прервавшись, сказала, — все плохо, но я помогу. И чего это у вас воняет?

Я устало привалился на какой-то ящик, обтер лицо ладонями и прикрыл глаза. Отвечать на очевидные вопросы не хотелось, а хотелось спать, но нельзя. Плечо ныло, в ногу колот какой-то выступ, но все эти неудобства не смогли помешать мне расслабиться.

— Эй ты, морда, помоги разрезать рубаху. Ну от вас и воняет. Так, держи его, да не дыши ты на меня. Мелкий, принеси воды, через квартал найдешь бочку. И тряпок захвати каких-нибудь чистых у местных баб. Серебро только оставь им, не ворье ведь. Так, мой хороший, ротик открываем. Ага, глоток, еще один, вот умница. Эй, мордатый, отойди от меня, воняет же, — сестра милосердия отдавала приказы не хуже заправского сержанта и с той же непоколебимой уверенностью в их исполнении.

— Мел, как обстановка? — не открывая глаз, спросил я.

— Не знаю. Все снуют туда-сюда, суетятся. Но к нам вроде никто не бежит, — насквозь усталым голосом проговорил он. — Сестра, что в городе происходит?

— Массовая облава на бандитов, ловят всех, кто хоть как-то был замечен в преступной деятельности, — с неким даже задором проговорила юная лекарка, словно участвовал в

девичьей забаве, — вот нас и выпустили в город, чтобы лечить таких как вы. Меня даже один раз изнасиловать попытались. Но я им черенки то... только вы это наставнице не говорите.

В то, что сестры милосердия могут за себя постоять, знали все, даже пропившие последние мозги докеры. Нападать на них — это как бить Одарённого палкой по спине, восхваляя Беззликого. Крайне глупая затея.

— О! Ты тоже пострадал, любимчик сестры Аглаи, — я открыл глаза и чуть отпрянул назад. Сосредоточенное девичье лицо находилось в ладони от моего носа.

— Чего? — вот и все, на что хватило моей сообразительности.

— Да ладно, мы все знаем, что Аглая тебе симпатизирует, вон даже колечко подарила. Или ты думал, я тебя не узнаю? — мягкая ладонь легла на лоб. Она прикрыла веки и тихо-тихо запела, а спустя миг произнесла. — Раздевайся, полечу.

Не дожидаясь, пока я кряхтя стянул рубаху, ничуть не брезгуя, сняла сама, ловко, будто Одаренная, ломающая привычный мир обычного человека. Ее милое личико приобрело озадаченное выражение, но стоило ладоням обнять больное место, как брови сошлись на переносице, губы сжались, придавая ей сосредоточенное выражение, как у ребёнка перед лотком лавочника со сладостями. У меня сбилось дыхание и резко пересохло в горле, но боль в плече ушла, словно грязь, смытая усердными руками очаровательной девушки.

— Фу, я пустая, — она повалилась рядом со мной, раскинув руки и ноги, словно дворовый мальчишка, а не благородная барышня. — Эй, морда, воды мне.

Скоп замешкался, не зная, как выполнить приказ, но на его счастье в комнату вошел Сэмс. В одной руке он держал ведро с водой, в другой ворох тряпья. Девушка приподнялась на локти, продолжительно выдохнула и после совсем уже по-пацански поднялась на ноги, вскинула руки вверх, хрустнула костяшками пальцев и направилась к Михлану.

— Так, морда, будешь мне помогать, и не дай бог тебе облажаться.

Я быстро оделся и, чуть поразмыслив, принял решение разведать обстановку самостоятельно. Вся эта суета, мне ой как не нравилась.

— Значит так, остаетесь здесь. Я наведаюсь в казармы и узнаю, что происходит. Мел, ты за старшего.

Этот долгий день изрядно меня вымотал. Сначала эмоционально — сделка с Рыбой, после физически — блуждания по катакомбам в сырости и вони. Идти никуда не хотелось, хотелось просто посидеть, посмотреть на море, или же на худой конец в окно за столиком у тети Палли. Кстати, надо заглянуть к себе, а то от меня разит как от помойной крысы, если не хуже. Появляться перед начальством в таком виде — изначально загонять себя в невыгодные условия. Сменить одежду — дело не столь и долгое, а выглядеть я буду пристойнее и в соответствии своему званию.

Я выбрался из нашего временного пристанища, запомнил расположение дома, взяв за ориентир огромную кучу булыжников, и неспешно стал продвигаться в нужном направлении.

Если раньше город кипел стройкой и суетой дельцов, то сейчас суматоха изменилась, приобретя тягостное обличье. словно перед свадебной дракой: все вроде как были веселы и заняты делом, но вот уже появились косые взгляды и шутки, за которые по все правилам и канонам надо бить морды. Тут и там на улице встречались мастеровые, разнорабочие и другой рабочий люд. То по несколько человек, то сразу десятком. Зыркали по сторонам, тихо и размерено что-то обсуждая, напряжённо реагируя на всех, кто хоть как-то мог представлять опасность. На меня в основном смотрели оценивающе, но и только. Все же

человек при мече, это не та цель, которую хочется задрать без особой надобности. Да и я проявил благоразумие и сторонился людей, но при этом не углублялся в подворотни. Как говаривал мой наставник: «Прошелся по коньку крыши при весеннем сквозняке».

Почти возле самого дома тети Палли на параллельной улице наткнулся на большую и, надо сказать, умело созданную баррикаду, и это при полном отсутствии людей. Я горестно вздохнул и пошел искать обход, не карабкаться же наверх в самом деле. Такая же баррикада нашлась и в соседнем проулке. На досадное препятствие — внутри шлохнулось раздражение, и глухая злоба. Но эмоции тут явно не помощники, а вот натруженные ноги — да.

В конечно итоге, пришлось обойти почти два квартала, прежде чем выбрался на знакомую улицу. Несмотря на усталость, прибавил шагу, хотелось покончить со всем поскорей. В парадную дверь даже не стал соваться, зашел с черного хода. Толкнул створку, внизу грохнуло пустое ведро. Оно и понятно, меры предосторожности. Прежде чем войти во мрак, тихо произнес:

— Это я, Грант, — выждал немного и шагнул в темный проем.

Расставив руки и ориентируясь по памяти, пошел к лестнице. Пальцы нащупали знакомый выступ. Неожиданно услышал голоса, чуть постоял, набираясь сил перед разговором, шагнул в небольшую кухоньку. Я не сильно удивился, обнаружив непосредственного начальника у вдовушки на кухне. Ожидаемый шаг от прожжённого интригана, не в казарме же ему дожидаться моего отчета.

Под светом лампы, в углу за маленьким столом, где едва помещались две кружки и кувшин, сидели те, кого я и ожидал увидеть: Малн ан Ворн и Палли. Они мило беседовали, как близкие родственники, объединенные одной проблемой, на вроде несмышленного племянника в моем лице.

Палли в это раз надела простую юбку в пол и кофту, пусть и растянутую за долгие годы ношения, но от этого не менее уютную. Лейтенант же предпочел обычную одежду, если не знать его в лицо, то можно принять за простого горожанина. Хотя лицо у него явно не относится, к слову, простое. Меч же в дешевых ножнах по-бытовому опирался на печь, словно какой-то простонародный топор. Плащ висел дальше, едва угадываясь очертаниями в полумраке. Лейтенант выглядел до предела изнеможенным и вымотанным. Ставлю честь стражника против слова карманника — он явно не спал несколько суток, и виной всему кавардак, что творится на улицах города.

— Сержант Грант, — если до этого голос ан Ворна можно было назвать приятным, пусть и чуть отстранённым, то в беседе со мной не осталось ничего кроме бездушных уставных букв, — я доволен, что ты жив.

— Я тоже, — хамство? Наверняка, но я устал и раздражён, к тому же у себя в доме, пусть частично и под съём, но все же.

— Хотелось бы услышать отчёт! — когда пауза стала откровенно долгой, потребовал лейтенант.

Хозяйка дома мягко вздохнула, налила себе полную кружку приятно пахнущего отвара и неспешно с полным достоинством вышла из кухни. Тянуться смиренно приказа не было, как и желания. Я уселся на освободившееся место и с облегчением выдохнул, когда смог вытянуть натруженные ноги. Стопы горели огнем, в левом колене что-то пульсировало, но общее состояние конечностей было удовлетворительным.

Более не рискуя проверять устойчивость лейтенанта к замашкам рядовых, я заговорил.

Четко, без лишних отступлений и умозаключений, благо потренироваться времени хватало, пока бродил по катакомбам. Попутно заметил кружку на краю разделочного столика, потянулся всем телом, зацепил пальцем за дужку — внутри оказалась какая-то жидкость. Пришлось встать и вылить содержимое в помойное ведро и даже сполоснуть немного. Вернувшись за стол, налил выпить, как раз под конец отчёта. Три мощных глотка и кружка пуста.

— Ужасный отчет, — в сказанном мне показался скрип зубов, — чудовищная субординация.

— Так мы же вроде в неформальной обстановке? — настой оказался чудо как хорош. Если я ничего не напутал, наполовину он состоял из вина.

— И эта вонь... — он резко прервал себя. Видимо, сообразил, что это не самое лучшее место и время для распекания нерадивого подчинённого. — Ваш взрыв послужил сигналом к активным действиям. Неожиданно, но приемлемо. Сейчас идут повальные аресты и зачистки банд силами легиона и Имперской гвардии. В застенке тащат все, кто хоть как-то был замешан в преступной деятельности. Всем управляет маршал Элимен Борнорал. Стража только на подхвате.

Я равнодушно кивнул и потянулся к кувшину. Там точно осталось еще на полкружки настойки, но лейтенант меня опередил и совсем уже наглым движением перехватил емкость и вылил содержимое себе в кружку. И после, не меняя выражение лица, осушил ее до дна, вернул тару на стол так, словно она сделана из тончайшего хрусталя.

— Тебе надо выполнить еще одно задание, — он встал, подхватил лампу и, подойдя к плащу, достал кипу свертков.

— Со всем уважением, но парни устали и ранены. И нас стало значительно меньше, чем было. Мы банально не боеспособны.

Долг сержанта — заботиться о своих людях, даже в ущерб карьере.

— Значит, идете... э-э-э, — он явно не ожидал отказа. Ха, да он даже не рассматривал такой вариант, в его холодном расчётливом плане не было усталых и раненых стражников. Он настолько растерялся, что эмоции отразились на его обычно бесстрастном лице, — но миссия очень важна. Обещаю, она последняя. И в твоё распоряжение будет выдан еще один десяток.

Я глубоко вздохнул, закрыл глаза, откидывая голову назад, затылок уперся в какой-то пучок сухих трав, в носу приятно защекотало. Я со всей возможной самоотдачей искал возможность отказать. Но понятие долга стражника и то, что я в него вкладывал, не поддавалось разрушению никакими доводами. Да и к тому же, пути назад уже нет, мы в этом деле до конца. И еще моя мечта... Я открыл глаза, они сразу заслезились, словно в них сыпанули мелкого песка или пыли.

— И что надо сделать?

— Требуется спасти и провести в дом судьи мадам Серну. Это надо сделать до утра, — кувшин переместился на плиту, его место заняла кипа бумаг. — Это приказы на ее арест, сопровождение и переход третьего десятка ночной стражи под твоё командование.

— Ясно. Кто такая мадам Серна?

— Что? — его брови обозначили путь наверх, — ты не знаешь кто такая мадам? И как ты здесь два месяца прожил?

Я лишь пожал плечами, времени у меня хватало только на службу в порту, да саморазвитие с мечом и книгами. Я банально не знаю, куда сводить свою девушку не то,

чтобы быть в курсе, кто такая мадам и чем она знаменита.

— Как-то прожил, — давать более развернутый ответ было лень, да он никому на кухне и не нужен.

— Мадам Серна заведует гостевыми девушками... по-твоему, шлюхами. Все это кхм... сестринство под ее покровительством от Ямы, до салонов наместника. И она нам нужна... — я кивнул. Такой человек владеет солидным количеством секретов, что у писаря наместника раньше рука отсохнет, чем она закончит говорить. Смущало одно, что за таким важным человеком посылают меня. Туда впору отсылать первый легион.

— Может, лучше послать... — договорить мне не дали.

— Я лучше знаю, кого посылать... и да, вывести ее надо незаметно, — ну вот теперь понятно, почему именно я и почему ночью и втихаря. Лейтенант ведет свою игру и за свое вознаграждение. Ну а если мы провалим миссию, то он скорей всего отмахнется от нас.

Пока я пытался сформулировать вопрос помягче про наш интерес, как он продолжил:

— Все просто, заши и выши, а потом наместник и тем более Одарённые... Кхм, в общем, про вас точно не забудут.

— Где она обитает и как выглядит? — а я пока не знал, хочу ли, чтобы про меня помнили столь серьезные личности.

— Боги Арварна, — простонал ан Ворн, — где находится ее дом, знает каждый, кто хоть раз посещал бордель. Спроси своих парней, они покажут. И да, она не высокая, большая грудь, волосы черные, на щеке... да что я объясняю, увидишь — поймешь. А нет, парни уже точно подскажут.

— Я помоюсь, переоденусь и в путь, — проговорил я устало.

— Вот, держи, — он протянул мне флакон с черной жидкостью, — выпей и будешь лучше прежнего.

— Вот уже нет, — я поднял руку и большим пальцем пошевелил кольцо, подаренное сестрой милосердия Аглаей — я как-нибудь сам.

— Как знаешь, в казарме тебя уже ждут люди. Поторопись. — он небрежно поднялся, будто случайно подхватил клинок, и когда плащ оказался на плечах, проговорил. — Не доверяй новым подчинённым. И не жалея их...

На этой недосказанной ноте, он тенью растворился в дверном проеме. А я, растерев ладонями лицо, ища в этом простом движении силы, все же встал на гудящие и протестующие ноги, и поплелся наверх. Разделся, скатал вонючую одежду в плащ, чтобы после вынести на улицу, потом облачился в форму стражника, сразу почувствовал себя увереннее. Спускаясь по ступенькам с тюком под мышкой, увидел свет лампы, а после и тетю Палли, сидящую за одним из столиков в зале. Вид домовладелицы не внушал оптимизма: измученная недосыпом, годы у нее не те, чтобы вечера коротать с мужчинами за разговорами.

— Доброй ночи! — тихо сказал я, пытаюсь прошмыгнуть мимо.

— Вот, выпей, и не косись мне тут. Обычный настой из трав, взбодрит чуток, я его мужу готовила, когда он в ночную уходил.

Тетя Палли не лейтенант, ей доверять можно. Кинул куль в коридоре, подошел к столу, взял высокую кружку и в один присест выпил содержимое. Чуть горьковатое, с привкусом мяты.

— Спасибо.

— Иди и вещи не трогай, я сама ими займусь. Все, давай быстрее, мне спать смерть как

хочется, — проворчала она и даже махнула ладонью в сторону выхода.

До казарм добрался куда быстрее, чем в свою квартиру, хоть и идти примерно одинаковое расстояние. А дело все в опыте, каждый день ходил, как-никак. Впустили меня на территорию только после проверки личности. Пришлось постоять некоторое время, пока опознают.

Площадка пустовала, как и не было огней в здании начальственных людей, только легкий шум из общей казармы и доносился. Придерживая меч за эфес, вошел в здание. Вот тут света в избытке, аж глаза заломило и пришлось щуриться. Привыкнув к освещению, увидел следующую картину: десяток мужиков в форме стражей расположились за столами и активно играли в кости. Со всеми сопутствующим азартным играм вещами, то бишь руганью, вином, кусками недоеденной курицы. Мое присутствие их нисколько не покорило.

— Кто старший? — громко спросил я, почти на грани крика.

На меня глянули двое. Один патлатый и с перебитым носом настолько, что, казалось, его и вовсе нет. Другой с лицом прожжённого мошенника, глаза хитро прищурены, рот изогнут в блуждающей полуулыбке.

— Кто спрашивает? — прогнусавил волосатый.

— Я сержант Грант. А вы, так понимаю, третий десяток ночной стражи? — я получил кивок от волосатого. — Вот распоряжение, что вы переходите под мое командование.

Патлатый ударил соседа в бок, тот пискнул, собрал мелкие монеты со стола и, неуклюже перешагнув лавку, подошел ко мне. Я вручил приказ в протянутую руку, оставаясь на своем месте. Если Седого с Бугром можно было назвать стражниками с плохой историей, то этих только ряжеными бандитами. И я уверен, закон для них — лишь слова, где-то написанные и кем-то сказанные и уже точно не обязательные к применению. И если их передали мне, то шансы, что все закончится хорошо, стремились к нулю, как говаривал Мел.

Посыльный передал письмо, но не обозначенному лидеру, а хитровану. Тот быстро пробежал глазами по написанному, хекнул и что-то тихо шепнул в ухо волосатому. Тот улыбнулся, словно только что получил жалование за весь десяток, пружинисто поднялся и уверенно затопал ко мне, протягивая руку.

— Я сержант Кол из... да к Беззу формальности, — рука у него оказалась крепкой, мне на миг подумалось — усиль он давление, и мои кости захрустят как сухие ветки. — Где твои ребята?

— Я сержант Грант. По дороге заберем, — я потянул руку из затянувшегося рукопожатия, но патлатый отпустил не сразу, обозначая свою силу. Похоже, устав для него все те же бессмысленные слова, — с зданием ознакомились?

— Забрать мадам-м-м, — последнее слово он выделил, добавив в голосе снисхождения, — и сопроводить, куда ты скажешь.

— Тогда выдвигаемся, ночь коротка, — на мой приказ он ощерился, показывая ряд чистых крепких зубов, и с заметным опозданием проговорил. — Парни, у нас работа. Сержант Грант нам гарантирует веселье.

— Дорогу к ее дому знаете? — послышался гогот из-за столов, кто-то пустил сальную шутку. — Хорошо, встретимся около дверей. У меня будет приказ на арест, это упростит дело.

И прежде, чем кто-то успел среагировать, вышел в темноту. Тут же отступил в бок и обнажил меч. Я не питал иллюзий по поводу этого сброда. Дверь с хлопком отворилась, и в

прямоугольнике света застыл главарь. Он слепо поводил головой из стороны в сторону, громко сплюнул и погрозил пальцем в сторону ворот, где я по его предположению находился. Что же, типичная банда, с типичным главарем, сила которого держится исключительно на показном страхе и наглости. И задержись я внутри, скорей всего бы лишили не только приказа, но и меча, потому что могу; потому что им сказали, форма дает власть и закон теперь на их стороне.

До своих парней добрался с легкими приключениями. Нарвался на трех бандитов, что позарились на одинокого стражника. Но, отрубив первому пальцы и проткнув ногу второму, все мгновенно остыли и принесли извинения. Забрался в оккупированную нами комнату, свет тусклой лампы едва позволял различить детали. Михлан спал укрытый одеялом почти с головой, рядом сидела сестра милосердия, весело перешёптываясь со Скопом. Мел узнавался в другом углу по сапогам, носки обуви попадали в ореол света. Сэмс по всей видимости находился наверху и был за наблюдателя.

— У нас новое задание, — невесело проговорил я, усаживаясь на ящик.

— Да сколько можно, — возмутился Мел со Скопом одновременно, словно репетировали.

— У меня приказ капитана. Сейчас заберем одну тетеньку и доставим по адресу, — врать своим не хотелось, поэтому я уточнил. — Надо мадам Серну доставить в дом Судьи.

— Нас, ее вышибалы, еще на пороге отправят познавать загробные миры, — проговорил Мел.

— Ну, мы будем не одни, с нами еще десяток мордovorотов, и к тому же есть серьезная вероятность, что она нас ждет, — высказал я свои предположения.

— Хм, от похода в бордель я еще никогда не отказывался, — Мел завозился, сиюсь подняться, а я понял, что он изрядно накидался чем-то алкогольным.

— И когда ты успел?

— Взял флягу с собой во время нашей попойки. У меня, знаешь ли, похмелье и, если бы не эта добрая порция вина, я бы так и валялся в катакомбах, — все это прозвучало как упрек, даже с неким вызовом.

— Эх, события развиваются все быстрее и быстрее. Как бы нас в этой суете не переломало, — неожиданно проговорил Скоп, словно прочтя мои мысли.

— Если остановимся, нас сметут последствия и те недовольные, что плетутся позади, — Мел как всегда знал, что сказать. — Сэмс давай с нами.

— И я с вами, — решительно заявила девушка, доселе молчавшая.

— У тебя раненый...

— Пф-ф, я что, помогу ему спать, а вот вас там точно порежут, и кто, скажи, будет вас зашивать? Этот пропойц или же морда обладает секретными техниками врачевания?

— Чего секретными?

— Вот, я иду с вами, — заявление юной особы было рассчитано на уступчивого мужика, но никак не на сержанта.

— Тихо. Ты следишь за Михланом до нашего прихода. И если я узнаю, что ты покинула свой пост, то зад у тебя станет синим, минуя фазу красненок, а говорить ты будешь только два слова: «Да, сержант». И интервалы между этими словами будет контролировать палка капрала. Я не потерплю в своей десятке самодурства. Есть возражения? Я так и думал. Сэмс, мать всех Проклятых тебе в подруги, чего так медленно?

Быстро выбрались наружу, и я проговорил твердым голосом:

— С нами будет третий десяток ночной стражи, там все сплошь бандиты, так что повнимательнее, — эмоции парней увидеть не удалось, темнота помешала, но пару недовольных выдохов я услышал.

Мел быстро довел нас до дома мадам, практически не плутая по улицам, с наступлением темноты активность уменьшилась. Кое-где горели костры с недовольными мужиками по кругу. Стоило нам выйти под свет фонарей борделя, как из темной подворотни вышел третий десяток, на удивление организованно, все же некое подобие дисциплины у них присутствовало.

— Что за вонь? — прогнусавил сержант третьего десятка.

— В помой вляпались, — буркнул Мел.

— Пф-ф..

Более ничего говорить не стал, лишь кивнул главарю с перебитым носом и уверенно зашагал к нарочито разукрашенной двери борделя, с всякими завитушками и цветками, и все это выкрашено в приторно-розовый цвет. Бр-р. Нашел боек и, не экономя сил, ударил. Звуча почти не услышал, но передо мной мгновенно открылась смотровая щель, из нее виднелась пара недовольных глаз.

— Что? — прогудел голос.

— У нас приказ сопроводить мадам Серну, — глаза на миг пропали и после вернулись уже другие, более красивые и явно женские.

— Давайте! — прозвенел девичий голос.

Я порылся в поясной сумке и вытащил изрядно помятый приказ. Просунул в окно свиток исчез под щелчком задвижки.

Остаётся надеяться, что мои догадки верны, и тут в курсе, зачем мы пришли. Иначе как штурмовать такие укрепления не имею ни малейшего понятия. Спустя миг послышался шум отодвигаемых засовов, и дверь отворилась ровно настолько, чтобы впустить одного человека за раз. Не мешкая скользнул вперед и оказался в небольшом тамбуре под прицелом коренастого арбалетчика, одетого не хуже, чем наш капитан. Богаче уж точно, одна серьга в ухе стоило больше, чем мое жалованье за полгода.

— Оружие, — из-за арбалета, а я не сразу заметил девушку в плотном жилете и штанах, с полностью обритой головой, и какими-то замысловатыми татуировками на висках. Ее аккуратный нос сморщился, но более никаких действий не последовало. Это вселило оптимизм — нас тут ждут, раз с порога не вытолкали при такой вони.

— Э-э-э, — у меня появилась пара глупых вопросов, но я их приберёг на другой раз. В спину меня подтолкнул нетерпеливый Мел.

— Вернем, выходи, — добавила миловидная девица в мужской одежде, стоящая сбоку.

Расставаться с оружием не хотелось, но условия выдвигаем не мы. Можно заартачиться и вылететь на улицу, или подчиниться и выполнить приказ — выбор невелик. Отстегнул ремень с ножнами, толкаясь локтями с Мелом, также передал засапожный ножик. Девица бережно приняла оружие и уложила его куда-то себе за спину, там чьи-то ловкие руки переложили наше добро на полку. После учтвого приглашения я проследовал дальше.

Потеря клинка отразилась неприятным скребком внутри меня, словно верного пса оставил на морозе. Но задание важнее моего комфортного состояния. Далее оказался в широком коридоре с множеством картин, изображающих девиц в очень фривольных позах, так и тянуло рассмотреть их подробнее. Переборов смущение, перевел взгляд вниз на красную дорожку, настолько чистую, что внутри шелохнулась досада за грязные сапоги. Но

где можно их обтереть, не нашел, поэтому быстро перестал волноваться на этот счёт. Тут так надо.

Следом валился Мел, охнул и, приложившись к фляге, пошел рассматривать живопись. А я подумал про Сэмса и его сложные отношения с девушками. Надо бы парня как-то поддержать. Когда к нам с Мелом присоединился Сэмс и Скоп, мы двинулись дальше. Открыв все так же противно выкрашенные в розовый цвет двери, очутились в зале со множеством диванов, кушеток и просто ложь из подушек, где сидели или лежали мужчины в окружении женщин. Они курили, пили, смеялись под легкую музыку и ароматы благовоний.

Зрелище оказалось не приятным и чем-то отталкивающим, словно я во что-то вляпался с разбега, и теперь осталось понять, насколько это все быстро можно отмыть. В моей незамутненной голове бордель всегда рисовался, как сборище разудалых мужиков с девицами на коленях, и лестницей на второй этаж, куда то и дело уходили парочки. Все просто и понятно, но никак не вот это, вальяжное и приторное.

Пробежался взглядом по остальному интерьеру: на стенах картины еще более пикантные, чем в коридоре, множество штор, отделяющих закутки от общего зала, и лестница, огромная и громоздкая, занимающая солидную часть пространства. Прикинул в уме, решил, что мадам может находиться только наверху, как капитан на мостике.

— Парни, за мной, — отдав приказ, решительно двинулся вперед. Слава всем богам разом, никто из девиц не пытался вешаться нам на шею.

Я едва успел подойти к первой ступеньке лестничного марша, как за спиной раздался гогот, перемежающийся с женскими криками. Обернулся. Третий десяток вступил в зал и принялся без затей и лишних слов лапать девиц и хватать бутылки с винами, внося сумятицу и хаос в этот чахлый притон, при этом не встречая практически никакого сопротивления. Только вышибалы с серьгами хмурились и перешептывались. Эти бандиты, ряженные под стражников, явно пришли насладиться жизнью, а никак не арестовывать. Теперь понятна их задача — внести сумятицу, гам и как можно больше хаоса. А мы под шумок сможем заняться своими делами.

Я заметил движение сбоку, и едва успел ухватить Сэмса за рукав.

— Ты куда? — прохрипел я.

— Да они... посмотри? — возмутился парень, — они там... это неправильно.

— Сейчас придут вышибалы и все расставят на свои места, — безмятежно заявил Мел, — у нас задание.

Более не мешкая, мы взбежали по лестнице, кроваво-красная дверь сразу привлекла внимание. Я едва приблизился, как створки распахнулись, и я нос к носу столкнулся с девушкой, с красивым восточным лицом, полным холодности и решимости. Инстинктивно отступил на шаг и смог заметить на ней мужскую одежду, словно снятое с плеча щегла из золотого кольца. Столь экзотической охраны мне видеть ранее не приходилось.

Поборов мгновение замешательства, двинулся вперед с намерением отстранить девушку. Вытянул руку, восточная девица каким-то невероятно плавным движением перехватила мою кисть, увела в сторону. И вот я уже семеню вдоль стены с цветочной рисовкой.

— Опять Обр... — глухое раздражение вырвалось из меня. Как же я устал от них, шагу ступить нельзя, чтобы не нарваться на это племя. Теперь понятно, откуда у народа зародилась легкая неприязнь, а то и ненависть к Обрам. Неприятно, когда тебя каждый день тыкают в твою немощность.

— Хо-зя-йка не при-ни-ма-ет, — дробя слова, проговорила девица с жутким акцентом.

Я только собрался перейти к более решительным действиям, как из-за спины выскочил Сэмс. Лицо налито дурной краснотой, а руки трясутся. Он молча попер на телохранительницу мадам Серны. Видимо, у паренька имелось только два состояния вблизи женщин: робость или ярость. И страх вкупе с раздражением перевели его во второе состояние.

У Сэмса не получилось схватить восточную возмутительницу спокойствия, но оттеснить от двери все же смог, чем я и воспользовался. Не мешкая, ворвался в кабинет мадам. Меня подстегнуло ощущение неминуемой кончины. Казалось, вот-вот и жернова событий перемелет нас в труху.

— Можно было просто попросить, — раздался чуть хриловатый голос из-за большого стола, со множеством бумаг, соседствующих с кувшинов и подносом с фруктами, — типичные мужики.

Я продвинулся вперед, следом за мной прошли Скоп и Мел. Видимо, Сэмсу удалось отвлечь бойкую телохранительницу. Кабинет главной среди гостевых дам выглядел роскошно, начиная от тяжелых штор, заканчивая диваном, что скорей был предметом искусства, а не тем, на что можно сесть или тем более прилечь. Огромная люстра над потолком смутила своей тяжеловесностью. Я предпочел сместиться в сторону, а то если упадет, уже не выберусь.

Сама же хозяйка кабинета впечатляла. Честно, даже не подозревал, что можно выглядеть настолько притягательно в зрелом возрасте. Мадам Серне явно перешагнула за сорокалетний рубеж, но умелый макияж, и боги знают что еще, только усиливали ее черты лица, давая понять: она точно знает толк в утехах и никакая молодость не способна компенсировать опыт и умения. Бордовое платье с удачным вырезом обнимало ее большую грудь, черные волосы прижаты шляпкой, сбитой чуть набок, а кисти руку укутывались в перчатки.

— Ох, как приятно ваше ошарашенное молчание, господа. Я польщена, но все же хотелось бы услышать причину столь наглого вторжения, — проговорила она и отломилла виноградину от ветки, но есть не стала, просто повертела в пальцах.

— У нас приказ о вашем аресте, — голос меня не подвел, хотя я все еще находился под впечатлением.

Она наклонилась вперед, прижимая грудью бумаги к столу, и требовательно пошевелила пальцами. Я, пачкая ковер грязными сапогами, приблизился и вручил приказ. Забрав бумагу, она едва заметно изменила позицию тела, и вот уже сидит ровно на стуле, левая рука скользнула в стопку листов, и на свет появился тонкий декоративный кинжал. Я бы подверг сомнению его способность сломать печать. Но все же бумага зашуршала, разворачиваясь, и мадам повернула ее вбок, дабы мы продолжали любоваться ее прелестным видом.

— Ого-го, — послышалось за моей спиной. Я повернул голову, в кабинет вальяжно и по-хозяйски вошел патлатый главарь с бутылкой вина в руках, следом просочился, как сквозняк, его хитромордый помощник, — какая замечательная шлюха. Слышь, Колвин, я давно хотел трахнуть эту мадам, даже больше дочки наместника.

— Любой хочет ее трахнуть больше дочки наместника, даже если мамочку дадут на сдачу, — поддакнул прихлебатель главаря, захлопнув дверь.

— Мы справимся и без вас, — я придал лицу безразличный вид, хотя и так понятно,

дело движется к драке.

— Ха, сержант, мы же в одном ранге, не надо быть таким жадным, — патлатый сделал большой глоток из бутылки, — ее можно задержать и после того, как попользуем. Когда еще представится такая возможность.

— Мальчики, если вы думаете удивить меня количеством, то зря, и уже точно не сможете поразить качеством. Так что давайте заканчивать этот балаган и пройдем вниз, — я не успел ответить, мадам Серна опередила меня.

— Пасть закрой и снимай свои драные юбки. Не люблю, когда что-то мешает. А ты, сержантик, вали отсюда, пока еще голова цела. Я сам доставлю ее куда надо, ты провёл нас внутрь и этого достаточно, — маски сброшены, морды представлены для осмотра. — Не кривись, этой сучке сообщили, что за ней придешь именно ты, поэтому нам и пришлось ждать. А теперь свободен.

— Боюсь, что расклад все же не в твою пользу, — проговорил я, разворачиваясь к нему, — двое против трех, а те, что внизу, прийти на помощь не успеют. Они заняты более интересными вещами. А мы пока ускользнем через черный ход. Я сильно сомневаюсь, что из этого кабинета есть только один выход, как, впрочем, и ты.

— Ха, — он скривил лицо, пытаясь стать еще страшнее, но меня подобные трюки уже давно не впечатляют, примерно после второй драки с подмастерьями кожевника. Неважно, насколько ты выглядишь угрожающе и опасно, когда до драки остается лишь несколько слов. Важны лишь умения, а я в себе уверен.

— Скоп, верно? — он ткнул пальцем в сторону моего приятеля. — Я знаю тебя. Слышал, как с тобой поступили, что ты теперь вечно в рядовых и на побегушках. И еще ты лишён возможности, скажем так, получить бонусы от местного населения. Просто отойди в сторону, и место в моем десятке за тобой, а там не пройдет и месяца, как получишь назначение на прежнюю должность капрала. У меня покровители более серьезные, чем у этих.

А вот это уже плохо. Не будь этой истории с серебром и Седым, я был бы уверен в крепости духа Скопа, но не сейчас. Более того, обида могла толкнуть его на скользкую дорожку. Скоп насупился и даже выпятил нижнюю губу, нагнулся вперед, выхватил бутылку и сделал продолжительный глоток, а после обратился ко мне:

— Сержант, без обид, но ты хреновый командир и еще к тому же беспросветно туп, — я на миг захотел поверить, что он резко развернется и разобьет бутылку об голову лохматого, показав актерские задатки, но увы Скоп был прямым, как лом, и настолько же непробиваемым глупцом.

Он взмахнул рукой, разбивая бутылку и делая пресловутую кабацкую розочку, и взгляд его уже не принадлежал стражнику. Там во всю сверкал подавляемый бандит. Удивлен ли я? Нет, пожалуй, раздосадован.

— Все сильно усложнилось, не так ли, сержант? — проговорил патлатый и неспешно извлек заточку из рукава куртки. То же самое проделал и хитромордый.

Я на миг прикрыл глаза. Намечалась основательная драка, а у меня не было ни моральных, ни физических сил. Но когда это волновало судьбу? Я отступил на шаг, чтобы под рукой отказался читальный столик с пухлым томом какой-то книги. Мел же уверенно сжимал в руках канделябр, кажется, так называется эта штукавина для свеч. И выглядел он с этим импровизированным орудием более свирепо, чем с мечом — сразу виден опыт библиотечных драк.

— Девятого Неизвестного мне под юбку, мужики, когда же вы поменяетесь? — простонала всеми забытая мадам.

Я скосил на нее взгляд и только поэтому приспустил момент, когда патлатому в грудь и шею вонзились два метательных ножа. Он даже удивиться не успел, как кровь хлынула темным потоком из горла. Главарь словно ребенок с нелепым видом закрыл рану ладонью и другой рукой пытался остановить кровь. Еще два ножа просвистели в воздухе, но куртка стражника спасла Скопа от ран. Горло он прикрыл рукой, а второй нож бессильно повис на вороте.

— Клятый, стражники, — проворчала хозяйка гостевых девиц, ловко избавляясь от юбки.

На меня прыгнул хитромордый, явно желая использовать эффект неожиданности. Я едва успел прикрыться книгой. Заточка глухо ударилась об обложку, я всем корпусом повернулся вбок, пытаюсь провалить атаку противника, но тщетно — слишком опытный враг попался. Ряженный стражник свободной рукой нанес удар в челюсть. Голову качнуло, но и только, слишком слабый удар. Я же пробил коленом в область живота, как показывал мой первый наставник. Противник хекнул и чиркнул острием по ноге, но лишь повредил штанину. Пользуясь моментом, я навалился сверху. Первым делом прижал руку с заточкой и после уже ударил книгой по лицу лежащему. Тот заблокировал удар предплечьем, это меня не смутило, я продолжил бить. И сила печатного слова взяла верх над телом — на пятом ударе я пробил в голову, по инерции добавил еще раз и только тогда успокоился.

Глотая воздух, словно алкоголик дорогое вино, выпрямился и, чуть пошатнувшись, заметил, как Скоп сражается с Мел и мадам. Не скажу, что они действовали слаженно, но и не мешали друг другу. Мел наотмашь махал подсвечником, а мадам так и норовила бросить какой-нибудь мелкий предмет предателю в голову. Но бывший стражник ловко уклонялся от ударов, правда, и сам атаковать не мог. Все сводилось к банальному — у кого первого закончатся силы, тот и проиграет. И Мел определено выглядел хуже, сказывалась тяжесть оружия, да и алкоголь хоть и добавил удали, но никак не сил.

Сглотнул ком в горле, пошел на подмогу. Увидев меня, Скоп рыкнул и кинулся в решительную и отчаянную атаку. Поднырнул под замах Мела и, приняв удар чашки в лоб, умудрился пырнуть моего друга в бок. Мел охнул, крутанулся, а я, уличив момент, от души впечатал сапог Скопу под подбородок. Пальцы обдало болью, но и предатель тряпичной куклой свалился на мягкий ковер.

— Чтоб меня Проклятые в посудомойки определили, где вы берете таких шустрых стражников? — пропыхтела мадам, валясь на диван с видом девушки самых честных правил. Картину благой нравственности портило отсутствие юбки и обтягивающие ноги плотные штаны.

— Лейтенант выдает, — глухо сказал я, подбирая заточку. — Мел, ты как?

— Больно, — простонал он и плюхнулся рядом с Серной.

— Хана дивану, а он, между прочим, работы самого... а впрочем, уже неважно, — мадам приподнялась на локти и глянула на рану приятеля. — Сейчас залепим смолой из южных островов. Ведь ты же сержант, его тут не бросишь? Так я и думала.

Хозяйка кабинета ловко поднялась и, качая бедрами, подошла к столу. Порылась во встроенном шкафчике, оттопырив зад, и извлекла шкатулку. Я, чтобы не глазеть лишней раз, отправился посмотреть, что творится за дверью. Аккуратно приоткрыл створку и, ругнувшись, как простой докер, снова запер ее, еще и позолоченный брус заложил в петли.

Внизу шла полным ходом форменная драка. Третий десяток бился с прилично одетыми вышибалами. Если число нападающих и обороняющихся было равным, то навыки преобладали на стороне местной охраны.

— Что там? — спросила мадам, обрабатывая рану приятелю.

— Там твои бьют наших.

— Безз меня задери в неурочный час, — она с силой ударила Мела по больному месту, того перекосило от боли, — да что ты за неженка, у меня девочки и то терпеливее.

— Может, внятно ответишь? — потребовал я от мадам, которая слезла с дивана и метнулась к шкафу, встроенному в стену. Оттолкнула створку и принялась выкидывать одежду прямо на пол, частично закрывая валяющегося Скопа.

— Что за времена начались, всем нужна моя голова, а не сиськи. Вспори эти долбанные шнурки, — приказала она, поворачиваясь спиной, время на глупости не было. Перешагнув через тело и лужу крови, я разрезал веревки в корсете, он глухо упал на ковер. Я же повоенному четко развернулся в другую сторону. Мадам ехидно заметила. — Мог бы и не отворачиваться.

— Так почему там бойня? — настоял я на своем вопросе.

— Скажем так, я заведую девочками и секретами, а охраняют меня те, кому не хочется делиться всем этим. Так что не ваши, не мои меня отсюда в добром здравии не выпустят, — пока за спиной шуршали одеждой, подошел к окну и отодвинул штору. Выход закрывали решётки из тех, что выламываются только тяговыми быками.

— Я надеюсь, выход у тебя предусмотрен? — я развернулся к Мелу через правое плечо, чтобы ненароком не увидеть голые тела мадам. Бел это явно бы не понравилось. А вот Мел себе ни в чем не отказывал, смотрел во все глаза, даже язык чуть высунул.

— Конечно, есть. Эй, Мел, ты еще там глаза не поломал, пялясь на меня? Нет, тогда оттаскивай диван в сторону. Сержант, давай помогай, — распоряжения от нее летели так же легко и естественно, как походка от бедра.

— Надо забрать Сэмса, — заявил я, когда чудо мебельного искусство отодвинули в сторону.

— Наоми о нем позаботится, — надевая обыденный чепчик на голову, сказала Серна.

В простецком платке, такие можно встретить у прачек или же молоденьких служанок, посланных в порт за рыбой, часть ее притягательности исчезла. Или же спряталась под простотой, но сейчас не лучшее время размышлять о привлекательности взрослой дамы. Серна упала на колени, тщательно обследуя ковер руками.

— Сэмс не сильно ладит с женщинами, — проговорил я, следя за ее действиями.

Мадам на миг замерла и вскинула удивленно бровь, но не так, словно бы поражена, скорей заинтересовано, и после мягко, будто бы ребенку, сказала:

— Ничего страшного, Наоми любого уговорит сотрудничать. Ага, вот оно, — резко вскрикнула Серна под тяжелый удар в дверь. — Хватай кольцо, сержант. И не пялься так на дверь, она выдерживала штурм гвардейского десятка и даже одного пьяного Одарённого сумела провести в замешательство, прежде чем вылетела с потрохами.

Кольцо оказалось на удивление маленьким, палец едва залазил, а вот люк тяжелым. Крикнул Мелу, чтобы подал веревку от шторы, вддел ее в кольцо, помогая ногами поднял крышку. Внизу оказалась труба, и я порадовался, что не обладаю широкими плечами, вот Кол сюда бы не залез ни при каких обстоятельствах. Серна ловко окутала ноги юбкой, скрестила руки на груди и сиганула внутрь, не давая нам времени на лишние вопросы.

Следом отправился Мел, предварительно зажав во рту какую-то деревяшку. Я же чуть промедлил, отчаянно хотелось забрать меч, но не настолько, чтобы это глушило чувство самосохранения. Сел на край трубы, глянул на стоически держащую оборону дверь и ушел в темноту.

Спуск оказался стремительным и захватывающим. Если бы не спешка и отбитая нога при остановке, то повторил бы еще раз с большим удовольствием. Выкинуло нас в небольшом подвальчике, пахнувшим пылью и застарелой древесиной, аж нос зачесался. Едва я выпрямился, как в трубе что-то гулко ухнуло. Видимо, проход заблокировала мадам, отрезая возможную погоню. Зашуршали платья, и чуть дальше от меня приоткрылся двухстворчатый люк. Я поспешил на помощь пыжившейся женщине. Вдвоем мягко приоткрыли одну створку, и я аккуратно выглянул наружу. Темный пустой проулок, освещенный раненой луной. Я покрепче сжал заточку и выбрался наверх, после помог Мелу и Серне.

По сути, с длинным шилом в руках, я чувствовал себя крайне неудобно в бурлящем городе, все-таки меч придавал больше уверенности. И его отсутствие беспокоило меня больше, чем возможные проблемы. Немного поплутав по улице, я сориентировался на местности, и дальше мы выдвинулись строго к дому Судьи.

Но добраться быстро не вышло, приходилось обходить скопища людей и мрачные переулки. Один раз даже прятались в недостроенном доме, пока легионеры под предводительством Храмовника вытягивали из пятна на брусчатке странное существо, с панцирем на спине. Оно всячески пыталось улизнуть в портал.

Осторожность и здравомыслие довели нас до нужного адреса. На улице стражи не заметили, но все равно решил перелезть забор сбоку, благо он едва превышал человеческий рост. Пришлось подсаживать не только мадам, но и Мела. Сам я подпрыгнул, с трудом подтянулся и, закинув ногу на гладкую вершину, перевалился в сад и снова упал на левую ногу. Скрипнул зубами от боли и последовал за Серной, двигающейся уверенно, будто не в первый раз посещает особняк таким способом.

Я думал, зайдем со стороны кухни, но нет, мадам завела нас в небольшую веранду и там, найдя ключ под статуей лягушки, открыла дверь. Прошли по плохо освещенному коридору и совсем неожиданно вышли в обширную гостиную.

— Девятеро мне под юбку, — ругнулась мадам и было отчего.

В гостиной стоял наш капитан ан Корн и еще двое его подчиненных. Не знаю, кого ожидала увидеть Серна, но я лично ждал лейтенанта. На осмотр интерьера времени не хватило, ибо стоило нам появиться как здоровяк, когда-то принесший мне приказы в казармы, вышел вперед и, улыбаясь, словно мясник хорошей вырезке, сказал:

— Какая приятная встреча, — проговорил он, медленно вытягивая огромный ножик из-за пояса, — сейчас я кому-то укорочу язык.

Я глянул на капитана. Тот демонстративно отвернулся и после обратился к женщине, голосом полным власти и незыблемой уверенности в своей правоте:

— Мадам Серна, идите за мной, — хозяйка борделя не придумала ничего лучше, как спрятаться у меня за спиной.

— Марон, устрани преграду и приведи ко мне эту девку, — буднично проговорил капитан, мысленно уже строя дальнейшие планы. И его можно понять: два побитых стражника против трех, да еще и одного Обра — расклад с явным исходом.

Громила резко шагнул вперед, попутно выкидывая руку с клинком. Я качнулся, тесак

пролетел настолько близко от моей головы, что показалось, он умудрился обрить мне щеку. От следующего взмаха я уклонился, присев. Шанс выйти из драки живым оказались меньше, чем при встрече с мертвым легионом.

Ногу прострелило болью, и я присел на колени, выкинул руку с шилом, но противник легко ушел от укола. Тяжело поднялся, глотая воздух, словно загнанная лошадь, и это я только уклонился от первой атаки. Тесак описал восьмерку перед моим лицом, я шагнул в сторону. Нет, до стула не доберусь. Новая атака и снова приходится козликом прыгать назад, врезался в стену. Да эта мразь со мной играет, растягивает удовольствие?

— Да прикончи ты его, — рыкнул злобно капитан, не поворачиваясь.

— Я пытаюсь, — проскрипел амбал.

А может, и не играет.

Новая атака, и я заметил, как тень упала под ноги убийце. Мел, выигрывая мне драгоценные мгновения, и я не сплеховал, швырнул шило в лицо противнику, а сам метнулся вперед, сбил амбала с ног. Едва успел перехватить тесак при падении. Мы оба замерли в позиционной борьбе. А на чистых инстинктах ударил лбом в область нос раз-другой. Противник вынужденно закрылся предплечьем. А я продолжил наносить удары уже кулаками. Мысленно отметив, что мне повезло, я ошибся — передо мной не Обр, а обычный, пусть и очень сильный, человек.

Очередной удар в голову, и я взвыл от боли в пальцах. Не придумав более ничего действенного, стал забивать противника локтем. Когда тело врага перестало подавать признаки жизни, хрипя, я выдохнул и почувствовал, как меня поднимают с двух сторон, а капитан орет:

— Взять их, болваны!

Меня оттащили к какой-то двери, голова шла кругом, а рот никак не мог напиться воздухом. Среди витающих красных кругов заметил Серну и тусклый блеск стали в ее руках. Неожиданно меня втолкнули в маленькую комнатку для прислуги. Едва дверь закрылась, как упал шкаф, перекрывая вход, а после уже остальная мебель создала баррикаду. Руки появились в просвете щели, но Мел нагло их колол заточкой. Все это прошло у меня в голове как рваные картинки, я почти не понимал, что происходит и почему именно так. В висках стучали молотки, вбивая все здравые мысли в глубины подсознания. У меня не осталось сил ровно ни на что.

Спустя какое-то количество времени, я расслышал голос лейтенанта с приказом открыть дверь. Пришлось повиноваться, разобрали баррикаду и вышли на свет ламп. В гостиной толпилось уже с десятков рассерженных бойцов. Я охнул и выставил перед собой обломок ножки стула.

— Не дури, сержант, — проговорил незнакомый мне стражник в дорогой форме.

— А вы кто? — озвучивать вопросы куда легче, чем махать обломком деревяшки.

— Гвардия его Имперского величия.

— Аха, — я опусти оружие и мне тут же заломили руки, заставляя встать на колени.

— Сержант Грант... ты арестован по обвинению в предательстве и попытке убийства мирных жителей...

Дальше не слушал, сказанного с лихвой хватало на свидание с палачом.

Часть вторая Глава 5

Глава 5

Я стоял, подняв подбородок вверх, и наслаждался солнечным теплом в виде луча из узкого окна. Не слишком долго, толком согреться не успевал, только и хватало лицо обогреть, все остальное время приходилось мерзнуть в промозглой камере. Но это не самое худшее. Больше всего эти два дня угнетала боль: тугая, давящая, выматывающая в кисте и плече. Как бы я ни пытался, а смириться и притерпеться не получалось. Видимо, не быть мне прославленным воином, что с отрубленной рукой еще полчаса уничтожает врагов, а после помогает раненым. Нет, я из другого теста, боль — это явно не про меня.

Луч света соскользнул с лица. Я вздохнул и отправился на валяющуюся в углу камеры дряхлую циновку. Аккуратно нагнулся и сначала упал на колено, после завалился сам, опираясь спиной об стену. Пристроил больную руку поудобнее. Я, конечно, понимаю, в драке можно пострадать, даже если бьёшь, но чтобы настолько, это просто кошмар. Кисть распухла и посинела, пальцы не гнулись. Думается мне, еще пару дней без помощи лекаря и я перейду в статус инвалидов. Придется идти нищенствовать, ибо одноруких стражников я не видел. Тем более отслуживших едва ли пару месяцев. Это при условии, что я выберусь отсюда живым.

За два дня со мной поговорили только единожды. Пришел лысый мужичок в потрёпанной одежде, с грязными рукавами от чернил. Разложил переносной столик и флегматично стал задать вопросы. Я отвечал честно, все как есть, он скупно записал мои слова и ушел. А я остался один со своей болью и полным непониманием ситуации: как про себя, так и про мир снаружи. Стражник, приносящий еду, даже не ругается, когда я приставал с вопросами.

Когда тишину разбавили приближающиеся шаги, я сразу понял — это за мной. Поступь моего охранника я хорошо изучил — он шаркал одной ногой при ходьбе. Шипя от боли, поднялся, отряхнул одежду, придавая себе честный и невинный вид, настолько смог, конечно.

Металлическая створка отворилась, и в камеру вошел крепкого вида стражник с кандалами в руках.

— Руки, — коротко приказал он.

Я подчинился. Кандалы, противно звякнув, закрылись на запястьях. На распухшем левом едва сошлись. Поморщился от нового всплеска боли. Крякнув, стражник согнулся и нацепил еще одну пару стальных браслетов на ноги, после протянул между ними цепь. Это все выглядело нелепо, меры предосторожности, как против сверхопасного преступника. Хотя в неряшливых действиях стражника читалась командирская воля, а не желание обезопасить мир от меня.

— Пошли, — новый приказ с сопутствующим толчком в спину.

Звения цепями, вышел в коридор. Там нас дожидалось еще двое стражников уже моложе и одетые в парадную форму. Им бы маршировать на площади перед Наместником, а не по камерам сновать. Оба сжимали в руках странного вида лампы в виде светящихся шаров на палке. Ни слова не говоря, пошли вдоль коридора. Я по центру, они, соответственно, по краям. Передвигаться, закованным в цепи — та еще задачка. Я не сразу приноровился, чтобы успевать за быстрым шагом и не спотыкаться.

Выйдя из подвальной части здания, поднялись по лестнице и далее двинулись по более широкому коридору, к моей радости, освещённому солнцем из высоких окон, пусть и узких, даже ребенок не пролезет. Я радовался теплу, ширя рот в улыбке. Поход завершился возле невысокой двери, даже мне пришлось сгибаться, дабы пройти. Один из сопровождающих забрал лампы, другой толкнул меня вперед и после последовал за мной.

А за дверью меня ждал суд. Тут не ошибёшься. Просторное помещение с высокими потолками и окнами во всю длину стены, с краю клетка, куда я, собственно, и попал. В торце помещения трибуна, за которой восседало три человека в серебристых мантиях, В честь Серебряной Звезды Одарённой, что в стародавние времена вершила суд над всем миром. По центру сидела женщина с суровым лицом и настолько сильно прищуренными глазами, что они казалось закрытыми. По бокам двое мужчин. Один узловатый и возрастной, другой по-юношески тощий и с чуть испуганным лицом. При моем появлении разговоры смолкли, и судьи принялись меня рассматривать. Слово по внешнему виду можно полностью понять степень виновности.

На плечо легла тяжелая рука и вдавила вниз. Пришлось брякнуться на колене, левое как обычно кольнуло в знак солидарности с болью в руках. Но это не помешало мне рассмотреть других посетителей суда. Ближе всего расположился на скамейке лейтенант ан Ворн, с абсолютно бесстрастным выражением лица и в обыденной форме стражника. Рядом суетился до отвращения разодетый франт. Дальше находился капитан ан Корн в парадной форме и с лицом, отражающим нервозность человека, отвлечённого от чего-то важного. Между судом и сидящими стоял обвинитель в белой накидке. Правда, в честь чего такой выбор одежды, я не знал. Но думаю, Мел объяснит в случае чего. Парень в белом неспешно раскладывал листки бумаги на круглом столе.

Пока я рассматривал обстановку, зачесался нос. Я погримасничал лицом в попытке унять зуд, но где там. Пришлось согнуться в три погибели, дабы дотянуться пальцами до места раздражения.

— Обвиняемый, встать, — грохнул старческий голос.

Как бы я ни старался, но выполнить приказ максимально быстро не вышло. Нет опыта ношения кандалов, пришлось стражнику мне помогать.

— Грант из Таймера, вы признаете свою вину? — старуха придавила меня голосом.

— Э-э-э, в чем? — рассеяно и чуть заторможено спросил я.

— Обвинитель Гольствор? — бросила раздраженно главная судья.

— Сержант Грант обвиняется во множестве преступлений и самое страшное из них — это предательство Империи, — обвинитель собрал в горсть часть бумаг и, развернувшись к суду, потряс ими. — Вот они, доказательства. Он сколотил банду, выкрал артефакты и убил... убил почтенного горожанина.

Его эмоциональная речь не произвела никакого впечатления на присутствующих. Лишь младший из судий махнул рукой, прося бумаги к ознакомлению. Получив просимое и сдержанно прошуршав листами, проговорил:

— Здесь просто ваши рассуждения и нет доказательств. Да, они логичны, но выстроены без доказательной базы, лишь на предположениях.

— Давайте не будем разводить балаган, как на народных слушаниях. Тут трибунал и все должно быть четко и по фактам, — сурово проговорила главная судья, забирая бумаги от младшего. — Первое обвинение в краже артефактов. Защитник Карсон вам есть что сказать?

Франт картинно вздохнул и, вышагивая, словно по парку в окружении легкомысленных

девиц, заявил:

— Вся операция по ликвидации Ченка из Трунса, более известного как Рыба, проходила под пристальным контролем капитана. Вот приказы, — на стол младшему судье легла еще стопка бумаг. Юный судья перебрал их в руках, а мне лишь осталось поразиться скорости его чтения.

— Да, тут все приказы, заверенные личной печатью капитана ан Корна, — сообщил младший из судий.

— Вздор, — капитан вскинулся со своего места, — во всем виноват этот проклятый ан Ворн и его прихвостни. Хватит тратить мое время, объявляйте приговор.

— Капитан, сядьте, — старушечий голос не терпел возражений, — здесь вам не провинциальный суд, где слова анов звучат громче судебных. Значит, вы отрицаете, что это ваша печать и ваши приказы.

— Печать моя, приказы нет, — горделиво заявил капитан.

— Суду понятна ваша позиция. Что вы скажете о пропаже денег от сделки с Рыбой? Защитник?

Франт снова прошелся от своего стола к судебскому и выдал потрёпанного вида бумагу. После изучения оба судьи покивали и проговорили.

— С этим понятно, — конечно понятно, деньги пропали при Мертвой тишине и никто не рискнет лишний раз упоминать ту ситуацию, ибо неизвестно как конкретно действует его Дар. А погибать из-за глупого слова ой как не хочется.

Ранее мне не доводилось присутствовать на судебных заседаниях и тем более на трибунале. Но интуиция подсказывала — судебный процесс проходит не совсем стандартно. Тут скорей семейная перепалка, где виноватым должны назначить прислугу в моем лице, а после разойтись по своим делам.

— И мы так оставим этот вопрос? — тут же возмутился обвинитель.

— Озвучить свои претензии в полный голос, и мы их послушаем? — предложила старшая судья, откидываясь в своем огромном кресле.

— Но... — обвинитель посмотрел на капитана. Тот недовольно махнул рукой, мол, давай, выкладывай, — я, пожалуй, оставлю этот вопрос на другой раз.

— Он украл эти деньги и прикрылся этим Неизвестным и... — вспылил капитан, но резко умолк, а лицо его окрасилось белым.

— Продолжайте, ан Корн, — впервые вмешался в разговор третий из судий.

— Нет. Я капитан, а не обвинитель. Но мы все понимаем, что там произошло на самом деле.

— Мы знаем только то, что один из стражников оказался не слишком благонадёжен и убежал с деньгами. А сержант не успел ему помешать. Кстати, это ведь по вашему приказу он получил данных людей? Как и третий десяток ночной стражи. Как вы вообще допустили принятия их в стражу? Там было как минимум трое обвиняемых в пиратстве, и еще двое бывших каторжников.

Я не удержался и поднял уголки губ в подобии улыбки. Ибо капитан смотрелся крайне забавно в своей бессильной ярости.

— Я не обязан отчитываться за свои действия. Тут судят этих преступников, а не меня, — прозвучали слова с вызовом и неким намеком на силу. Но, видимо, суду сам Проклятый не указ, старуха лишь проговорила:

— Суду понятны ваши слова. Защитник?

— Да. Лейтенант ан Ворн неоднократно писал просьбы разобраться в ситуации. Но они все были проигнорированы, вот бумаги в подтверждение этого, — еще одна кипа документов легла на стол младшего судьи.

А до меня дошла парадоксальность ситуации — мир изменился. Он перевернулся с ног на голову. Раньше суд слушал слова, и чем выше был статус говорящего, тем убедительнее они звучали, но сейчас... Сейчас бумага, закреплённая печатью, решала куда больше. И, наверное, недолго тот час, когда самого Императора можно будет прижать листком бумаги. От подобной крамольной мысли я вздрогнул и спину пробил холодный пот. Нет, уже слово императора всегда будет важнее любой бумажки. Видимо, эта мысль витала в воздухе, потому что ан Корн снова вскочил со своего места с криками.

— С каких пор слова ана, стали мельче какой-то писанины?

— Но ведь ан Ворн такого статуса, что и вы? — прогорел третий судья.

— Этот нищий... — и снова ему пришлось заткнуться, ибо следующий ответ судьи мог прозвучать как: «Когда это деньги стали важнее слова ана?» И пусть это всего лишь малосовместимый с жизненными реалиями укор, но это не отменяет право на озвучивание. — Я более отказываюсь принимать участие в этом балагане.

Но сказав это, капитан никуда не ушел, он зло опустил на скамью и демонстративно перевел взгляд в окно.

— Продолжим, — судья вернула себе строгую осанку на стуле, — сержант Грант также обвиняется в убийстве сержанта Марона. Защитник?

— Это была вынужденная мера. Получив устный приказ от капитана, сержант Марон напал на сержанта Гранта, рядового Мела и Сестру Серну. Вот свидетельства сестры милосердия Серны, — фронт снова положил листки перед младшим судьей.

Вот интересно, у него на все случаи жизни есть отписки? Хотя это неважно, куда интереснее, как мадам Серна стала сестрой Серной? Даже не как, а когда? Ибо ее знания наверняка смогли купить не только жизнь, но и место под солнышком, теплое и без всяких бед. Сестры милосердия и сами могут дать отпор многим, а кому нет, то придет Скучный и тогда уже кара будет неизбежна. Обычная, неинтересная, где-то во второй половине вторника.

— Да, сестра Серна описывает нападения сержанта Марона в мельчайших подробностях и... в необычной манере. Но безусловно сержант Грант действовал во благо Империи.

— Вздор, — прорычал капитан с перекошенным от ненависти лицом, — мой отец разберется с вами и этими...

— Суд учел ваше мнение, — сухо проговорила главная судья.

А дальше пошли совсем уже надуманные обвинения. Почти все они даже не нуждались в бумажных опровержениях. Я слушал перепалку в пол-уха, понимая: я тут вроде мебели, на которую иногда нужно тыкнуть пальцем. Лейтенант же скучал, скорей всего, его грандиозный план, прошёл на диво хорошо. И сейчас уже неважно, это сработал его тактический гений или же помогла госпожа удача. Он наслаждался финалом. Одно обидно — меня попользовали по полной программе и почти повесили всех собак, не выдав даже жалкой кости в виде вознаграждения. Но я еще не в петле, и защитник то и дело выкладывает бумажные опровержения.

После суда я думал, меня снова определят в камеру, но нет — привели в квадратную комнату со столом и стулом, приколочеными к полу. Когда сняли кандалы, простонал от счастья, пусть и конвоир посмотрел на меня крайне раздражительно. Он, наверное, привык к

стойкости заключённых. Я расположился на стуле, с максимально возможным комфортом, то есть вытянул ноги и положил больную руку на живот. Все-таки прав был наставник — счастье в мелочах.

Ожидание затянулось до самого вечера, и не скажу, что все это время я был беспечен и расслаблен. Первое время минимальный комфорт радовал, но после ожидания сдавили мысли похуже кандалов. Все мои призывы к ответу ушли в камень и массивную деревянную дверь.

Когда я уже смирился с новой камерой и неизвестностью, дверь отворилась. В полумрак вторгся невысокий человек в добротной одежде купца, правда, строго выверенной и застегнутой на всевозможные пуговицы. Лицо узкое, улыбка холодная, глаза рассмотреть не вышло — света от лампы стражника явно не хватало. И сразу сложилось впечатление — любой торг не уместен. Это как пытаться выбить с пинка выросший в землю валун. Только себе вредить.

— Сержант Грант, а вы очень интересный человек, — голос оказался обыденным, без каких-либо отличительных черт.

Стражник поставил лампу на стол, дождался кивка от странного посетителя и только потом вышел, прикрыв за собой дверь. Странный гость остался стоять, заложив руки за спину.

— Какой есть, — после паузы ответил я.

— Да, именно, ты такой и есть. Интересный. Я первый советник наместника ан Анкватн. Меня зовут Кияло... просто Кияло без лишних приставок. И я с любопытством изучил твоё дело и тебя. Знаешь, любой на твоём месте уже бы примерял на себя кандалы на каменоломне, или же изучал весла на речной лагере. Однако ты выкрутился и при всем при этом остался в должности стражника. Чудо.

Я нахмурился. Все эти лестные слова как пара соломинок на каменном полу. И сейчас этот вежливый господин обрушит на меня факты, скидывая вниз.

— Суд только что завершился. Ты оправдан, тебя поддержали почти все: от рядовых стражников, до Майрона, более известного как младший брат Скучного. Даже враги, казалось, играют на твоё освобождение. Все люди, события вокруг тебя сложились так, что ты оказался невиновен. Молчи, — приказ прозвучал едва ли не раньше, чем я захотел открыть рот, и властный человек продолжил наслаждаться своим монологом, — я все расскажу сам. Когда я увидел полную картину происходящего, то заинтересовался тобой. Пришлось потратить много времени и расспросить кучу людей, чтобы кое-что прояснить. И вот что сложилось из разрозненной мозаики. Ты Одарённый. Да, я знаю про справку. Но факты говорят об обратном, твой талант — притягивать нужных людей. Нужных тебе людей.

Ты попал в правильный легион, у тебя был правильный сержант; верные друзья: Кол, Мел, Михлан — все они важны для твоего продвижения и развития. После ты добил трех Проклятых, тем самым сделав простой меч сильным артефактом. Следом встретился с младшим Скучным, ни с кем иным. Любой другой Одарённый не был бы к тебе настолько великодушен, да и его сестра Аглая тоже внесла свою роль в твоё спасение и продвижение.

Все шло гладко, словно кто-то написал сказку со счастливым концом, но дальше больше. После, благодаря человеческим факторам, тебя скинули в Яму из Золотого города, где тебя бы за неделю уничтожила бы местная аристократия. Но не на самое дно, а аккуратно туда, где можно не спеша постигать премудрости начинающего командира. А в командующих у тебя два ана, борющихся за власть, и они тебе не перемололи, и ты

оказываешься в нужное время для решения нужных задач. И потом к тебе в десяток определяют контрабандистов с нужными навыками.

После ты связываешься с Рутром ростовщиком, и он известен своей осторожностью и желанием минимально вкладываться в дело. Поэтому в катакомбах тебя ждут его вышибалы — грозный, но вполне убиваемый враг. Найми он тех же Плешивых Котов, и вас бы уже никто и никогда бы не нашел. И это только то, что лежит на поверхности. Копни я глубже и явно найду еще очень много подобных совпадений. Так что ты Одарённый, как ни крути.

За время монолога первого советника я расслабился, пропуская большинство слов мимо своего сознания. И тут виной не неуважение или забористая доза пофигизма, нет. Я отчаянно думал, как выпутаться. Так, чтобы не обрушить новую лавину из фактов.

— Это все случайности, — произнес я банальную глупость. А что еще остаётся? Переиграть высокостоящего чиновника в словесной баталии я уже точно не смогу, — будь я Одарённым, не прозябал бы в камере. А крушил бы врагов и совершал подвиги.

— Вот это мне и интересно, почему с таким талантом ты все еще тут? Брось, мы оба понимаем, что Дар — это не только умения сворачивать горы и сжигать все на своем пути, но и кое-что не... — он едва заметно кивнул. — Кое-что незримое. Я Одарённый, мой Дар — решать проблемы, когда быстро, когда не очень, но я всегда прихожу к ответу. Маршал Элимен Борнорал всегда выигрывает сражения, даже когда кажется, что шансов нет. Миалон ан Варстан всегда предсказывает правильный урожай зерна. А Император... впрочем, тебе эти примеры не совсем нужны, суть ты уловил.

Я кивнул. Оспаривать бессмысленно, высокий чиновник уже уверовал в свои выводы. А лезть с пояснениями — это только себе вредить.

— В храме ничего не нашли.

— Да так и есть. Три проверки, и все показали, что ты бесталанный. Это тоже интересно. Мне Беззлийкий знает, как интересно решать твою головоломку: к чему ты идешь, что ждет тебя дальше. Видишь, даже я попал под твое влияние. А ведь я просто сопровождал мадам... сестру Серну в суд. Но не волнуйся, твой секрет останется при мне, пока я не пойму, что ты затеял и насколько это выгодно Императору.

— Нет секрета. Я просто хочу быть стражником, — глухо заявил я.

Советник наконец-то улыбнулся по-настоящему, без фальши.

— Я знаю. Еще увидимся, — и вышел за дверь.

***

У мягкого осеннего солнца хватило сил, выпаривая из древесины приятный запах, попутно разворошив воспоминания из детства. А они уже породили улыбку и вывели настроение на приятный рабочий лад. А еще я вспомнил, что древесину нужно резать в определенное время и давать просушиться в штабелях, а не тащить на стройку сразу после распилки. Но Вечный город поглощал все без разбору. Особенно с учетом новостей, что сам Император прислал своего личного зодчего на восстановление города. И это существенно поменяло правила игры.

Я обошел повозку с деревянными брусами, больше рассматривая, как закреплен груз, чем ища что-то незаконное. Обогнув телегу, приблизился к простоватому одетому мужику, разговаривающему с капралом.

— Значит, едешь прямо, там увидишь вывеску «склады». Читать обучен? — кивок в ответ. — Тогда следуй указателям.

— Дык мне не нужно на склады, господин капрал. Я должен прибыть к подворью купца

Лойта, — затарантили мужик, теребя шапку в руках.

— А мне требуется соблюдать порядок продвижения через ворота, — сурово заметил капрал. — Ты своими волами всю улицу до ночи перегородишь. Все, пошел или давай на разворот.

Мужик ругнулся одними губами, когда капрал отвернулся и, столкнувшись со мной взглядом, оторопел. Я не стал упрекать или тем более орать на извозчика. Его понять можно — попал в жернова между законом и хозяином, хоть тихой руганью может выразиться свое недовольство. Волы сдвинулись тяжело с натугой, таща солидный воз стройматериалов.

Новая система распределения грузов внутри города работала хоть и не совсем хорошо, как планировалось. Люди всегда останутся людьми, но все равно значительно облегчила передвижения. Заторов стало в разы меньше. Правда, недовольных купцов и возничих прибавилось, но это город уже точно переживет.

Теперь одна из задач стражи — перенаправлять грузы, что сильно усложнило жизнь сержантам и капралам. Я же обычный рядовой. Мое дело малое — проверить надежность крепления и отлов тех, кто хочет проникнуть в город, не заплатив пошлину. У нас здесь на Каменных воротах празднующихся людей не терпят. Для этого есть Южные и Центральные. Один воз только ушел, как на смену ему сразу показался следующий. Вроде стражники за воротами должны придерживать торопыг, но, видимо, и там толчея.

— Стоять, — крикнул я, хватая животное за уздцы.

— Эй, ты чего? — послышался гортанный выкрик, и с козел спрыгнул детина, как говорится, кровь с молоком, и праведным взором. — Руки убрал. Где сержант? Я спрашиваю где?

Я проигнорировал крики, таких наглых тут каждый пятый. Пошел обследовать груз. В этот раз везли доски, аккуратно уложенные и гладко выструганные. Да, товар дорогой. Дитина продолжал орать и грозить каким-то аном, но это дело не мое, а капральское. Медленно шагая, подергал за веревки, после подивился добротным колесам со страной обивкой, вроде и железо, а вроде и нет. Стучат по булыжной мостовой как-то странно, словно по мягкой траве едут. Обходя телегу, пригнулся под кобыльей мордой. Парни перед воротами совсем мышей не ловят, животные друг друга скоро толкать начнут.

Не успел выйти из тени на солнце, как послышался новый вопль возмущения от детины:

— Ах, ты же тварь драная, доски мне портить, я тебе... — и после вскрик боли. Я ускорил шаг, положив руку на эфес меча.

Клинок мне вернули в казарме под роспись, вкупе с разрешением на ношения при службе через день после назначения на ворота. При виде нестандартного клинка, новый сержант озверел и пытался в приказном порядке купить меч. Но его порыв остудил издевательскими шутками Мел.

Я остановился в нескольких шагах от капрала, умело заламывающего руку детине. Тот, стоя на коленях, пыхтел и тужился, но вырваться не смел, ибо любое движение грозило сломанной конечностью.

— Ты вошь с задницы Безза, Крыску посмел тронуть. Да тебя за это... — наглек застонал, когда его рука начала выгибаться под неестественным углом.

— Капрал Маилон, отпустите его, я уже записала адрес купечества и к вечеру вышлю претензию, — мягко, почти ласково проговорила миниатюрная девушка в форме Гильдии Звероловов.

— Грант, — рывкнул капрал.

— Чисто, — спокойно ответил я, смотря, как мордovorот выпрямляется, обжигая нас ненавистным взглядом. Он вроде как наметился плюнуть капралу под ноги, но, видимо, некий зачаток самосохранения остановил от столь опрометчивого поступка.

Воз двинулся, я поравнялся с Юной и нежно, едва касаясь, погладил ее питомца между ушами.

Юна была приписана к нашему десятку и являлась заклинательницей Ишанских котов — помесью обычных котов и некой потусторонней сущностью. Это животное легко находило вещи с напитанной энергией: от амулета до проклятых камней, хоть в общей куче мусора, хоть запрятанные в тайник под помостом телеги. Да это сильно выматывало животное и больше трех-четырёх раз за день их вот так не погоняешь на досмотр. Но и просто пробежав по грузу, дивное животное могло заметить что-нибудь вредное. Сама же Юна хоть и была старше меня на пару лет, но выглядела сущим подростком. Выдай ее платье и дай в руку ветку, один в один дитё, играющая с котенком.

— Крыска, не бойся, — заговорила девушка, поглаживая своего питомца, — этот грубиян заплатит сполна за свое поведение. Уже я ему счет выпишу.

Выглядела моя приятельница грозно и от этого крайне умилительно, но я знал — угроза реальна. Гильдия умела выбивать компенсации за хамство.

Не успел я приступить к новому осмотру, как послышался шум копыт, и долговязый возница спешно оттянул коня в сторону. Каменные ворота хоть и шире обычных, но не настолько, чтобы без помех пропускать двух конных за раз. Шум копыт чуть стих, и я увидел, как из арки ворот медленно въехал некто в чине капитана, следом за ним двигался сержант, и после я, к удивлению, обнаружил Вилку. То есть почтенного Вилмена ан Дорна собственной персоной. Вот интересно, что внутренняя стража забыла в наших краях? Конные прошли мимо, мой бывший подчинённый остановился и, склонившись, протянул руку, я пожал. И он с каменным лицом поспешил за своим начальником. Я ухмыльнулся.

— Хм, Грант, а у тебя занимательные знакомства, — пнув меня локотком, сообщила Юна. Я пожал плечами, говорить что-либо казалось лишним.

После глобальной чистки города от преступности, весь наш десяток раскидали. Тихий и Михлан остались при порте, но уже в должностях капрала и сержанта. Сэмс ушел в подчинённые лейтенанта ан Ворка. Вилка стал адъютантом капитана внутренней стражи. А нас с Мелом отправили сторожить Каменные ворота в званиях рядовых с приказом быть за такую милость благодарными. Мы приказы блюдем — мы благодарны.

Помню, как пришел к тете Палли после ареста: грязный, побитый и полный решимости забранить свои вещи. Но получил отповедь, что нормальная женщина никогда не бросит сержанта, пусть и временно бывшего, в беде. После ко мне наведальса сама Аглая и долго измывалась надо мной как в целительском смысле, так и в моральном. Она никак не могла поверить, что я такой дурак отказался от помощи ее сестры по ордену. Через неделю после лечения, получил назначения на Каменные ворота.

И что самое забавное — все как-то разом позабыли о моей причастности к убийству Рыбы. Вернее, помнить было некому. Рыба перехитрил сам себя — он настолько боялся утечки информации про взрыватели, что о них и, соответственно, о нас, знали хорошо, если с десяток человек. И все они мертвы, почти. Рут ростовщик каким-то образом стал распорядителем мелкой лавки по сбыту ягод и грибов.

Капитан ан Корн с позором отбыл в столицу, ибо все его решения оказались провальными, и только благодаря армии и своевременным действиям лейтенанта ан Ворена

ситуацию смогли выправить. После той ночи на кухне тети Палли, мы с лейтенантом, а теперь уже капитанам всей стражи Нижнего порта, не обмолвились ни словом. Кажется, он предпочел забыть о моем существовании. Как по мне, так это и к лучшему. Иметь в знакомых интригана без каких-либо принципов — это верный путь быть сожженным по пути его триумфа. Надеюсь, Сэмс это тоже понимает.

А сам Вечный город сейчас претерпевает значительные изменения. Все предыдущие планы застройки отменены и заморожены до весны. Новый имперский зодчий все перекраивает по стандартам Императора. Оттуда деньги? Так понятно — изъяты от бандитов, ростовщиков и других криминальных элементов. Теперь их накопления служат империи, и Император строит город, а не криминал. Средства лишь поменяли владельца.

Закончив смену, отправился в пристройку для отдыха стражников. Небольшое по размеру помещение, приди весь десяток разом, и пришлось бы тесниться и толкаться плечами, но для пятерых людей и одной кошки места хватало.

Я уселся возле приткнутого к стене небольшого столика и аккуратно налил квасу, давая отдых гудящим ногам. Лениво ворочал мысль, что ноги, пожалуй, самая важная часть в теле стражника. В этом я убедился на своем опыте, пусть и не слишком большим.

— Грант, я же говорил, что к этому напитку из лесной провинции привыкаешь быстро и навсегда. Я ты только пыхтел и сомневался, — проговорила Юна, поглаживая кошку под подбородком. Та, лежа на коленях, мурчала едва ли не громче, чем мы разговариваем.

— Просто выразил здоровый скептицизм, — лениво возразил я и тут же сделал маленький глоток. — Я половину настоек тети Палли пить не могу, а люди ходят, хвалят. Так что у меня были основания сомневаться. Вот Мел до сих пор его пить не может.

— Я его не пью, потому что он очень сильно напоминает пиво, — проворчал мой приятель, с хмурым видом рассматривая бумаги на столе у сержанта.

Наш сержант Пайк, человеком во всех смыслах старой закалки, и как огня боится бумажной работы. Но стоило ему прознать про книжника в десятке, как Мел после смены еще и бумагами стал заниматься. Мелу не сложно, сержанту приятно — все довольны. Мы поэтому и задержались в сторожке, пока приятель возился с отчетами.

Дверь неожиданно отворилась и внутрь стремительно проникла Бел в легком платье, с простой, но крайне красивой причёской. В руках она держала плетеную корзину. Я сразу же встал, опередив сержанта, забрал ношу у девушки, попутно получил поцелуй в щеку. Кислый запах бытовки разом пропал под давлением ароматов сдобы. Моя прекрасная девушка ушла от купца Лейна сразу после глобальной зачистки. Расстались они вроде нормально, без взаимных претензий, и спустя полдня Бел уже трудилась в небольшой пекарне.

— Белинка, ты знаешь, что твой парень — жуткий зануда? — тут же пожаловалась на меня Юна.

— Это только на работе, — мягко проговорила Бел, снимая тряпку с корзины. — Так он очень забавный, смешной и заботливый. И да, хватит звать меня Белинкой, для тебя я уже давно Бел. Сержант, ваш любимый черный хлеб по рецептам провинции Май.

Статный кражистый мужик, с вечно застывшей маской усталости, одобрительно хмыкнул в усы и забрал свою долю хлеба. Бел тем временем быстро распределила весь товар среди присутствующих и капрала тоже не забыла.

— Ой, слабо мне в это верится, — разламывая душистую булочку, продолжала нагнетать Юна, явно меня дразня.

— Честно, — Бел скользнула к девушке, присела на корточки и аккуратно погладила

разомлевшую кошку по спине, — вот недавно он мне рассказывал, как будучи молодым и дерзким, с приятелями заставили поверить Бражника, что с ним на свидание пойдет русалка. Я смеялась весь вечер. О, кстати!

Она резко поднялась, развернулась, шурша юбкой, подошла к корзине и достала небольшую бутылку вина. Улыбнувшись, протянула мне.

— «Самый ленивый сержант», — прочитал я название. — Никогда раньше о таком не слышал.

— С утра прислали тети Палли, некий твой приятель. Мы с тетей уже одну попробовали, стоящая вещь. Так что приглашаю всех провести остаток вечера в нашей с Грантом компании. Тетю я уже уговорила. И да, капрал Талли, вы тоже заходите.

Из-за бумаг послышался тяжелый вздох.

— Ой, Мел, не пыхти, в запой отпущу через две недели под приглядом сержа... друга твоего Гранта, — она и дальше продолжила заполнять своим вниманием все помещение, разговаривая со всеми разом, и все равно казалось, что уделяет внимание каждому отдельно.

Я отдыхал и любовался своей девушкой, не прекращая улыбаться. Мне было хорошо с ней. Часто рассказывал истории из детства, по мере сил вставляя шутки, над которыми она искренне смеялась. Я же слушал рассказы про ее дела за день, про людей, про все на свете, и мне не было скучно. Мы даже начали готовить еду вместе. Я вспоминал рецепты своей родины, она пыталась их привести в съедобный вид. Еще были прогулки и молчание под звездным небом, а также споры о мелочах.

Улыбался и был счастлив. Все, что я хотел, сбылось. Я стражник, у меня верные друзья и любимая девушка. И все это за неполный год, хотя рассчитывал обзавестись всем этим хорошо, если через лет так семь-восемь. Но все пришло раньше.

Так что я сидел и улыбался. Ведь я стражник.

Больше книг на сайте - Knigoed.net